

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

Бреславский Анатолий Сергеевич

ПОСТСОВЕТСКИЙ УЛАН-УДЭ

**культурное пространство и образы города
(1991-2011 гг.)**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Улан-Удэ

2012

УДК 930.85 (571.54)
ББК 63.3-7 (2Рос.Бур)
Б 877

*Издание утверждено к печати ученым советом
Института монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН и осуществлено при финансовой
поддержке Администрации г. Улан-Удэ*

Научный редактор

Д.Д. Амоголонова, доктор исторических наук

Рецензенты

М.Н. Балдано, доктор исторических наук

Н.Б. Дашиева, доктор исторических наук

Д.Н. Замятин, доктор культурологии

Бреславский А.С.

Б 877 **Постсоветский Улан-Удэ: культурное пространство и образы города (1991-2011 гг.).** – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2012 – 156 с. ISBN 978-5-9793-6462-5

В книге рассматриваются геокультурные образы постсоветского Улан-Удэ – столицы Республики Бурятия. Городское культурное пространство изучено автором в соотношении с дореволюционной и советской историей Улан-Удэ (Верхнеудинска). Исследование опирается на анализ постсоветских социально-культурных и политико-экономических реалий города, включая визуальный анализ городского ландшафта.

Книга может быть востребована специалистами в сфере теории и истории культуры, гуманитарной географии, регионоведения, а также всеми, кто интересуется историей и современностью города Улан-Удэ и Республики Бурятия.

Breslavsky A.S.

Post-Soviet Ulan-Ude: Cultural Space and Images of the City (1991-2011). – Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2012. – 156 p. ISBN 978-5-9793-6462-5

The book deals with the geo-cultural images of the post-soviet Ulan-Ude (capital of Buryat Republic). The cultural space of the city is investigated by the author in their connection with pre-revolutionary and soviet history of Ulan-Ude (Verkhneudinsk), the research bases on the analysis of the post-soviet social, cultural, political and economic realities of the city, including the visual analysis of the urban landscape.

The book is of interest for specialist in theory and history of culture, humanitarian geography, region studies and also everyone who is interested in history and present day of Ulan-Ude and Buryat Republic.

ISBN 978-5-9793-6462-5

© А.С. Бреславский, 2012

© ИМБГ СО РАН, 2012

Оглавление

От автора.....	4
Введение.....	6
Глава 1. Формирование образа Улан-Удэ в исторической ретроспективе.....	22
1.1. Дореволюционный Улан-Удэ (Верхнеудинск) в историко-краеведческих текстах.....	22
1.2. Трансформация культурного ландшафта города в советский период.....	30
Глава 2. Материально-символические реалии постсоветского Улан-Удэ и их интерпретации.....	46
2.1. Улан-Удэ – «город-столица».....	47
2.2. Улан-Удэ – «город с азиатской душой».....	52
2.3. Улан-Удэ и память о «старом городе».....	63
2.4. Улан-Удэ и память о «советском».....	68
2.5. Улан-Удэ – «город-деревня».....	73
2.6. Улан-Удэ – «город окраин».....	79
2.7. Улан-Удэ – «город культур».....	90
Глава 3. Образное поле города: формирование культурного пространства постсоветского Улан-Удэ.....	114
3.1. Культурное пространство Улан-Удэ.....	114
3.2. Моделирование образов современного Улан-Удэ: старые задачи, новые перспективы.....	127
Заключение.....	137
Литература.....	144

От автора

Текст этой книги готовился в течение примерно двух лет, начиная с ноября 2009 г., когда я поступил в аспирантуру Института монголоведения буддологии и тибетологии¹ и стал работать над кандидатской диссертацией «Культурное пространство постсоветского Улан-Удэ (1991-2010 гг.)». Основная исследовательская задача этой работы была, в общем-то, проста – представить постсоветский Улан-Удэ и местное сообщество через систему устойчивых образов города, напрямую или косвенно отражающих содержание локальной культуры и общегородской идентичности.

Отправной точкой исследования стало желание реконструировать современные городские идеи, указав на их глубокую историчность и социально-политическую ангажированность – проще говоря, понять, почему среди образов постсоветского Улан-Удэ мы встречаем одни и в то же время не находим другие. В исследовании при этом не ставилась задача «разоблачения» каких-то городских мифов, представлений о городе. Главное, что хотелось сделать, – представить Улан-Удэ в качестве места, в котором одновременно сосуществуют множественные реальности – множественные смыслы и представления, значимость которых проявляется в разных условиях и контекстах. Решить эту задачу позволило нацеленное включенное наблюдение за развитием города в период с 2009 по 2011 г., а также анализ широкого круга документальных источников, связанных с постсоветской историей Улан-Удэ (административные, академические, публицистические, туристические, художественные и иные тексты о городе, включая ресурсы сети Интернет).

Важно отметить сразу, что в книге культурное пространство города рассматривается в основном как система образов, поскольку исследование было сфокусировано именно на этом. Поэтому в тексте читатель не найдет ни подробного анализа институтов культуры города (описания учреждений и организаций культуры), ни оценок культурной политики местных органов власти, ни комментариев об уровне духовной культуры и образо-

---

¹ Учреждение Российской академии наук «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН» (Улан-Удэ).

вания местного сообщества, словом, всего того, чем также традиционно занимаются исследователи городской культуры².

В книге осознанно сокращена и в достаточно упрощенном виде представлена методологическая часть исследования³. Вместе с тем во Введении предложены определения ключевых понятий исследования, определена его логика, структура, дано представление о том, в какие научные традиции вписывается работа и какие задачи она решает.

Избегая строго академического изложения, в тексте хотелось также уйти от другой крайности – краеведческого любования родным местом, описательности и некритической ностальгии. Впрочем, читатель вправе сам оценить результаты этого неизбежного противоречия между объективностью ученого и субъективностью местного жителя.

В заключение мне хотелось бы поблагодарить коллег из Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ), а также Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск) за консультации, позволившие мне со стороны оценить и уточнить отдельные положения этой книги. Отдельная благодарность – рецензентам рукописи: Марине Намжиловне Балдано (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН), Надежде Базаржаповне Дашиевой (Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств) и Дмитрию Николаевичу Замятину (Институт культурного и природного наследия им Д.С. Лихачева).

Особые слова благодарности – моему научному руководителю – Дариме Дашиевне Амоголоновой, внимательно прочитавшей рукопись и сделавшей ряд существенных замечаний, учтенных мной при доработке окончательного варианта работы.

---

² См., например: Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков: Мат. межд. Коллоквиума, СПб, 14–17 июня 2004 г. / Под ред. Б.И. Колоницкого и др. – СПб: Европейский дом, 2009. – 428 с.; Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всероссийского науч. симпозиума (г. Новосибирск, 21–22 октября 2010 г.) / Отв. ред. Д.А. Алисов, Ю.Р. Горелова. – Омск: Наука, 2010. – 422 с.

³ Более подробно методология исследования раскрыта в тексте моей кандидатской диссертации, экземпляр которой можно найти в научной библиотеке Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств.

Введение

Туристический вектор развития Бурятии, отчетливо наметившийся с начала 2000-х гг. и окончательно утвердившийся в связи с началом строительства у озера Байкал особых экономических зон туристско-рекреационного типа, ставит перед столицей республики – городом Улан-Удэ⁴, перед городским сообществом ряд значимых задач. Одна из них заключается в том, что городу, являющемуся «визитной карточкой Бурятии», необходимы сегодня качественно смоделированные геокультурные образы, ярко и информативно отражающие глубинные характеристики места и местного сообщества. Важно при этом, чтобы эти образы, формирующие основу регионального имиджа, бренда, были, с одной стороны, просты и понятны, а с другой – учитывали долговременную перспективу, а также многочисленные эмоциональные, социальные и культурные последствия и эффекты.

К настоящему времени в Улан-Удэ все более отчетливые контуры приобретает идея «города – столицы Байкальской Азии». Эта достаточно удачная идея опирается на исторические и мифопоэтические нарративы⁵ о городе и, что особенно важно, активно поддерживается административной властью⁶. Следует

---

⁴ Улан-Удэ – столица Республики Бурятия. Расположен в горной долине в месте впадения р. Уда в р. Селенга, между хребтами Хамар-Дабан и Улан-Бургасы, в 75 км к востоку от озера Байкал и в 5532 км к востоку от Москвы (местное время: московское плюс 5 часов). Важный ж.д. узел на Транссибирской ж.д. магистрали. Узел автодорог. Численность населения – более 404 тыс. чел. (данные Всероссийской переписи 2011 г.). Площадь – 377 кв.км. Более подробную статистическую информацию см. на официальном сайте Администрации города: <http://ulan-ude-eg.ru/>.

⁵ См., например: Дугаров Б.С. Столица Азии Байкальской // Б.С. Дугаров // Любовь моя – Улан-Удэ: стихи и песни / Сост. Г.М. Дабаева, Б.С. Дугаров. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. – С. 11-12.

⁶ Показательно в этом смысле то, с каким проектом Улан-Удэ в 2011 г. выиграл конкурс туристических маршрутов республики: «Улан-Удэ – столица Азии Байкальской» – такое поэтичное название носит экскурсионный маршрут-победитель [...]. Маршрут “Улан-Удэ – столица Азии Байкальской” является базовым для экскурсоводов. На его основе предлагаются различные варианты маршрутов – как пешеходные, так и ав-

подчеркнуть, что в презентации города не остаются без внимания такие важные феномены, как его дореволюционное прошлое, культурное и религиозное разнообразие местного сообщества.

Вместе с тем понятно, что реальный Улан-Удэ и «Улан-Удэ туристический» серьезно отличаются. Ощутить эту разницу, увидеть ее можно лишь выйдя за рамки публичной туристической презентации, обратив внимание на реалии и образы города, подчас не включаемые в структуру общегородской идентичности ввиду кажущейся «неблаговидности», но от того не менее важные с точки зрения его культурного восприятия. Приведем лишь два примера. Нельзя, в частности, представить постсоветский Улан-Удэ без уже ставшего привычным ежегодного «прилива» сельских мигрантов, разрастания «города-деревни». Говоря о современном Улан-Удэ, нельзя не отметить, что это «город резвых маршруток», водители которых периодически становятся «героями» гневных статей, но без работы которых жизнь современного Улан-Удэ уже невозможна. К этим явлениям мы можем относиться по-разному, но они, очевидно, – органичная часть Улан-Удэ.

Надо понимать при этом, что и в первом, и во втором случае мы имеем дело не с феноменами Улан-Удэ, а с достаточно типичными не только для российских, но и для постсоветских городов в целом явлениями. С одной стороны, мы видим массовый исход сельчан в города, характерный для государствах и региональных столиц на всем постсоветском пространстве (ярчайшие примеры – Астана, Бишкек, Улан-Батор и т.д.)⁷. С другой

тобусные, для различных категорий экскурсантов (российские и иностранные туристы; школьники всех возрастов, студенты)». См.: Лучший туристский маршрут республики – в Улан-Удэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uustravel.ru> (12.03.2011).

⁷ Именно характер миграции и отличает постсоветские города от западных, для которых в последние два десятилетия было характерно преобладание внешней, а не внутренней миграции. В отношении новых независимых государств, образовавшихся после распада СССР, интересным кажется замечание Н.П. Космарской, которая отмечает, что жизнь городов на пространстве бывшего СССР развивалась под воздействием двух важнейших факторов, нетипичных для городов Запада. Речь идет о не имеющих аналога на Западе мощных трансформациях «бытия» и «сознания», вызванных распадом СССР, и значительном воздействии на эти города внутренней миграции – миграции относительно близких по культуре сограждан, а не внешней, ставшей вызовом для Запада с по-

стороны – феномен маршруток, которые в качестве общественного транспорта вообще неведомы в Западной Европе и Северной Америке, но роднят наши города с городами Восточной Европы и Центральной Азии, что позволяет даже предложить их в качестве «эмблемы постсоветского города»⁸.

Можно ли сказать в связи с этим, что постсоветская история Улан-Удэ во многом воспроизводит тенденции в развитии отечественных городов в целом? Думается, что да. Вместе с тем постсоветский Улан-Удэ среди прочих городов России обращает на себя особое внимание в силу своей культурной специфики, которая проявилась в последние десять-двадцать лет его истории. Трансформация идентичности и исторической памяти местного сообщества, представление о новой роли города в постсоветских реалиях России, обновление социалистического ландшафта – все эти процессы оказались наполнены множественными манифестами, формирующими отличительный метатекст городской культуры. Однако в ходе анализа геокультурных образов Улан-Удэ мы рассмотрим не только особенности в культурном восприятии города, но и такие его признаки, которые характеризуют многие отечественные города. Речь в частности, пойдет об изменениях в восприятии *столичности* и *провинциальности*, *центральности* и *периферийности* города, о взаимопроникновении в нем *глобального* и *локального*, *городского* и *сельского* и т.д.

Методологические основы работы

«Культурное пространство города» – категория, активно используемая в современных социальных и гуманитарных науках. Вместе с тем ее инструментальная ценность и эвристическая значимость остаются, как показал наш теоретический обзор⁹,

---

слевоенных времен. См.: Космарская Н.П. Исследования города / Н.П. Космарская // Антропологический форум. – 2010. – № 12. – С. 76.

⁸ См., в частности: Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Е.Г. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – С.11. В этой связи, уже с точки зрения международной туристической привлекательности, эффекты массовой сельской миграции, а также особенности транспортной системы города могут быть рассмотрены даже как потенциально положительные.

⁹ Подробнее см.: Бреславский А.С. Культурное пространство постсоветского Улан-Удэ (1991-2010 гг.): дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук по специальности 24.00.01 – теория и история культуры [Институт мон-

сравнительно невысокими, поскольку это понятие обычно подразумевает широкий спектр культурных явлений, локализованных в границах города. В целом для современных исследований городского культурного пространства характерно отсутствие конвенционального понимания этой категории. Проблемные дискуссии в соответствующем предметном поле развиты слабо, ситуацию методологического кризиса периодически актуализируют, как правило, лишь географы и социологи. В отечественных исследованиях к тому же присутствуют существенные методологические противоречия, связанные со слабой применимостью наиболее известных зарубежных подходов в изучении городского пространства к реалиям постсоветской России и шире – к государствам бывшего СССР¹⁰. Проблема становится особенно актуальной в связи с отсутствием в этой исследовательской области отечественных «предшественников», на труды которых можно было бы опираться.

Данная книга, а точнее, формирующее ее исследование, опирается на активно развивающийся сегодня ландшафтно-образный подход. Соответствующее решение опиралось на два значимых обстоятельства. Во-первых, данный подход включает концепции, которые были разработаны отечественными учеными¹¹, занятыми изучением российских реалий. При этом теоретико-методологические основы ландшафтно-образного подхода не просто включают в себя достижения зарубежной науки, но и опираются на них. Во-вторых, этот подход предоставляет ясные и инструментально ценные рабочие определения, а также методологические приемы и схемы, связанные со сбором, интерпретацией и презентацией эмпирических данных, что выгодно отличает его от других отечественных подходов к изучению культурного пространства места.

головедения, буддологии и тибетологии СО РАН]. – Улан-Удэ, 2011. – 196 с.

¹⁰ Ситуацию кризиса описывает В.В. Вагин: Вагин В.В. Российские города: новые подходы к изучению. Вместо предисловия / В.В. Вагин / Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. В.В. Вагин; сер. «Научные докладь». – Вып. 116. – М.: МОНФ, 2000. – С. 4-12.

¹¹ Речь пойдет, в частности, о работах сотрудников Центра гуманитарных исследований пространства Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва.

Данный подход, относящийся к сфере гуманитарной (культурной) географии, ориентируется на изучение «культурных миров» места. Он успешно преодолевает дисциплинарные границы физической географии, обеспечивая продуктивный синтез географического и культурологического знания. Не случайно одна из системообразующих работ в этой области носит название «Культура и пространство»¹². Обращение к опыту данной дисциплины в изучении «пространственной» тематики не случайно. Все чаще в отечественных академических дискуссиях звучит мысль о том, что география среди прочих социальных наук достигла наибольших успехов в изучении «пространства». Показательно в этом смысле суждение российского социолога, директора Центра фундаментальной социологии Института социологии РАН А.Ф. Филишова, который отмечает, что именно географов сегодня отличает внятнее, непринужденное отношение к пространству. Это наделяет их теоретико-методологические схемы высокой инструментальной ценностью, «делает их столь восприимчивыми к теоретическим новациям [...]. Именно географы оказались по-настоящему чуткими к новым тенденциям в философии, исследованиях культур»¹³. К сказанному добавим, что и на Западе именно географы совершили первые значительные шаги в осмыслении культурного пространства города, именно они задали проблематику, проводили первые исследования, инициировали академические дискуссии¹⁴.

Ландшафтно-образный подход к изучению культурного пространства города, о котором мы сказали вначале, предлагает значимое для нас понятие – «метагеография города». Оно подра-

---

¹² См.: Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов / Д.Н. Замятин. – М.: Знак, 2006. – 448 с.

¹³ Филишов А.Ф. Социология пространства / А.Ф. Филишов. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – С. 3-5.

¹⁴ См., например: Amin A. Re-thinking the Urban Social / A.Amin // City. – 2007. – №. 11 (1). – P. 100-114; Amin A., Thrift N. Cities: Re-imagining the Urban / A. Amin, N. Thrift. – Cambridge: Polity, 2002. – 192 p.; Mitchell D. The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space / D. Mitchell. – N.Y.: The Guilford Press, 2003. – 270 p.; Pile S. Real Cities: Modernity, Spaces and the Phantasmagorias of City Life / S. Pile. – London: Sage Publications, 2005. – 212 p.; Soja E.W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other Real-and-Imagined Places / E.W. Soja. – Oxford: Wiley-Blackwell, 1996. – 334 p.; Soja E.W. Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions / E.W. Soja. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2000. – 440 p.

зумевают, что наряду с видимой, физической реальностью того или иного города существует реальность воображаемая, включающая всевозможные образы, пространственные мифы, представления о данном городе, которые могут соответствовать или не соответствовать его физической среде, топонимике, локальной культуре. Метагеография города – это своего рода оболочка из символов, знаков, значений и смыслов, которая обволакивает город, формируя наше представление о нем¹⁵.

Метагеография города, его культурное пространство складывается, таким образом, из представлений о данном городе. Эти представления можно обозначить как пространственные образы, мифы, локальные тексты, феномены и т.д. В данном исследовании в качестве такой базовой категории было использовано понятие *культурно-географического образа*.

Итак, для понимания основных положений данной книги нужно разобраться с двумя категориями: культурное пространство города и образ города. Начнем с определения ключевого понятия работы, обозначенного в ее названии, – понятия «культурное пространство». Здесь и далее оно понимается нами как «система устойчивых культурных реалий и представлений на определенной территории, формирующихся в результате сосуществования, переплетения, взаимодействия, столкновения различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубоких психологических структур восприятия и функционирования картин мира»¹⁶. В инструментально-прикладном смысле культурное пространство города может быть обозначено в качестве определенным образом структурированной системы культурных контекстов, каждый из которых представляет собой группу образов города и соответствующих им знаковых мест городского ландшафта.

Изучение культурного пространства в такой интерпретации напрямую связано с выявлением формирующих его культурно-географических образов. Последние в гуманитарной географии

---

¹⁵ См., например: Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов / Д.Н. Замятин. – М.: Знак, 2006. – С. 221-224; Замятин Д.Н. Метагеография города: особенности и закономерности / Д.Н. Замятин // Урбанизация в условиях трансформации социально-экономической структуры общества. – Смоленск: Универсум, 2003. – С. 74-80.

¹⁶ Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов / Д.Н. Замятин. – СПб.: Алетейя, 2003. – С. 70.

определяются как «система наиболее мощных, ярких и масштабных знаков, символов и характеристик, описывающая особенности развития и функционирования тех или иных культур и / или цивилизаций в глобальном контексте»¹⁷.

Образно-географический подход к проблеме города и городского культурного пространства предполагает, таким образом, специфический предмет исследования – образы города. В культурной или культурно-географической трактовке «образ города» рассматривается как «система упорядоченных взаимосвязанных представлений о пространстве и пространственных структурах какого-либо города, а также как система знаков и символов, наиболее ярко и информативно представляющих и характеризующих определенный город»¹⁸. С точки зрения репрезентации «образ города» может быть обозначен также как «совокупность ассоциаций о данном городе, накопленных в определенной культуре и репрезентированных через произведения литературы, музыки и живописи, кинофильмы, различные документальные источники, а также местные городские ландшафты, архитектуру, памятники и т.д.»¹⁹. Здесь важно отметить, что методика изучения этих образов тесно связывается с интересующим нас феноменом локальной истории: «Всякая локальная история является элементом истории более общей, глобальной, масштабной. Однако при этом локальные истории создают свои образные историко- и культурно-географические пространства, не сводимые к традиционным пространствам больших регионов, стран и цивилизаций. Такие небольшие и часто малоизвестные пространства-образы могут быть интровертными, не развернутыми к “большим” истории и географии, но их серьезная роль состоит в накоплении, переработке и глубокой интерпретации местных событий, как бы невидимых издалека и свысока»²⁰.

---

¹⁷ Там же. – С. 71.

¹⁸ Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов. – С. 221.

¹⁹ Замятина Н.Ю. Формирование образа города: особенности и закономерности / Н.Ю. Замятина // Возвращенные имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России. – Нижний Новгород: РРЕХ и Профессионалы за сотрудничество, 2004. – С. 49.

²⁰ Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы / отв. ред. Д.Н. Замятин. М.: Институт Наследия, 2008. – С. 547.

Источниками для осуществления интерпретации тех или иных пространственных смыслов – образов города, является текст в расширенном понимании. В рамках используемого нами подхода речь идет о ландшафтном и неландшафтном тексте. *Неландшафтный текст* о месте представляет собой информацию о его истории и культурной жизни, которая может включать исторические особенности города, его архитектурно-планировочный облик, внутригородское ландшафтное зонирование, особенности культурной жизни, сложившиеся пространственные стереотипы и образы города и его отдельных частей, складывающиеся местные сообщества города с их ценностными установками, культурными инициативами и т.п. В этом смысле работа с неландшафтным текстом позволяет интегрировать знание о городе и городской культуре, формируемое представителями разных социально-гуманитарных дисциплин (истории, социологии, фольклористики и т.д.). Источниками такого знания могут быть как научные и публицистические труды о месте, так и художественная литература, материалы СМИ, ресурсы сети Интернет, путеводителей, справочников, документальные и художественные фильмы, формирующие представление об историко-культурной специфике данного места в изучаемый период.

В исследовании культурного пространства города неландшафтный анализ текста обязательно должен быть дополнен *ландшафтным анализом*. Последний складывается в ходе полевых исследований и, прежде всего, визуальных наблюдений. Важная задача исследования ландшафтного текста – выявление «знаковых мест» территориальной культурной системы, которые представляют собой конкретные точки или ареалы на местности. Выявить знаковые места – значит наполнить тот или иной участок местности смыслом, осуществить его интерпретацию. При этом, чтобы легитимировать выделенные в ходе исследования образы, необходимо, чтобы их основа включала, во-первых, реальность наблюдаемых объектов данного знакового места, а во-вторых, реальность пространственных представлений, идей, смыслов, связанных с данным местом. Реализовать эти два условия, собственно, и позволяет ландшафтный (визуальный, полевой) и неландшафтный (документальный, дистанционный) анализ места.

Теоретическая рамка проведенного полевого исследования культурных реалий и представлений о постсоветском Улан-Удэ включала, помимо «образной» концепции, «идеологически близ-

кую» ей концепцию пространственных мифов (концепцию мифогеографии) И.И. Митина²¹. Методика исследования, которую предполагает данная концепция, выстраивается вокруг понятия места как палимпсеста²².

Начнем с того, что «место» в качестве термина обозначает здесь «часть пространства, наделенную человеком множественными значениями»²³. Иными словами, как только часть материального пространства наделяется определенным значением, она становится местом. Организуя свою концепцию на основе работ Р. Барта по мифологии²⁴, И.И. Митин предлагает называть «значения», благодаря которым места возникают из пространства, «пространственными мифами». Формирование данных значений – устойчивых представлений (мифов) происходит посредством семиозиса – за счет наделения исходного высказывания о месте новым значением, что может повторяться бесконечное число раз²⁵. В качестве палимпсеста место представляет собой источник множественных значений, порождаемых за счет интерпретации тех или иных его элементов. Модель палимпсеста предполагает, что в каждом месте одновременно могут сосуществовать множественные реальности, опирающиеся на те или иные значения, смыслы, на представления о нем. Иначе говоря, одно и то же место можно представить и интерпретировать по-разному. При этом каждое новое значение обогащает палимпсест. В этом смысле исследователь, изучающий, допустим, культурные реалии того

---

²¹ См., например: Митин И.И. Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей места / И.И. Митин // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. – М.: Институт Наследия, 2006. – Вып. 3. – С. 64-82; Митин И.И. Методика полевых гуманитарно-географических исследований в контексте мифогеографии / И.И. Митин // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. – М.: Институт Наследия, 2005. – Вып. 2. – С. 235-275.

²² См. подробнее: Митин И.И. Палимпсест, место как палимпсест [Материалы к словарю гуманитарной географии] / И.И. Митин // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. – Вып. 2. – С. 351-353.

²³ Митин И.И. Место как палимпсест / И.И. Митин // 60-я параллель. – 2008. – № 4 (31). – С. 21.

²⁴ См., например: Барт Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: Академический проект, 2008. – 351 с.

²⁵ Митин И.И. Место как палимпсест. – С. 22.

или иного города, пространственные представления о нем, также создает свой пласт, «реалистичность» которого будет зависеть от того, насколько корректно он смог собрать множественные представления об этом месте, зафиксировать наиболее устойчивые «идеи», «сообщения», которые заключены в нем как палимпсесте.

Методика полевого исследования опирается в данном случае на два главных принципа:

1. На принцип раскладываемости пространства и места (реальности наблюдаемых объектов, пространственных представлений различных видов) на отдельные элементы, на возможность представить те или иные тексты о пространстве в виде совокупностей (контекстов) признаков. Сами *контексты*, представляющие собой наборы признаков (элементов) территориальной культурной системы, организуются в свою очередь вокруг главного из признаков – доминанты.

2. На принципиальную возможность разработки модели взаимоотношений между отдельными признаками места, их целостными системами (контекстами)²⁶.

Иначе говоря, палимпсест – это модель территориальной культурной системы (например, города), которая предполагает: сосуществование множественных культурных контекстов (наборов признаков) одного и того же места; автономность каждого из этих контекстов как одного из пластов единого палимпсеста; возможность установления определенных правил, по которым строится каждый из этих пластов; возможность выявления определенных закономерных (в той или иной логике) связей между пластами; существование некоей иерархии пластов палимпсеста каждого места в каждый конкретный момент времени для каждого человека (или социальной группы); вариативность такой иерархии пластов, ее не-единственность²⁷.

В ходе полевой работы и анализа полученных материалов, связанных с диссертационным исследованием автора, обозначенные выше концепции (образно-географическая концепция и концепция пространственных мифов) были дополнены дискурс-

---

²⁶ См.: Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. – С. 635.

²⁷ Там же. – С. 629-630.

аналитической программой²⁸. Это позволило не только зафиксировать наиболее устойчивые образы города и соответствующие им знаковые места, но и изучить процессы производства и потребления этих образов.

Структура и логика исследования

Исследование культурного пространства постсоветского Улан-Удэ, материалы которого легли в основу данной книги, было выстроено следующим образом. Вначале в ходе документального, дистанционного (неландшафтного) анализа, а также последующего визуального (ландшафтного) анализа, были выявлены наиболее устойчивые признаки (образы) постсоветского Улан-Удэ. Затем среди них были определены доминирующие образы, организующие вокруг себя все остальные. Получившиеся совокупности образов, объединенные тем или иным доминантным признаком города, были изучены как «контексты». Их анализ предложен во второй главе («город-столица», «город с азиатской душой» и т.д.). Завершающим элементом исследования стала модель культурного пространства постсоветского Улан-Удэ, предложенная в заключительном параграфе книги. Эта модель организована в логике упоминавшейся выше метафоры палимпсеста – как определенным образом структурированная совокупность культурных контекстов города, указывающая на множественность его образов, сосуществующих одновременно. В заключительной главе представлены графические схемы, иллюстрирующие характер связей между контекстами, а также связь отдельных образов постсоветского Улан-Удэ с конкретными знакомыми местами городского ландшафта.

Открывает же книгу глава, посвященная обзору и анализу историко-краеведческих текстов, напрямую связанных с Улан-Удэ,

---

²⁸ В исследовании были использованы возможности критического дискурс-анализа (*critical discourse analysis*), являющегося одной из разновидностей дискурс-анализа в целом. См. более подробно: Fairclough N. *Critical discourse analysis* / N. Fairclough. – L.: Longman, 1995. – 246 p.; Fairclough N., Wodak R. *Critical Discourse Analysis* / N. Fairclough, R. Wodak // *Discourse as Social Interaction: Discourse Studies. A Multidisciplinary Introduction*. – Vol. 2. – London: Sage, 1997. – P. 258–284; van Dijk T. *Critical Discourse Analysis* / T. van Dijk // *Handbook of Discourse Analysis* / ed. by D. Tannen, D. Schiffrin, H. Hamilton. – Oxford: Blackwell, 2001. – P. 352–371.

которые мы рассматривали как один из источников анализа не-ландшафтного текста города – документальную основу для выявления его признаков (образов). В этой связи представляется важным отдельно отметить во Введении исследовательские труды о дореволюционном, советском и постсоветском Улан-Удэ, к которым мы обращались в своей работе.

Академические исследования Улан-Удэ

Изучение культурных реалий и представлений, связанных с постсоветским Улан-Удэ, изначально задает широкий хронологический контекст, охватывающий весь исторический период существования города, начиная с момента его основания в 1666 г. В этом смысле значимыми для нас оказались исторические и краеведческие исследования дореволюционного и советского Улан-Удэ. В работах Ц.Ц. Дондукова²⁹, Б.Ц. Жимбиева³⁰, Н.В. Ким³¹, Л.К. Минерта³², П.Л. Натаева³³, Р.А. Серебряковой³⁴, А.В. Тиваненко³⁵ мы нашли ответы на интересующие нас вопросы относительно истории формирования ландшафта Улан-Удэ (Верхнеудинска), а также отдельных его пространственных локусов. Данные исследования позволили нам определить, как в результате общегосударственных и региональных политических и экономических трансформаций исторически видоизменялась идентичность всего города, его архитектурный облик, памятные мес-

---

²⁹ См., например: Дондуков Ц.Ц. Улан-Удэ – столица Советской Бурятии: историко-краеведческий очерк / Ц.Ц. Дондуков. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1961. – 132 с.

³⁰ См., например: Zhimbiev V. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude / V. Zhimbiev. – London: The White Horse Press, 2000. – 121 p.

³¹ См., например: Ким Н.В. Очерки истории Улан-Удэ (XVII-начало XX) / Н.В. Ким. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. – 114 с.

³² См., например: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ / Л.К. Минерт. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. – 248 с.

³³ См., например: Натаев П.Л. Улан-Удэ: краеведческий очерк / П.Л. Натаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. – 176 с.

³⁴ См., например: Серебрякова Р.А. Улан-Удэ. Путеводитель / Р.А. Серебрякова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. – 146 с.

³⁵ См., например: Тиваненко А.В. Удинский острог: первое столетие Улан-Удэ / А.В. Тиваненко. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 121 с.

та, структура городской и пригородной территории – в общем, все то, что составляет морфологический подход к изучению городского пространства³⁶.

В анализе вопросов, связанных с процессами формирования отдельных сфер городской культуры, культурной инфраструктуры дореволюционного и советского Улан-Удэ (Верхнеудинска), важную роль сыграли работы С.А. Батурина³⁷, С.В. Евдокимовой³⁸, И.Ю. Замуль³⁹, Л.В. Кальминой⁴⁰, Т.Ф. Ляпкиной⁴¹, С.Ч.

---

³⁶ Под «морфологией города» в отечественной и зарубежной науке принято понимать «распределение различных артефактов в городском пространстве: различных объектов городского хозяйства, парков, жилых районов и т.п., а также элементов природного ландшафта городской территории». См.: Чешкова А.Ф. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации / А.Ф. Чешкова // Российское городское пространство: попытка осмысления. – С. 15-16. См. также: Urban Geography in the Soviet Union and the United States // Lappo G.M., Petrov N.V., Adams J. – Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 1992. – P.111. Вообще большинство советских и зарубежных исследований социалистического города (а Улан-Удэ является, по большому счету, продуктом советской застройки) связано именно с морфологическим подходом, что позволяет использовать их и применительно к изучаемому нами случаю. См., в частности: Bater J. The Soviet City: Ideal and Reality / J. Bater. – London: Edward Arnold, 1980. – 196 p; French R.A., Hamilton F.E. The Socialist City. Spatial Structure and Urban Policy / R.A. French, F.E. Hamilton. – New-York: John Wiley and Sons, 1979 – 560 p; French R.A. Plans, Pragmatism and People. The Legacy of Soviet Planning for Today's Cities / R. A. French. – London: University of Pittsburgh Press, 1995. – 233 p.

³⁷ См., например: Батулин С.А. Новый облик Верхнеудинска-Улан-Удэ в фотодокументах 1920-1930-х годов / С.А. Батулин // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всероссийского науч. симпозиума (г. Новосибирск, 21-22 октября 2010 г.) / Отв. ред. Д.А. Алисов, Ю.Р. Горелова. – Омск: Наука, 2010. – С. 43-47.

³⁸ См., например: Евдокимова С.В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII-XIX вв. / С.В. Евдокимова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2007. – 248 с.

³⁹ См., например: Замула И.Ю. Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875-1917 гг.) / И.Ю. Замула. – Иркутск: Изд-во «Обл-машинформ», 2001. – 208 с.

⁴⁰ См., например: Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX века – февраль 1917 г.) / Л.В. Кальмина. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2003. – 423 с.

Мантуровой⁴², К.Б.-М. Митупова⁴³, О.Э. Мишаковой⁴⁴, Т.В. Паликовой⁴⁵, Т.Д. Скрынниковой⁴⁶, а также ряд коллективных изданий⁴⁷.

Несомненную ценность для исследования имели работы, затронувшие вопросы постсоветской истории Улан-Удэ, формирования оригинальных черт его культурного пространства. Стоит

---

⁴¹ См., например: Ляпкина Т.Ф. Культура сибирского провинциального города: Верхнеудинск XIX века / Т.Ф. Ляпкина // Культура и личность: сб. статей. – СПб.: СПбГУКИ, 2006. – С. 198-204.

⁴² См., например: Мантурова С.Ч. Государственное призрение и благотворительность в Забайкалье: историко-культурные практики во второй половине XIX - начале XX вв.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист. наук: специальность 24.00.01 – теория и история культуры [Восточно-Сибирский государственный технологический университет] / С.Ч. Мантурова. – Улан-Удэ, 2005. – 50 с.

⁴³ См., например: Митупов К.Б.-М. Молодежные группы Улан-Удэ во второй половине XX века: истоки и причины активизации взаимодействия, смена функций, криминализация отношений / К.Б.-М. Митупов // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии: материалы международного семинара-совещания / Митупов К.Б.-М. [и др.] – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2006. – С. 94-105.

⁴⁴ См., например: Мишакова О.Э. Верхнеудинск как важный торговый центр Восточной Сибири. Эволюция торгового законодательства, формирование торговой инфраструктуры города / О.Э. Мишакова // Исследования молодых ученых: межвуз. сб. ст. – Вып. 4. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2002. – С. 19-22.

⁴⁵ См., например: Паликова Т.В. Развитие культуры городов Забайкалья второй половины XIX – начала XX века / Т. В. Паликова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. – 258 с.; Купечество – Верхнеудинск – Улан-Удэ / Т.В. Паликова [и др.]. – Улан-Удэ: Экос, 2007. – 190 с.

⁴⁶ См., например: Скрынникова Т.Д. Улан-Удэ – советская столица национальной республики / Т.Д. Скрынникова // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии. – С. 71-84.

⁴⁷ Важно отметить ряд коллективных изданий, касающихся обозначенной тематики: Очерки истории культуры Бурятии / под ред. Е.М. Залкинда. – Улан-Удэ.: Бурят. кн. изд-во, 1972. – Т. 1. – 490 с.; Очерки истории культуры Бурятии / под ред. Г.Л. Санжиева. – Улан-Удэ.: Бурят. кн. изд-во, 1974. – Т. 2. – 647 с.; Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период) / Т.Д. Скрынникова, С.Д. Батомункуев, П.К. Варнаровский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 215 с.; Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии: материалы международного семинара-совещания / Митупов К.Б.-М. [и др.] – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2006. – 120 с.

особенно выделить труды Д.Д. Амоголоновой⁴⁸, С.Д. Батомункуева⁴⁹, П.К. Варнавского⁵⁰, Г.В. Манзановой⁵¹, А.В. Михалева⁵², Т.Д. Скрынниковой⁵³, К. Хамфри⁵⁴, а также работы, выполненные коллективами исследователей⁵⁵.

Оценивая степень изученности темы, важно отметить, что, несмотря на обилие работ о различных аспектах общественно-

---

⁴⁸ См., например: Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики / Д.Д. Амоголонова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. – 292 с.

⁴⁹ См., например: Батомункуев С.Д. Урбанизация по-деревенски. Улан-Удэ грозит рурализация / С.Д. Батомункуев // Город Газета соучастия. – 2005. – № 1. – С. 6.

⁵⁰ См., например: Варнавский П.К. Современная дача как социокультурный феномен городской повседневности (на примере Улан-Удэ) / П.К. Варнавский // Город и село в условиях глобализации (на примере республики Бурятия) / Г.В. Манзанова [и др.] – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 44-48.

⁵¹ См., например: Manzanova G. City of migrants: Contemporary Ulan-Ude in the Context of Russian migration / G. Manzanova // Urban Life in Post-Soviet Asia / ed. by Alexander Catherine, Victor Buchli and Caroline Humphrey. – London: University College London Press, 2007. – P. 125-135.

⁵² См., например: Михалев А.В. Конструирование традиционности в пространстве «самостроя» современного Улан-Удэ: этнографический очерк / А.В. Михалев // Известия Алтайского госуниверситета. – 2008. – № 4-5 (60). – С. 142-146.

⁵³ См., например: Амоголонова Д.Д., Скрынникова Т.Д. Текст и контекст Улан-Удэ: сложный образ городского пространства / Д.Д. Амоголонова, Т.Д. Скрынникова // Россия: воображение пространства / пространство воображения / отв. ред. И.И. Митин. – М.: Аграф, 2009. – С. 268-294.

⁵⁴ См., например: Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России / К. Хамфри. – М.: Наталис, 2010. – 384 с.

⁵⁵ Следует упомянуть о ряде важных коллективных изданий, содержащих аналитические работы, напрямую касающиеся культурного пространства постсоветского Улан-Удэ: Буряты: социокультурные практики переходного периода / Амоголонова Д.Д. [и др.]. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2008. – 346 с.; Город и село в условиях глобализации (на примере республики Бурятия) / Г.В. Манзанова [и др.] – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 160 с.; Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки / Д.Д. Амоголонова [и др.]. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 220 с.; Улан-Удэ: история и современность / сост. А.Б. Иметхенов, Е.М. Егоров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 480 с.; Urban Life in Post-Soviet Asia / ed. by Alexander Catherine, Victor Buchli and Caroline Humphrey. – London: University College London Press, 2007. – 224 p.

политической и этнокультурной реальности Улан-Удэ, к настоящему времени постсоветская история города, его культурное пространство так и не стали предметом комплексного изучения. Вместе с тем такого рода исследование, которое, во-первых, учитывало бы достижения предшественников, а во-вторых, предлагало междисциплинарный принцип в изучении культурных реалий города, позволило бы более целостно оценивать изменения, произошедшие в городском ландшафте и местном сообществе за последние двадцать лет. Актуальность решения этой задачи с каждым годом лишь возрастает, поскольку многие значимые детали повседневной и официальной жизни города, зачастую кажущиеся нам незначительными, быстро забываются, не получая должного социального и научного осмысления.

Завершая вступительную часть и в целом оценивая содержание книги, ее практическую значимость, хочется выразить надежду, что результаты работы будут востребованы при разработке геокультурных образов территории (в частности, города Улан-Удэ), которые играют важную роль в современных межрегиональных и международных отношениях, окажутся полезны при выработке стратегий территориального развития, политических и социально-экономических программ.

Глава 1

Формирование образа Улан-Удэ в исторической ретроспективе

1.1. Дореволюционный Улан-Удэ (Верхнеудинск) в историко-краеведческих текстах

В современном Улан-Удэ, как и во многих других региональных столицах России, как никогда интенсивно происходит актуализация локальной истории, ее (ре)конструирование и расширенное воспроизводство. Причем интерес представляют даже не отдельные периоды городской истории, а вся она в совокупности. Это привело к тому, что накопленный в предыдущие годы разного рода исторический нарратив (в широком смысле – повествования) о городе оказался высоко востребован. Его активно использовали в городских проектах культурного возрождения, в историко-архитектурной реконструкции, в разного рода политических и социальных программах.

В случае с постсоветским Улан-Удэ стоит говорить к тому же об относительно сложившейся многослойной семантике городского пространства: в нем достаточно органично переплелись социально организованные элементы дореволюционной, советской и постсоветской реальности. Более того, пространственное развитие современного Улан-Удэ во многом воспроизводит те социальные тенденции, смыслы и представления, которые возникли еще в советский и досоветский этапы его истории. Это проявляется не только в стилизации современного Улан-Удэ под «дореволюционный», «советский» город, под «национальную столицу», но и в «более реальных» эффектах той структурной инерции, которую переживает город и городское сообщество. Перед историками (да и не только перед ними) в этом смысле возникает множество интересных и значимых задач. Одна из них, например, – прояснить, как происходило формирование и развитие Верхнеудинска-Улан-Удэ в качестве продукта царской колонизации, эпохи

империостроительства, советского социалистического проекта или современного российского федерализма, какие эффекты повлекли за собой эти исторически значимые для страны и города политические проекты. Речь может идти о специфических и относительно универсальных социальных тенденциях, конструктах культурной памяти (коллективной, семейной, индивидуальной), метаморфозах городской идентичности, позициях тех или иных социальных групп внутри городского сообщества и т.д. Всем этим могут заняться историки, опираясь как на дисциплинарные возможности самой истории, так и используя ресурсы междисциплинарного подхода. Между тем достаточно очевидно и то, что интерес к истории Улан-Удэ вряд ли удастся надолго сохранить, если те, кто ее профессионально производит, не попытаются реализовать и представить свой продукт в качестве значимого ресурса в развитии общегуманитарного дискурса о городе и в реализации современных и будущих социальных / технологических проектов городского развития. Это замечание мы постарались учесть при подготовке исследования.

В данном параграфе мы сосредоточимся на дореволюционной истории Улан-Удэ (Верхнеудинска), которая будет рассмотрена нами как часть неландшафтного текста города. Напомним, неландшафтный текст представляет собой информацию об истории и культурной жизни города, находящую воплощение в историческом, публицистическом, туристическом, художественном и прочих дискурсах. Источниками подобной информации в этом случае выступают научные и публицистические труды, художественная литература, ресурсы сети Интернет, материалы СМИ, путеводители, справочники и т.п. Главная задача неландшафтного анализа заключается в том, чтобы определить устойчивые признаки города, его образы. Фокусировка именно на исторических нарративах представляется оправданной, поскольку именно они, как показали наши предварительные исследования⁵⁶, в наибольшей степени востребованы при производстве представлений о постсоветском Улан-Удэ. Если взглянуть, например, на административный, туристический или рекламный дискурс о городе с позиции дискурс-аналитика, станет очевидно, что в структуре производимых ими текстов значительную (если не по-

---

⁵⁶ См., например: Бреславский А.С. Конструирование «городских окраин» в постсоветском Улан-Удэ / А.С. Бреславский // Палітычная сфера. – Минск. – 2009. – № 12. – С. 74-88.

давящую) часть составляют именно исторические нарративы. Это не в последнюю очередь связано с тем, что буквально до 1990-х гг. производством знания об Улан-Удэ (Верхнеудинске) занимались преимущественно историки-краеведы.

В анализе историко-краеведческого дискурса о дореволюционном Верхнеудинске с содержательной точки зрения интерес для нас представляли следующие вопросы: во-первых, исторические особенности города, связанные с его функциональной значимостью и ее изменением в различные исторические периоды; во-вторых, его архитектурно-планировочный облик, внутригородское ландшафтное зонирование; в-третьих, особенности его культурной жизни. Анализ исторических особенностей города, связанных с исполнением им тех или иных общественно-политических функций, создает предпосылки для определения и легитимации современных образов города.

Итак, согласно принятой версии⁵⁷, история Улан-Удэ начинается с 1666 г., когда на пересечении двух крупных рек – Уды и Селенги – казаками, продвигающимися в Сибирь, было построено Верхнеудинское зимовье. Деревянная крепость острога была сооружена в 1680-е гг. на возвышенности правого берега р. Уда – «Батарейной горе»⁵⁸ и просуществовала до конца XVIII в.⁵⁹

---

⁵⁷ 1666 год является академически и общественно признанной датой основания города. Вместе с тем в последние два года администрация Улан-Удэ (городской Совет) поддерживает идею «удревнения» городской истории, инициируя дискуссии о расположенном в пригородной территории «гуннском городище», включив которое в состав городского округа, можно увеличить время существования Улан-Удэ сразу на 2000 лет. С 2011 г. в Улан-Удэ стал праздноваться День Древнего города, что также свидетельствует о твердом намерении мэрии утвердить соответствующий образ города. См., например: Улан-Удэ может претендовать на звание одного из самых древних городов России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vtinform.ru/vti/140/51001.php> (11.02.2011); Сколько лет столице Бурятии? Мнения о возрасте Улан-Удэ неожиданно разошлись [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arigustv.ru/news/detail.php?ID=19914> (30.05.2011); Болотов Б.Б., Д.М. Хамаганова. Улан-Удэ – древний город России. К 135-летию Верхнеудинской городской Думы. Самоуправление: время, события, люди / Б.Б. Болотов, Д.М. Хамаганова. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. – 160 с.

⁵⁸ Такое название она получила, как пишет Л.К. Минерт, позднее в связи установкой здесь во второй половине XIX в. артиллерийского лагеря (батареи) Конно-артиллерийской бригады Забайкальского казачьего

Вслед за сооружением острога ниже его, на плоской прибрежной террасе Уды, постепенно разрастается казачье поселение – Посад. Именно этой территории «большого города»⁶⁰ предстоит стать общегородским центром и пробыть таковым в течение двух последующих столетий. Дальнейшая застройка города производилась стихийно⁶¹ в северном (в сторону нагорной части, современной нам площади Советов), западном (в сторону р. Селенга) и в южном направлении (на левом берегу р. Уда). К 1735 г. на территории Посада («большого города») были построены три деревянных православных церкви⁶², которые вместе с рынком, расположенным у берега р. Уда, сформировали относительно организованные пространства, выполнявшие общественные функции.

В качестве военно-опорного пункта Удинский острог быстро утратил свое значение. Укрепление добрососедских и взаимовыгодных отношений с Китаем и Монголией в XVIII в. привело к тому, что острожные функции города (в первую очередь – защита, оборона) окончательно отошли на второй план. В дополнение к этому роль Удинского острога в качестве центра Забайкалья в первое столетие его истории оспаривал Селенгинский острог, имевший собственный гарнизон и более внушительные размеры. В 1688-1689 гг., кстати, именно по образцу Селенгинска из малого Удинского острога была выстроена небольшая рубленая крепость – город⁶³ Удинский. Последний еще в течение многих десятилетий в официальных свидетельствах именовался «пригородом» («пригородком») Селенгинска. Только когда в 1775 г.

войска. См.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 56. См. о «Батарейке» также: Серебрякова Р.А. Улан-Удэ. Путеводитель. – С. 15.

⁵⁹ См.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 29-30.

⁶⁰ «Большой город» противопоставляется физически ограниченной территории самого острога, который располагался на Батарейной горе. См.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 28.

⁶¹ Первый план застройки Верхнеудинска был принят в конце XVIII в.

⁶² Церковь Верховных Апостолов Петра и Павла (Петропавловская), Церковь Иконы Богородицы Одигитрии и Церковь Образа Спаса Нерукотворного.

⁶³ Известно, что «городами» в логике крепостного строительства обозначались оборонительные сооружения высшего типа с особым видом стенами, рублеными «городнями» или «тарасами». См.: Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири / В.И. Кочедамов. – М.: Стройиздат, 1978. – С. 51.

Удинск стал центром Удинской провинции, а в 1783 г. – Верхнеудинского уезда, он получил, как отмечают историки, «неоспоримое право именоваться городом»⁶⁴.

Последующее развитие Удинска, исполнение им роли многофункционального центра Забайкалья оказалось возможным благодаря его выгодному транспортному положению и в связи с установлением в середине XVIII в. Кяхтинской торговли. В XVIII-XIX вв. через город неизменно проходил большой поток товарного транспорта из Кяхты в Иркутск. Через Верхнеудинск проходил также путь в Восточную Даурию, официальный Московский почтовый тракт, а в конце XIX в. была проложена и Великая Транссибирская магистраль. В этом смысле «особое значение для исторических судеб Верхнеудинска имело то обстоятельство, что, несмотря на изменение способов передвижения и направления торговых связей, свое значение узла транспортных путей он сохранял неизменно»⁶⁵.

С 1768 г. в Верхнеудинске стала проводиться ежегодная ярмарка⁶⁶. По размерам торговых оборотов она занимала первое место в Забайкалье. Местом ее проведения постепенно стала центральная площадь⁶⁷ «большого города» с расположенными на ней Гостинодворскими рядами, которые вначале были деревянными, а впоследствии были выстроены из камня. Особое значение торговли в жизни Верхнеудинска получило отражение в учрежденном в 1790 г. гербе города: на золотом поле изображены жезл Меркурия и рог изобилия (Рис. № 1), символизирующие успехи местного сообщества в развитии торговых и дипломатических традиций.

Изменение исторической роли Верхнеудинска (от военной крепости – к торгово-перевалочному центру) повлекло существенные преобразования в его морфологии – центр города с «Ба-

---

⁶⁴ См., например: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 25.

⁶⁵ Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 8. О торговле, как о занятии жителей Верхнеудинска, см. более подробно: Тиваненко А.В. Удинский острог. – С. 84-88.

⁶⁶ Более подробно о верхнеудинской ярмарке см., например: Ким Н.В. Очерки истории Улан-Удэ. – С. 32-33, 52-54.

⁶⁷ Эта площадь, получившая название Базарной, после строительства Гостиных рядов стала называться Гостинодворской, а после установки здесь памятника-obeliska павшим борцам за власть Советов – площадью Революции. Данное наименование сохранилось до сих пор. См. также: Серебрякова Р.А. Улан-Удэ. Путеводитель. – С. 19-24.

тарейной горы» постепенно переместился на Гостинодворскую площадь (сегодня – площадь Революции)⁶⁸. Ее пространство формировали новые места: каменный⁶⁹ Гостиный двор (Гостиные ряды) и несколько купеческих домов, расположенных в непосредственной близости⁷⁰. Новый символический центр⁷¹, архитектурно сложившийся к 30-м гг. XIX в., зафиксировал и новую идентичность всего города – торговую. Вместе с тем, у той же Гостинодворской площади были выстроены и административные здания местной власти (Верхнеудинская городская управа, Верхнеудинское окружное управление, почта и пр.), образовательные и культурные учреждения. В связи с этим можно утверждать, что в реструктуризации городского пространства значительную роль сыграл административный аппарат: формирование центра происходило по проекту городской власти, хотя и было инициировано «снизу» (в первую очередь – купцами, обладающими значительным финансовым капиталом). Представители административной и экономической элиты города свои личные дома также предпочитали строить в непосредственной близости к новому центру. В итоге Гостинодворская площадь стала, используя язык П. Бурдые, местом, в котором сконцентрировались позитивные полюса всех полей социального пространства Верхнеудинска (административного, экономического, культурно-

---

⁶⁸ См. также: Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. – С. 232. «В связи с уменьшением, а затем и исчезновением военной роли острога, город (посад) формируется ниже холма – на участке прибрежной ровной полосы, причем именно эту часть города (по-прежнему более деревянную, чем каменную) улан-удэнцы называют *городом*, центр которого маркировала Гостинодворская площадь (ныне Площадь Революции)».

⁶⁹ После разрушительного пожара 1878 г. здания центральной – Большой улицы (впоследствии Большой Николаевской, а ныне – ул. Ленина) обязательно было строить из камня. См.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 79.

⁷⁰ Более подробно о купеческих домах, выстроенных вокруг площади, см.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 61-64.

⁷¹ «Понятие центра и города отождествлялись, поскольку городская управа располагалась в городе; кроме того, остальная часть Верхнеудинска была по-прежнему деревянной, что придавало ей сельский облик». См.: Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. – С. 232-233.

го и пр.)⁷². И большинство тех, кто занимал лидирующие позиции в соответствующих сферах общественной жизни, также стремились «закрепиться» именно в этой его части⁷³.

При этом сам посад, возникший, как мы отмечали, в конце XVII в. на плоской прибрежной террасе Уды вслед за строительством крепости на Батарейной горе, продолжал разрастаться. К 1810 г. Верхнеудинск состоял из 19 улиц и был разделен на Заудинское предместье (левый берег Уды), собственно «город» (или Посад – «большой город» в излучине между Удой и Селенгой) и предместье за Селенгой – слободу Поселье⁷⁴. Количество жилых зданий в течение XIX в. постоянно увеличивалось, причем не благодаря расширению зоны строительства, а преимущественно за счет уплотнительной застройки Посада. Территория нагорной части практически не застраивалась: «существовали все возможности для расширения города [...], но они не привлекали застройщиков [...] И вплоть до конца XIX в. жилая застройка не распространяется за обрыв на возвышенные земли. [...] Повидимому, территория в естественных границах нижней приречной террасы еще как-то удовлетворяла потребности города»⁷⁵.

Население Верхнеудинска с момента основания Удинского острога росло сравнительно медленно. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. зафиксировала 8086 местных жителей, в т.ч. русских – 6520, бурят – 380, тунгусов – 3, евреев – 892, татар – 96, китайцев – 81, поляков – 60, прочих – 54⁷⁶. К началу XX в. в городе, помимо православных церквей,

---

⁷² См., например: Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение / П. Бурдые // Социология политики / пер. с фр. Н.А. Шматко, сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 33-52.

⁷³ «Центром города и наиболее оживленным местом его являлась Базарная площадь (сейчас площадь Революции), где происходили ежегодные ярмарки. На улице Большая (ныне ул. Ленина), Троицкая (ул. Куйбышева) и Лосевская (ул. Коммунистическая) были расположены казенные и общественные здания, дома чиновников, купцов и состоятельных мещан. Городская беднота теснилась по окраинам и в предместьях – в Заудинской станице и в Поселье». См.: Ким Н.В. Очерки истории Улан-Удэ. – С. 29-30.

⁷⁴ См.: Улан-Удэ: история и современность. – С. 80-81.

⁷⁵ Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 52.

⁷⁶ Там же. – С. 11. Более подробно о специфике заселения города в этот период, особенностях общественного быта см.: Замула И.Ю. Городская

была одна синагога, а также небольшой костел и мечеть⁷⁷. Архитектура религиозных учреждений выделялась на фоне общего архитектурного ландшафта города. Это было особенно характерно для каменных зданий Одигитриевского собора, Спасской и Троицкой церкви, которые являлись высотными доминантами старого Верхнеудинска и были хорошо видны из любой его точки⁷⁸.

Вплоть до начала XX в. границы Верхнеудинска практически не менялись. К концу XIX в. нижние приречные территории по обе стороны Уды были застроены, причем достаточно уплотненно. В меньшей степени осваивались территории на севере города, включая левый берег Селенги. Ситуация изменилась, когда началось строительство верхнеудинского участка Транссибирской железнодорожной магистрали. Начиная с 1900 г., когда было открыто паровозное депо, город приобрел значение важного железнодорожного узла Западного Забайкалья. К «дороге» были направлены сотни рабочих и служащих из крупных городов европейской части России; началось освоение не только нагорной части города (ныне – территория вблизи пл. Советов, центр Улан-Удэ), но и северной, прилегающей к Иркутскому тракту и р. Селенга. С начала 1900-х гг. земли между городом и железной дорогой быстро застраиваются. Вместе с появлением по обе ее стороны ведомственных зданий расширяются кварталы частных жилых домов. Произшедшие изменения дифференцировали и укрепили торгово-экономические функции Улан-Удэ, благодаря чему он продолжал расти. При этом промышленность в городе была все еще слабо развитой, а сам город – относительно бедным. К 1917 г. в окрестностях Верхнеудинска⁷⁹ начали работу несколько десятков небольших (в сравнении с теми, что возникли

культура и общественный быт Верхнеудинска (1875-1917 гг.) / И.Ю. Замула. – Иркутск: Облмашинформ, 2001. – 208 с.

⁷⁷ См.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 44-45. См. также: Замула И.Ю. Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875-1917 гг.). – С. 60-74.

⁷⁸ См.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 44.

⁷⁹ Стоит упомянуть, в частности, стекольный, водочный и пивоваренные заводы, появившиеся в начале XX века в районе Нижней Батарейки на правом берегу р. Уда. См. также: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 56.

уже в советское время) заводов, тогда как значительные площади в центре и нагорной части занимали купеческие усадьбы⁸⁰.

Итак, дореволюционная история города позволяет нам говорить о том, что Улан-Удэ, начиная с момента основания Удинского зимовья, претерпевал изменения в соответствии с государственными задачами и логикой развития экономики региона. Уже к середине XIX в. Верхнеудинск стал многофункциональным центром Забайкальской области, что подразумевает его торгово-экономическое и геополитическое значение для осуществления имперских задач. При этом в дореволюционный период функциональная значимость Верхнеудинска и те исторические задачи, которые он решал, предопределили последовательную смену двух общегородских идентичностей. Первая из них была связана с обороной (город-крепость, форпост), вторая – с торговлей и перераспределением товаров (город торговли, торгово-перевалочный центр, купеческий город). Изменение исторической роли Верхнеудинска (от военной крепости – к торгово-перевалочному центру) повлекло существенные преобразования в его морфологии: центр города с Батарейной горы постепенно переместился на Гостинодворскую площадь (сегодня – площадь Революции) с расположенными на ней Гостиными рядами. При этом понятия «центр» и «город» оставались синонимичными, поскольку дореволюционный Верхнеудинск расширялся сравнительно медленно, представляя собой к началу XX в. территориально и количественно небольшое поселение. Среди знаковых мест города помимо Гостинодворской площади стоит отметить здания различных религиозных учреждений, которые выделялись из общего, в основном одноэтажного и деревянного, архитектурного ландшафта города. Население города к началу XX в. являлось преимущественно русским.

В следующем параграфе мы продолжим наш исторический обзор, сделав акцент на тех трансформациях, которые претерпел город в советский период своей истории.

1.2. Трансформация культурного ландшафта города в советский период

С установлением советской власти в морфологии города, в интерпретациях его исторической роли происходят знаковые

---

⁸⁰ См.: Улан-Удэ: история и современность. – С. 87-89.

преобразования. Став в 1923 г. столицей Бурят-Монгольской АССР, Верхнеудинск, сохранив при этом свое «традиционное значение важнейшего пункта обмена и распространения товаров», превращается в «главный очаг новой национальной культуры»⁸¹. «Если до революции Верхнеудинск был русским городом на земле Бурятии, то в годы Советской власти в нем наряду с русской социалистической культурой и в гармоничном единстве с ней все более расцветает социалистическая культура бурятского народа. Город стал базой осуществления культурной революции на всей территории республики. [...] Если в годы образования республики в Верхнеудинске проживало только 28 бурят (0,13 %), то к концу 30-х гг. буряты составляют уже около 10% его населения. И в дальнейшем доля бурят в национальном составе населения города неуклонно возрастает»⁸².

Закономерным в связи с новой ролью города было его переименование в 1934 г., в результате которого Верхнеудинск приобрел новое имя – Улан-Удэ (Красная Уда⁸³), сохранившееся до сих пор⁸⁴. Замена названия на бурятское и советское стало важной вехой в истории города. Это подчеркнуло не только переход от русского торгового города к административному центру национальной республики, но и указало на акт его «второго» рождения⁸⁵.

С момента образования БМАССР на территории города начали работу республиканские политические, административные, общественные и хозяйственные объединения. В результате в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «жилые» границы города рас-

---

⁸¹ Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 86-87.

⁸² Там же. – С. 87, 101-102.

⁸³ «Знаковым становится и название города – Улан-Удэ (в одной из интерпретаций второй части – удэ – предполагается такое значение – дверь *ворота*), т.е. он назначается Центром распространения коммунистических идей в восточные страны». См.: Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). – С. 110.

⁸⁴ Характерно, что после распада СССР вопрос о переименовании города, например, повторно в Верхнеудинск активно не обсуждался, как это происходило во многих отечественных городах. См., в частности: Возвращенные имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России / А. Макарычев [и др.] – Нижний Новгород: IREX и Профessionалы за сотрудничество, 2004. – 116 с.

⁸⁵ См.: Zhimbiyev V. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. – P. 47; Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 5.

ширяются, в особенности на северо-востоке и в южной части, за Удой; производится застройка по линии железной дороги, заселяются сохранившиеся пустыри на «Батарейке». Меняются границы общегородского центра. Значимым в этом смысле является 7 ноября 1926 г.: в этот день в нагорной части был установлен «Памятник борцам за коммунизм». «Этим актом символического значения была сделана попытка перенесения Центра [...] из традиционной части города на возвышенность, расположенную над ней [...]. Таким образом, центральная улица Ленина, соединяющая прежний [...] и вновь образованный центр, приобретает новый символический смысл [...]. Хотя новый центр (площадь Советов – прим. авт.) уже формировался, еще некоторое время местом проведения центральных общественно значимых ритуалов (митинги, демонстрации, советские праздники) оставалась Гостинодворская площадь»⁸⁶. В то же время центральная зона дореволюционной застройки, несмотря на то, что «генплан не ставил задачи сохранения исторического своеобразия архитектуры города»⁸⁷, была сохранена в течение всего советского периода.

В 1930-ые гг. в городе развернулась крупная индустриальная стройка, в ходе которой было образовано несколько промышленных районов. В 1934 г. начал свою работу паровозогагоноремонтный завод (центральный район), вместо старого стекольного был построен механизированный стеклозавод (северо-западный район). В 1937 г. были сданы в эксплуатацию основные производственные цеха мясоконсервного комбината (юго-восточный район), с 1938 г. началось сооружение авиационного завода (восточный район)⁸⁸. Уже после Великой Отечественной войны были открыты суконная фабрика (1946), фабрика первичной обработки шерсти (1963), небольшие предприятия «Механлит», мотороремонтный завод превратились в крупные заводы «Электромашина» и «Теплоприбор».

В 1938 г. произошло, по сути, первое в истории Улан-Удэ административное разделение города. Постановлением Прези-

---

⁸⁶ Скрынникова Т.Д. Улан-Удэ – советская столица национальной республики. – С. 75; См. также: Скрынникова Т.Д. «Молодеет моя столица – процветает Улан-Удэ» / Т.Д. Скрынникова // Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). – С. 109-124; Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 90.

⁸⁷ Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 138.

⁸⁸ См. более подробно: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 98-104.

диума ВЦИК образованы Городской, Железнодорожный и Пригородный районы. За счет разукрупнения Городского и Железнодорожного районов в 1945 г. был образован еще и Заводской район, который ликвидировали уже в 1948 г., включив его территорию в состав Железнодорожного. В 1957 г. Городской район переименовали в Советский, а Пригородный – в Октябрьский. С этого времени наименования трех городских районов (Железнодорожный, Октябрьский, Советский) не изменялись. К концу 1950-х гг. социальное пространство Улан-Удэ представляло собой совокупность рабочих поселков промышленных предприятий (Стеклозавод, ЛВРЗ, Авиазавод) и «слободок» (Батарейка, Зауда, Шишковка, Аршан)⁸⁹. В город прибывало все больше новых жителей⁹⁰, уровень освоения пригородных территорий был крайне высок (в сравнении с доиндустриальным периодом). Расширение окраинных территорий происходило, таким образом, преимущественно за счет промышленного строительства, в том числе создания жилых поселков – заводских спутников. Границы городской черты расширялись дважды: в 1934 г. и 1939 г. В первый раз расширение произошло за счет включения территорий левобережья Уды, во второй – за счет территории правого берега с авиационным заводом и поселком Верхняя Березовка⁹¹. При этом значительные территории между новыми перифериями и общегородским центром до начала 1960-х были слабо застроены, поскольку промышленные предприятия возводили объекты исключительно в своих поселках, а у городских властей средств было недостаточно⁹². В связи с этим общая городская панорама долгое время оставалась крайне фрагментированной.

Возникновение крупных внутригородских точек промышленного роста не привело, тем не менее, к смещению символического центра города на территории заводских окраин. При этом с установлением советской власти и, в частности, с началом реализации политики пятилетних планов и планов перспективного городского развития, вновь кардинальным образом изменилась

---

⁸⁹ См.: Митупов К.Б.-М. Молодежные группы Улан-Удэ во второй половине XX века: истоки и причины активизации взаимодействия, смена функций, криминализация отношений. – С. 95.

⁹⁰ Численность города к 1931 г. достигла 41 тыс. чел., в 1941 г. – 127 тыс., в 1959 г. – 174 тыс. чел., в 1978 г. – 321 тыс. чел. См.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 87, 131, 146.

⁹¹ См.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 238.

⁹² См.: Там же. – С. 150.

идентичность всего города: из «торгового» он был преобразован в «промышленный», «административно-ведомственный город»⁹³, в «многофункциональную столицу национальной республики».

При этом с началом индустриализации и массовым наплывом мигрантов из Центральной России и (в меньшей степени) сельских территорий республики в городе обозначился кризис жилья, с которым не удавалось справиться в течение всего советского периода. Приоритет промышленной застройки, недостаток строительных материалов на несколько десятилетий предопределили характер жилой архитектуры: основным способом разрешения жилищных проблем до 1960-х гг. было одноэтажное строительство деревянных домов усадебного типа⁹⁴. Строительство осуществлялось как в соответствии с Генпланом⁹⁵, так и самовольно⁹⁶. Несмотря на то, что массовое индустриальное строительство сопровождалось все увеличивающимся плановым строительством, жилья, мест для размещения прибывающих рабочих и специалистов не хватало⁹⁷. Очереди на предоставляемое государством жилье не уменьшались даже в периоды массовых многоэтажныхстроек в 1960-х гг. и в позднесоветский период. Реакций на острый кризис жилья уже с 1930-х гг. становится массовое нерегулируемое возведение вблизи индустриальных предприятий, в рабочих поселках, на окраинах города одноэтажных ин-

---

⁹³ См., в частности, работу Б. Жимбиева, в которой он, анализируя процессы урбанизации города, отчетливо отделяет «город торговли» от «ведомственного города». Zhimbiev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. – P. 5-6, 56. Он отмечает, что после Революции 1917 г. Улан-Удэ, утратив свои прежние торговые функции, превратился в типичный советский город.

⁹⁴ «Даже крупнейший паровозо-вагонный завод, имевший одну из наиболее значительных строительных организаций в городе, в 1946-1949 гг. возводил почти исключительно одно- и двухквартирные одноэтажные дома». См.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 149.

⁹⁵ См.: Там же. – С. 142.

⁹⁶ Территории, отводимые Генпланом на индивидуальную застройку, были зачастую неудобными и непригодными для ведения домашнего хозяйства. Это стало одной из причин самовольного строительства. «За первое послевоенное десятилетие на землях, не отведенных для жилищного строительства, частными лицами было сооружено свыше трех тысяч домов». См.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 155.

⁹⁷ См.: Zhimbiev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. – P. 4; Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 91, 105-110, 114, 146.

дивидуальных деревянных домов, времянок, бараков и т.п. В них одни горожане жили, надеясь получить от государства благоустроенное жилье, другие старались обустроить быт в долгосрочной перспективе. В итоге к началу 1990-х гг. не менее трети городской территории имело «растрепанный», аморфный, бесструктурный, часто «сельский» облик.

Во многом в связи с жилищным кризисом, а также из-за долгого отсутствия в городе (до 1960-х гг.) собственных архитекторов и достаточных средств⁹⁸ строительство жилых зданий осуществлялось «неоригинальным» методом – преимущественно за счет «массового возведения зданий по типовым проектам, индустриальными методами, из стандартизированных сборных элементов⁹⁹. «Создание красивой и благоустроенной столицы национальной республики»¹⁰⁰, предусмотренное Генпланами 1936, 1949, 1966 гг., на практике откладывалось. «Дополнительный элемент разнообразия и эмоциональной теплоты»¹⁰¹ в архитектуру жилых зданий вносился за счет единичного декорирования фасадных панелей отдельных домов изображениями бурятских орнаментальных мотивов (Рис. № 2).

Хорошей возможностью привнести в городскую общественную архитектуру «национальный колорит» стало решение о возведении на площади Советов театра оперы и балета. Однако, как отмечает Л.К. Минерт, архитекторы столкнулись здесь с непростой задачей: «Хотя бурятский народ в течение почти двухсот лет развивал самобытное культовое зодчество, не было никакой ясности, что надо понимать под бурятскими национальными особенностями архитектуры в конкретных условиях проектирования здания современного театра. Отказавшись от обычных тогда приемов классицизма, автор не мог себе позволить и заимствования из арсенала композиционных приемов и декоративных форм

---

⁹⁸ Важно отметить, что «с самого начала процесса индустриализации в советских городах центральные ведомственные предприятия имели исключительные права в сфере индустриального и жилищного строительства, в то время как городские власти были ограничены в ресурсах и были фактически исключены из процесса контроля за своей территорией». См.: Zhimbiyev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. – P. 3.

⁹⁹ См.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 144-145.

¹⁰⁰ Там же. – С. 134.

¹⁰¹ Там же. – С. 166.

культового зодчества бурят»¹⁰². Возникшее противоречие вместе с идеологической ангажированностью архитектурной политики того времени так и не превратили театр оперы и балета, а впоследствии и стадион имени 25-летия Бурятской АССР, при разработке архитектуры которого также стремились к национальному своеобразию¹⁰³, в отчетливые «национальные» маркеры городского пространства. Пожалуй, наиболее интересным «советским» примером использования традиционного бурятского орнамента и декора к интерьерам и фасадам зданий является Бурятский государственный академический театр драмы им. Х. Намсараева (Рис. № 3), архитектура которого стала «концептуальной противоположностью Театра оперы и балета»¹⁰⁴.

Памятники и скульптуры, появившиеся в городе в советский период, отражали преимущественно советское же прошлое-настоящее. Помимо впечатляющего своими размерами памятника В.И. Ленину на площади Советов, можно отметить ансамбль площади Славы (Рис. № 4), памятник Воинам Бурятии, павшим смертью героев в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (Рис. № 5), памятник первому председателю Верхнеудинского Совета В.М. Серову (Рис. № 6)¹⁰⁵, большевику-ленинцу И.В. Бабушкину (Рис. № 7). Особняком в этом смысле стоит памятник первому бурятскому ученому Доржи Банзарову (Рис. № 8), жизнь которого «принадлежит» XIX в. и который не был коммунистом. В итоге к концу 1980-х гг. город по своей морфологии немногим выделялся среди других отечественных городов с дореволюционной историей.

Оригинальность Улан-Удэ придавал общегородской административный центр, окончательно сформировавшийся к началу 1980-х гг. – площадь Советов¹⁰⁶. Здесь были выстроены здания

---

¹⁰² Там же. – С. 171. О схожих противоречиях, связанных с ревитализацией идей национально-культурного возрождения в художественном творчестве, см. также: Коренько В. Альбина Цыбикова – художник и друг / В. Коренько // Вестник Евразии. – 2003. – № 2. – С. 42-106.

¹⁰³ См: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 174-176.

¹⁰⁴ Zhimbiev V. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. – P. 79. См. также: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 214-217.

¹⁰⁵ О В.М. Серове см., например: Серебрякова Р.А. Улан-Удэ. Путеводитель. – С. 24-26.

¹⁰⁶ Как отмечает Т.Д. Скрынникова, «Улан-Удэ – единственный известный мне и, может быть, один из немногих городов, концептуальная перестройка и переструктурирование которого была кардинальной: в

Дома Советов, кинотеатра Прогресс, обкома КПСС, НКВД, Бурятского управления геологии, здания Совмина, горкома и горисполкома, Дома политпросвещения. Завершающим моментом в формировании площади стала установка в 1971 г. упомянутого выше памятника В.И. Ленину (Рис. № 9). Памятник представляет собой «сочетание головы необычно большого масштаба, отлитой из бронзы, и призматического постамента»¹⁰⁷. «Гигантский масштаб скульптуры делает ее соизмеримой с окружающими ее зданиями. [...] Шаровидный объем скульптуры, как бы парящий над поверхностью площади, становится центром, вокруг которого, вступая в динамические взаимосвязи, властно организовывается архитектурное пространство»¹⁰⁸.

Улица Ленина, в дореволюционные годы Большая (Большая Николаевская) сохранила свое главенствующее положение¹⁰⁹. В связи со строительством в северной части площади Советов в конце 1930-х гг. жилого дома она была перекрыта, превратившись во внутренний проспект, соединяющий старую (Базарную-Гостинодворскую) и новую площади. Впоследствии она оставалась центром торговой, культурной и общественной жизни города¹¹⁰. Роль второй главной улицы Советского района получил проспект Победы, расположенный на верхней террасе¹¹¹. «Наряду с этим создавался культурный центр вокруг театров, кинотеатров, домов культуры, располагавшихся в основном вдоль главной улицы города – улицы Ленина. До 70-х годов у горожан (по-прежнему – прим. авт.) бытовало определение центра как “города”. Обычная фраза: “Пойдем, сходим в город” – оз-

---

нем почти не осуществлялось перекодировки, т.е. перенаделения смыслом прежних объектов, как это имело место во многих городах бывшей Российской империи, где происходило уничтожение сакрального центра – собора и построение на этом же – центральном – месте обкома КПСС». См.: Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). – С. 114.

¹⁰⁷ Более подробно см.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 189.

¹⁰⁸ Там же. – С. 191. См. также интерпретацию символической позиции памятника: Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). – С. 109-124.

¹⁰⁹ О составляющих улицу постройках см. более подробно: Серебрякова Р.А. Улан-Удэ. Путеводитель. – С. 29-46.

¹¹⁰ См.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 118-119.

¹¹¹ См.: Там же. – С. 137; Серебрякова Р.А. Улан-Удэ. Путеводитель. – С. 70-73.

начала выйти в центр»¹¹². Вместе с тем и в промышленных районах возникли собственные локальные центры (в Железнодорожном районе таким центром стал архитектурный комплекс площади Славы).

В 1960-80-ые гг. сложившаяся в результате индустриализации и притока сельского населения социальная сегрегация городского пространства, в том числе его центра, подтверждалась и манифестировалась активно функционирующими в городе молодежными группировками чав, чуваков, пацанов, отличающихся друг от друга происхождением, статусом и культурными ценностями¹¹³. Данные объединения организовывались по единому (территориальному) принципу, а их роль в конструировании внутригородских границ была столь значимой, что и сегодня некоторые из сформированных в то время территориальных идентичностей остаются, на наш взгляд, актуальными. Возвращаясь к пространственной сегрегации 1960-80-х, отметим, что город был, по сути, поделен группировками на микрорайоны, а поддержание искусственных уличных границ осуществлялось зачастую за счет физических столкновений. Промышленные рабочие окраины были оккупированы чавами, центр города – чуваками («городскими денди»). Вот как описывает эти процессы К.Б.-М. Митупов: «Первые ласточки освоения нового пространства проявились во второй половине 50-х-начале 60-х гг. Демократизация после XX съезда партии пришла и в г. Улан-Удэ. Первые ростки появились в виде “стиляг” и они-то и повели “борьбу” за Центр. Не думаю, что первые стычки свидетельствуют о борьбе за культурное пространство. Однако по “качеству содержания” они носили характер борьбы за свою территорию. Дети первой волны мигрантов в город – национальной интеллигенции, – “отвоевав” Центр, повели “сражения” за контроль над ним. Первоначально стычки “продвинутой” бурятской молодежи шли с ровесниками из центровых “вороньих” слободок. Думается, что это была борьба

---

¹¹² Митупов К.Б.-М. Молодежные группы Улан-Удэ во второй половине XX века: истоки и причины активизации взаимодействия, смена функций, криминализация отношений. – С. 95.

¹¹³ См. об этом: Бадмаев А. Неформальные молодежные ассоциации в Улан-Удэ / А. Бадмаев // Вестник Евразии. – 2002. – № 1. – С. 89-104. См. также дискуссию о феномене молодежных группировок советского Улан-Удэ в журнале «Вестник Евразии»: Вестник Евразии. – 2002. – № 2. – С. 85-113.

за продвижение в сложной молодежной среде»¹¹⁴. Во второй половине 1980-х группировки распространились во все районы города – Железнодорожный, Октябрьский, Советский. Таким образом, поселки на окраинах и непосредственно центр города оказывались замкнутыми и закрытыми друг для друга, функционировали обособленно. «Поездка в другой район города была сопряжена с опасностью»¹¹⁵. Эти факты показывают, что говорить о целостности пространства города того времени невозможно. С началом Перестройки стало ясно к тому же, что «поселковый», нацеленный на автономность, стиль застройки в 1990-ые гг. обернулся «бедой» для местных сообществ. Переход к рынку городские окраины переживали, как представляется, более болезненно, нежели центр. Кризис в сфере общественного потребления, деградация социальной, культурной и бытовой инфраструктуры при заводах в рабочих поселках – все это толкало местные сообщества к скорейшему поиску стратегий интеграции в Город (центр)¹¹⁶.

Резюмируя советские трансформации в городском ландшафте, следует отметить, что в это время в морфологии Верхнеудинска произошли действительно знаковые преобразования. Став в 1923 г. столицей Бурят-Монгольской АССР, город, сохранив при этом свое традиционное значение важнейшего пункта обмена и распространения товаров, превращается в главный очаг новой национальной культуры. В связи с советской индустриализацией и политической национальностью Верхнеудинск (с 1934 г. – Улан-Удэ) приобретает характеристики индустриального, административно-ведомственного города, советской столицы национальной республики. Городское сообщество, до 1920-х гг. преимущественно русское, ко времени Перестройки становится этнически более разнообразным, в частности, за счет представителей бурятской

---

¹¹⁴ Митупов К.Б.-М. Молодежные группы Улан-Удэ во второй половине XX века: истоки и причины активизации взаимодействия, смена функций, криминализация отношений. – С. 95. См. также: Башкуев Г. Легко ли быть молодым / Г. Башкуев // Час пик Улан-Удэ. – 2009. – 24 дек. – С. 4.; Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России. – С. 269-272.

¹¹⁵ Митупов К.Б.-М. Молодежные группы Улан-Удэ во второй половине XX века: истоки и причины активизации взаимодействия, смена функций, криминализация отношений. – С. 97.

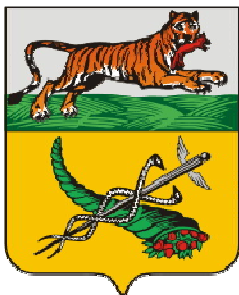
¹¹⁶ Известное исключение здесь составил пос. Загорск, возникший вместе с авиационным заводом.

этнической группы. Территориально город сформировался именно в советский период, что напрямую определило специфику его зонирования и застройки. Центральную часть Улан-Удэ, помимо территории «Старого города» дореволюционной застройки, образует новый общегородской центр – площадь Советов. Позиции периферийных территорий, слабо интегрированных в центр, к концу советского периода сохраняли практически все территории заводских и «спальных» окраин. Городской ландшафт (дискурсивно организованные элементы архитектуры, скульптура, памятные места и пр.) является преимущественно социалистическим, жилая застройка основана на технологии массового возведения зданий по типовым проектам, индустриальными методами из стандартизированных сборных элементов. Зоны индивидуальной деревянной застройки, появившиеся в результате острого кризиса жилья в связи массовой миграцией в город в 1930-1970-е гг., занимают существенную часть его территории.

***

Итак, в соответствии с основным замыслом главы мы рассмотрели дореволюционную и советскую историю Улан-Удэ как источник неландшафтного текста города. Это позволило нам выявить исторические особенности города, которые в рамках ландшафтно-образного подхода будут рассмотрены нами как его «признаки». Перечислим основные из них: «город-крепость, форпост», «город торговли», «торгово-перевалочный центр», «купеческий город», «промышленный, индустриальный город», «административно-ведомственный город», «многофункциональная столица национальной республики», «очаг национальной культуры», «город окраин», «город-деревня».

В следующей главе мы рассмотрим семь *контекстов* (наборов родственных признаков) постсоветского Улан-Удэ, которые были сформированы нами не только исходя из наиболее устойчивых культурных реалий последних двух десятилетий, но и в связи с более ранними историческими особенностями города, которые мы только что обозначили. История города при выявлении этих контекстов послужила не только информационным ресурсом, но и в определенной степени основанием для их легитимности. В случае с постсоветским Улан-Удэ этот прием оказался возможным, поскольку культурное и историческое восприятие города здесь особенно тесно связаны.

**Герб
Верхнеудинска /
Улан-Удэ
(1790-1998 гг.)**

**Герб Улан-Удэ
(1998-2005 гг.)**

**Герб Улан-Удэ
(2005 – по н.в.)**

Рис. 1. Герб Верхнеудинска / Улан-Удэ

Рис. 2. Жилой дом по ул. Борсоева, украшенный бурятским национальным орнаментом

Рис. 3. Бурятский государственный академический театр драмы им. Х. Намсараева.

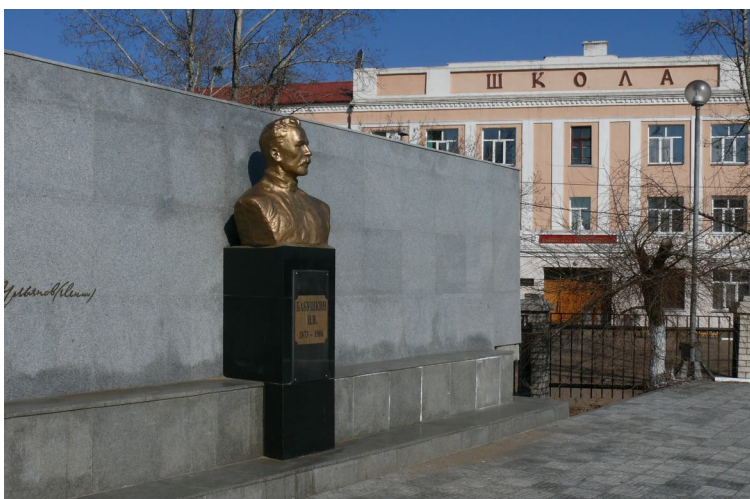
Рис. 4. Площадь Славы с памятником воинам-рабочим ПВЗ, павшим смертью героев в ВОВ 1941-1945 гг.

Рис. 5. Памятник Воинам Бурятии, павшим смертью героев в годы ВОВ 1941-1945 гг.

Рис. 6. Памятник первому председателю Верхнеудинского Совета В.М. Серову

Рис. 7. Памятник большевику-ленинцу И.В. Бабушкину

Рис. 8. Памятник первому бурятскому ученому Доржи Банзарову

Рис. 9. Памятник В.И. Ленину на площади Советов

Глава 2

Материально-символические реалии постсоветского Улан-Удэ и их интерпретации

Основная задача главы – осуществить комплексный анализ ландшафтного и неландшафтного текста постсоветского Улан-Удэ, представить город визуально и дискурсно¹¹⁷. Имея в виду исторический контекст и те признаки города, которые он задает (см. выводы к предыдущей главе), мы определим наиболее мощные культурные контексты, характерные для постсоветского Улан-Удэ. Напомним, контексты города в нашем понимании представляют собой наборы признаков, отражающих культурные реалии города и представления о нем. А система культурных контекстов города в свою очередь формирует его культурное пространство, являющееся объектом нашего исследования).

Структура изложения материала предполагает последовательное рассмотрение семи сформированных нами культурных контекстов (§ 2.1-2.7) с последующим анализом их взаимосвязей (§ 3.1). Рассмотрим эти контексты в следующем порядке:

1. «Город-столица»;
2. «Город с азиатской душой»;
3. Улан-Удэ и память о «Старом городе»;
4. Улан-Удэ и память о «советском»;
5. «Город-деревня»;
6. «Город окраин»;
7. «Город культур»¹¹⁸.

---

¹¹⁷ Что в данном случае следует понимать под дискурсом о городе? Речь идет о всевозможных формализованных и неформализованных обсуждениях города, продуктом которых является текст в его расширенной интерпретации, включающей, помимо текста в обыденном понимании, фото- и видеоматериалы о городе.

¹¹⁸ Стоит отметить сразу, что выявленные нами культурные контексты отражают в известном смысле авторскую субъективную позицию. Мы допускаем, что в структуре контекстов могли бы быть указаны и другие.

Содержательно нас будут интересовать преимущественно два аспекта – воспроизводство данных контекстов на уровне дискурсов и их визуальное воплощение в городском ландшафте (архитектуре, скульптуре и т.п.).

2.1. Улан-Удэ – «город-столица»

Среди перечисленных пространственных интерпретаций постсоветского Улан-Удэ представление о нем как о «столице» является, пожалуй, наиболее емким и содержательным, поскольку оно в той или иной степени интегрирует идеи и смыслы всех перечисленных выше культурных контекстов. Далее мы подробно остановимся на этом, но начнем с определения признаков, которые формируют и легитимизируют «столичность» города. Столичность как культурный феномен не является чем-то жестко структурированным и изначально заданным, объективным. Более взвешенным представляется ее понимание в качестве условной конструкции, способной иметь различное содержательное наполнение в те или иные исторические периоды. В этом смысле важно, на наш взгляд, обратить внимание не только на официальные, предписанные статусы и номинации, стратегии репрезентации города, но и на некоторые историко-культурные реалии, зафиксированные в местном культурном ландшафте, в сознании местного сообщества, а также воспроизводимые им в повседневной жизни.

Итак, в предыдущем параграфе, рассматривая исторический контекст формирования постсоветского Улан-Удэ, мы отметили, что город практически с самого момента своего основания имел значение многофункционального центра для всего (Западного) Забайкалья. В XVII в. он – административный и военный центр региона. В XVIII-XIX вв. – один из его торговых центров. В 1920 г. – становится столицей Дальневосточной республики. В 1923 г. – объявлен столицей Бурят-Монгольской АССР. С 1958 г. – столица Бурятской АССР, с 1992 г. – Республики Бурятия. В этой исторической динамике просматривается укрепление сто-

---

Вместе с тем предложенный нами вариант не был сформирован произвольно. Он опирается на результаты предварительного анализа собранных материалов (академических, публицистических, художественных и прочих текстов о постсоветском Улан-Удэ и интервью с жителями города).

личных функций города: в связи с приходом советской власти он «преодолеывает» статус уездного города Забайкальской области, а в системе постсоветских федеративных отношений обретает более широкие права на этнокультурную самоидентификацию. В рассматриваемый нами период Улан-Удэ, как и прежде, остается «единственным “центром роста” региона (Республики Бурятия – прим. авт.), на который приходится более 50% всех ресурсов. По ряду позиций концентрация ресурсов в Улан-Удэ достигает 90%»¹¹⁹. Это касается, в частности, рынка труда, сферы торговли и строительства, образовательных ресурсов, возможностей для культурного отдыха. В постсоветский период Улан-Удэ, таким образом, лишь укрепил свои позиции многофункционального центра республики. Именно здесь наиболее интенсивно протекают культурные, политические, социальные, экономические процессы.

Хорошей иллюстрацией восприятия Улан-Удэ в качестве «порождающего центра республики», «центра своего мира», «звезды республики», ее «колыбели» являются поэтические нарративы советских и современных бурятских авторов¹²⁰. Именно интенсивность, динамичность зарождающихся и происходящих в Улан-Удэ изменений («город, устремленный в будущее»¹²¹) выделяет его среди прочих поселений Бурятии, создавая ощущение его главенства над остальными территориями республики. На фоне сельской Бурятии эмоционально яркий, наполненный свободой, культурно дифференцированный Улан-Удэ преодолевает черты «провинциальности». В частности, именно в Улан-Удэ наиболее развита культурная и образовательная инфраструктура. В городе на данный момент действуют несколько известных театров¹²², кинотеатров¹²³, разного рода музеев¹²⁴, филармония,

---

¹¹⁹ Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (17.04.2010).

¹²⁰ См., в частности, исследования Д.Д. Амоглоновой и Т.Д. Скрынниковой: Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). – С. 116-120; Бурятия: социокультурные практики переходного периода. – С. 119-132.

¹²¹ Такой образ города активно тиражируется в официальной презентации города. См., например, спецвыпуск журнала «Город, устремленный в будущее», посвященный 340-летию Улан-Удэ от 2006 г.

¹²² Бурятский государственный академический театр оперы и балета, Бурятский государственный академический театр драмы им Х. Намса-

четыре крупных учреждения высшего профессионального образования¹²⁵ и прочие государственные, общественные и частные организации, предоставляющие разнообразные возможности культурного досуга и профессионального (само)образования.

Важно отметить, что для большинства жителей республики Улан-Удэ еще с советских лет – «единственный город республики». Подобное представление об Улан-Удэ напрямую соотносится и с современными республиканскими реалиями, генезис которых связан с историческими особенностями урбанизации и индустриализации региона¹²⁶. Между тем, сегодня городским округом является, допустим, и Северобайкальск, находящийся, правда, на противоположной от основной части республики стороне оз. Байкал. Можно сказать, Северобайкальск, а также другие небольшие по площади и населению городские поселения Бурятии, имеющие статус районного подчинения, остаются городами (столицами) локального, но не республиканского масштаба. Улан-Удэ в этом смысле обладает более легитимным (точнее, даже неоспоримым) правом называться городом-столицей республики, нежели другие ее поселения. Вот почему многие сельчане, которых по дороге в Улан-Удэ спрашивают: «Куда едешь?», – отвечают: «В город!» – и всем становится понятно, о каком городе идет речь. Помимо всего прочего, Улан-Удэ остается самым большим по площади поселением республики. И хотя сами горожане считают свой город «маленьким», по размерам застроенной террито-

---

раева, Государственный русский драматический театр им. Н. Бестужева, Молодежный театр-студия, Бурятский государственный театр кукол «Ульгэр», Бурятский государственный национальный театр песни и танца «Байкал».

¹²³ Кинотеатры «Прогресс», «Эрдэм», «Октябрь», «Фабрика-кино», «People's park» и др.

¹²⁴ Стоит отметить, пожалуй, Музей истории Бурятии им. М.Н. Хангалова, Музей истории города Улан-Удэ, Этнографический музей народов Забайкалья, Республиканский художественный музей им. Ц.С. Самшилова.

¹²⁵ Бурятский государственный университет, Бурятская государственная сельскохозяйственная академия, Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления.

¹²⁶ См., например: Балдано М.Н. Город в Байкальской Азии: процессы индустриализации и урбанизации / М.Н. Балдано // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии. – С. 38-42.

рии он, как иронично отмечают разработчики Стратегии города, превосходит Париж¹²⁷, численность которого составляет примерно 2,5 млн. человек (для сравнения: численность жителей Улан-Удэ на 01.01.2006 г. составляла около 377 тыс. человек). Таким образом, характеристика Улан-Удэ в качестве «единственного города республики» сохранила свою актуальность и в постсоветский период его истории, став одним из важных признаков, легитимизирующих право города называться «столицей Бурятии».

В более широких административных образованиях, например, в рамках Сибирского федерального округа, Улан-Удэ не претендовал на «столичные» позиции. В городе нет претензий и относительно приобретения статуса одной из столиц общероссийского масштаба – амбиций, характерных, например, для постсоветской Казани и Екатеринбурга¹²⁸. Между тем, региональная позиция Улан-Удэ все более проявляется в связи с представлением города в его соотношении с оз. Байкал. Туристический вектор развития республики, отчетливо наметившийся с начала 2000-х гг., все больше актуализирует идентификацию Улан-Удэ в качестве «города за Байкалом»¹²⁹, напрямую связанную с соответствующей идентичностью республики Бурятия. Иркутск и Улан-Удэ, в постсоветский период не сохранившие значимых экономических и административных позиций в Восточной Сибири, сегодня активно используют «байкальский ресурс» в символическом перекодировании географического пространства и, в частности, внутрирегиональных границ¹³⁰. Так, в последнее десятилетие Улан-Удэ все больше идентифицирует себя с «Байкальским регионом», «Байкальской Азией», а не с Восточной Сибирью, как было еще несколько десятилетий назад. Принципиальным здесь является то обстоятельство, что в рамках публично сконструированного региона Улан-Удэ и Иркутск приобретают

---

¹²⁷ Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (22.04.2009).

¹²⁸ См., например: Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. – С. 686-689.

¹²⁹ См., например: Улан-Удэ: история и современность. – С. 17.: «Город за Байкалом... Может быть, могучее дыхание Байкала отражается на настроении горожан, заряжая энергией и неведомой силой».

¹³⁰ Об этом см.: Шмидт С.Ф. Менеджмент географии / С.Ф. Шмидт // Иркутская губерния. – 2011. – № 1 (54). – С. 14-15.

«центральные позиции», позволяющие им преодолеть стигмат «провинции». Надо сказать, что достаточно распространенное представление о Бурятии как «о республике за Байкалом» вообще-то (москва)центрично и задает ориенталистский, с запада на восток, взгляд на регион. Улан-Удэ в этом смысле становится частью «восточной», «азиатской» России, привлекательной в туристическом и этнографическом смысле. Вполне возможно, что поэтому и привычная характеристика «город за Байкалом» не уступит место, пожалуй, более адекватному современным условиям наименованию «город у Байкала».

В 1992 г. Улан-Удэ становится, как мы отметили выше, столицей Республики Бурятия. Став одним из субъектов Российской Федерации, республика в конституции заявила о своем суверенитете. В контексте нашего исследования важно отметить, что городская власть (мэрия) получила в связи с этим легитимное право формировать стратегию развития города и, в частности, обсуждать и принимать решения относительно официальной атрибутики поселения. Задачи внутреннего и внешнего позиционирования города подтолкнули администрацию к саморефлексии относительно общегородской идентичности¹³¹. Основой и источником для ее построения, как свидетельствуют последние два десятилетия, стали преимущественно отдельные сюжеты городской истории и развернувшиеся в республике со времени перестройки процессы этнокультурного возрождения.

Иллюстрацией к произошедшим изменениям может послужить постсоветская трансформация городского герба (Рис. № 1), который, напомним, появился у Улан-Удэ (Верхнеудинска) еще в 1790 г. – более двухсот лет назад. В утверждении нового статуса города в качестве столицы суверенной Республики Бурятия символическая «перекройка» герба стала значимым шагом. Как отмечает Д.Д. Амоголонова, «... герб города [...] призван был связать историю Верхнеудинска с современным статусом Улан-Удэ. В гербе Улан-Удэ, утвержденном в 1998 г., изображение бабра в верхней части герба Верхнеудинска, означавшего принадлежность города к Иркутскому наместничеству, изменили на республиканскую символику в виде соёмбо – традиционного символа вечной жизни (солнце, луна, огонь) в монгольской культуре. В нижней части был сохранен рисунок кадуцея и рога изобилия, а

---

¹³¹ См., в частности: Шагдарова А. Улан-Удэ задумался над имиджем / А. Шагдарова // Новая неделя. – 2008. – 10 дек. – С. 3.

синяя, белая и желтая полосы поля щита подразумевали цвета государственного флага Республики Бурятия. Таким образом, герб соединил в себе элементы дореволюционного герба и государственные знаки республики, символически демонстрируя признание российской принадлежности и достигнутого статуса субъекта РФ с одновременным указанием на темпоральный код – давность существования. Однако в 2005 году герб претерпел новые изменения знакового характера. Во-первых, в основном поле три полосы изменили на одну – золотого цвета, во-вторых, в нижней части щита появилась орденская лента ордена Трудового Красного Знамени, в память о награждении города в 1984 г. И, в-третьих, в верхней части появилась башенная корона (указывающая на столичный статус) с изображением соёмбо и полумесяца на центральном зубце. Сама же корона понизу украшена традиционным бурятским орнаментом¹³². В итоге, как может показаться стороннему наблюдателю, город получил достаточно эклектичный герб, представляющий семантически сложное переплетение символов бурятской, римской и монгольской культуры, дореволюционной, советской и постсоветской истории города. Подобная фрагментарность, в действительности отражающая глубинную политекстуальность постсоветского Улан-Удэ, отражает и множественность задач самоидентификации, которые городу как символическому центру и столице республики еще предстоит решить.

Завершая обсуждение данного контекста, перечислим формирующие его признаки-образы города (они понадобятся нам в дальнейшем при составлении единой образной карты постсоветского Улан-Удэ – см. Заключение): «город-столица», «единственный город республики», «общереспубликанский центр», «центр общественной жизни республики», «город, устремленный в будущее», «главный транспортный узел», «порождающий центр республики», «центр своего мира», «звезда республики», «колыбель республики».

2.2. Улан-Удэ – «город с азиатской душой»

Улан-Удэ с момента своего основания (1666 г.) был «азиатским» сугубо географически и стратегически. Внешний облик

---

¹³² См. более подробно: Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. – С. 243-244.

города, его архитектура, складывающееся местное сообщество, характер социально-экономических и культурных взаимодействий – по этим характеристикам Улан-Удэ, как мы выяснили в предыдущей главе, не выделялся из череды многих сибирских городов, развивавшихся по схожей исторической колее. К концу XIX в. население города было преимущественно русским¹³³, сам «Верхнеудинск все еще оставался русским поселением на землях коренных народов»¹³⁴. Преимущественно «русским» он оставался и в первые советские десятилетия. Стоит отметить здесь, что «официально бурятские поселения были вне границ города [...] За советский период расширяющиеся границы быстро растущего Улан-Удэ не включали бурятские деревни в качестве новых городских областей»¹³⁵. В этом смысле Улан-Удэ имеет много общего с другими городскими поселениями, появившимися на территории национальных окраин страны в ходе их хозяйственной колонизации и, в частности, индустриализации 1930-1950-х гг.¹³⁶

Специфичным здесь является то обстоятельство, что «коренное» (титульное) население этих территорий изначально составляло в городах количественно незначительную группу. Оно в основном сосредотачивалось в сельских районах, продолжая сохранять элементы традиционной хозяйственной специализации. В этом смысле псевдоколониальный¹³⁷ Улан-Удэ никогда не обладал такой существенной характеристикой колониального города, как «туземные кварталы»: его территория никогда не была разделена на зону, где жили «колонизаторы», и зону, где проживали «колонизуемые». Как отмечает К. Хамфри, «получилось, что в городе, превратившемся впоследствии в столицу “национальной” республики, отсутствуют материальные объекты, которые воплощали бы культурное наследие коренных обитателей данной территории. Этой специфической чертой русского колониального

---

¹³³ См.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 87.

¹³⁴ Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России. – С. 288.

¹³⁵ Zhimbiev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. – P. 7.

¹³⁶ Для сравнения можно взять пример г. Абакана (хакасы), Новокузнецка (шорцы) и многие другие.

¹³⁷ Так определяет его К. Хамфри. См.: Хамфри К.. Постсоветские трансформации в азиатской части России. – С. 288. См.: также: Nas P. The Colonial City / P. Nas. – Leiden: Leiden University Press, 1997. – 312 p.

поселения в северной части Азиатской России обладают и другие города – например, Якутск, Хабаровск и Кызыл»¹³⁸.

Значимые трансформации в нашем случае произошли в советский период, когда Верхнеудинск в контексте советской же политики нацистроительства приобрел новый статус – столицы национального региона (Бурят-Монгольской АССР)¹³⁹. Существенно изменилась этносоциальная структура городского сообщества: оно пополнилось представителями бурятской этнической группы. «Буряты начали формировать важную часть республиканской администрации и интеллигенции и (в меньшей степени) рабочего класса города»¹⁴⁰. Вместе с тем «назначение» Верхнеудинска центром территории проживания бурят имело в определенном смысле искусственные основания: «Специфика организации и концептуализации пространства проживания бурят заключалась в том, что до победы Великой Октябрьской революции и окончания гражданской войны в этом геополитическом пространстве не сложилось организационной, как утилитарной, так и символической структуры, способной выполнять роль Центра этнической интеграции бурят. [...] В частности, “назначенный” быть Центром территории проживания бурят [...] город Верхнеудинск никогда не являлся таковым»¹⁴¹.

В архитектурном облике советского Улан-Удэ, как мы уже отмечали в предыдущем параграфе, мало что сигнализировало о том, что этот город расположен в Азиатской части России, является столицей национального региона. Иными словами, Улан-Удэ не приобрел оригинального архитектурного «этнического колорита». Исключением в этом смысле являлся Бурятский государственный театр драмы им. Х. Намсараева (Рис. № 3) и единичные дома, фасад которых был украшен бурятским национальным орнаментом (Рис. № 2).

---

¹³⁸ Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России. – С. 288.

¹³⁹ См., в частности, исследование Т.Д. Скрынниковой, посвященное изучению поэтического метатекста бурятской социалистической культуры: Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). – С. 91-141.

¹⁴⁰ Zhimbiyev V. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. – P. 7. См. также: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 87, 101-102.

¹⁴¹ Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). – С. 99-100.

В конце 1980-начале 1990-х гг. в связи с распадом Союза и получением республикой суверенитета идея построения общегородской идентичности с использованием бурятских этнических маркеров, волновавшая местных архитекторов и в советские десятилетия¹⁴², становится все более актуальной. На волне этнокультурного возрождения, «начиная с Перестройки, Улан-Удэ становится центром, играющим структурообразующую роль в создании вербальных и материальных символов бурятского национального пространства»¹⁴³, которое первоначально было сконструировано местной национальной элитой как основа для политической мобилизации группы. Притом, «поскольку этот период – перераспределения властных ресурсов – довольно быстро завершился и этнополитические элиты, достигшие желаемого, стали демонстративно выражать лояльность российскому руководству, то националистический проект, уже лишенный политического [...] пафоса, возвращается в русло этнокультурной идентификации и воспроизводства этничности»¹⁴⁴. С угасанием всплеска этнополитической активности к середине 1990-х гг. идеологема и мифологема, связанные с воспроизводством «бурятского мира», развиваются преимущественно в русле культурной самоидентификации¹⁴⁵. Это оказалось характерным не только для самих бурят как этнической группы, но и для города Улан-Удэ, который в сконструированном местной этнически мыслящей элитой «бурят-

---

¹⁴² См.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 210-211.

¹⁴³ Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. – С. 243. Символическое восприятие города переосмысливается, в частности, бурятскими поэтами. См.: Буряты: социокультурные практики переходного периода. – С. 122.

¹⁴⁴ Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. – С. 31.

¹⁴⁵ В этом смысле, кстати, случай постсоветской Бурятии и Улан-Удэ «выпадает» из списка «национализирующихся» (Р. Брубейкер) государств и столиц Средней Азии – бывших стран СНГ, прошедших существенно иной путь политической и культурной самоидентификации. См., например: Абрамян Л. Ереван. Память и забвение в организации пространства постсоветского города / Л. Абрамян // Антропологический форум. – 2010. – № 12. – С. 248-271; Космарская Н.П. «Дети империй» в постсоветской центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии 1992-2002) / Н.П. Космарская. – М.: Наталис, 2006. – 596 с.; Михалев А.В. Советские мемориалы в Монголии: коллективная память и борьба за символическое пространство / А.В. Михалев // Диаспоры. – 2009. – № 2. – С. 208-232.

ском мире» приобрел роль символического центра. Он стал рассматриваться уже не столько как политический центр этнической Бурятии, сколько как ее культурная столица, призванная отразить историческое и культурное своеобразие бурят как этнической группы. «Образ города, вполне приобретший в советский период качества политико-административного центра республики Бурятия и главного доказательства достижений бурят в деле социалистической модернизации и урбанизации, в постсоветский период претерпевает интеллектуальную трансформацию и переосмысление в направлении пространственно-временных мифологем центрального мифа об этничности»¹⁴⁶.

При конструировании общегородской идеи «города с азиатской душой» были активно использованы главные и производные этнические мифологемы, актуализованные еще в рамках политико-идеологического дискурса начала 1990-х гг. Речь идет, прежде всего, о «великой истории», «принадлежности к великой центральноазиатской и буддийской цивилизации», «великих культурных героях» (в первую очередь Чингисхане), «праве титульного этноса на этническое пространство»¹⁴⁷. Эти мифологемы, основывающиеся на представлениях о далеких исторических предках – «чистых» кочевниках – и присвоении права говорить о них и от их имени, связывают случай постсоветской Бурятии, не только с Монголией, выступившей своего рода стандартом нациестроительства для бурят¹⁴⁸, но и, например, с современным Казахстаном, в котором евразийские теории также популярны¹⁴⁹.

Возвращаясь к содержанию рассматриваемого нами контекста «город с азиатской душой», отметим, что он к настоящему времени является одним из наиболее целостных как идейно, так и содержательно. Основанный на культурно-поэтической и в меньшей степени политической идентификации, он в целом принимается городским сообществом, поддерживается административной властью. Это, в свою очередь, позволяет говорить о нем

---

¹⁴⁶ Буряты: социокультурные практики переходного периода. – С. 122.

¹⁴⁷ См. об этих мифологемах более подробно: Д.Д. Амоглонова Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. – С. 6.

¹⁴⁸ См: Там же. – С. 95-103.

¹⁴⁹ См: Ремнев А. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане / А. Ремнев // *Ab Imperio*. – 2011. – № 1. – С. 175.

как об основной городской идее постсоветского Улан-Удэ¹⁵⁰. Ее стратегическая задача, связана, на наш взгляд, с осуществлением десоветизации и децентрализации городского пространства, с формированием новых приоритетов и координат жизни городского сообщества и представлением новой роли города в постсоветских реалиях России и Внутренней Азии. Десоветизация понимается в данном случае не как идеологический проект, а, скорее, как фактическое символическое обновление (переосмысление) городского социалистического ландшафта за счет новых объектов архитектуры и скульптуры¹⁵¹, а децентрализация – как стремление преодолеть ощущение провинциальности, заданное советским модернистским мышлением, жестко разделяющим понятия «центра» и «периферии». И то, и другое означает представление города в качестве самостоятельного и самодостаточно (по крайней мере, культурно) центра.

Содержательно новая идея города опирается, как показало исследование, на четыре мощных пространственных представления: «Улан-Удэ – столица бурятского мира»¹⁵², «Улан-Удэ – буддийская столица России»¹⁵³, «Улан-Удэ – восточные ворота России»¹⁵⁴, «Улан-Удэ – столица Байкальской Азии»¹⁵⁵. Рассмотрим их по порядку.

В качестве «столицы бурятского мира» Улан-Удэ рассматривается в двух ипостасях: с одной стороны, как политический

---

¹⁵⁰ См. также: Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России. – С. 309.

¹⁵¹ С подобной задачей самоопределения столкнулось большинство постсоветских городов, которые в советские годы были объединены в целом общей «социалистической» идеей.

¹⁵² Мифологема «Улан-Удэ – столица бурятского мира» изучается Д.Д. Амоголоновой. См., в частности: Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. – С. 243-263.

¹⁵³ См. также: Улан-Удэ – «буддийская столица России»: отражение религиозного возрождения в образах городского пространства // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. – С. 119-140.

¹⁵⁴ См. также: Восточные ворота России // Улан-Удэ: история и современность. – С. 281-289; Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России. – С. 311.

¹⁵⁵ См., например: Дугаров Б.С. Столица Азии Байкальской // Б.С. Дугаров // Любовь моя – Улан-Удэ: стихи и песни / сост. Г.М. Дабаева, Б.С. Дугаров. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. – С. 11-12.

центр этнической Бурятии, в которую наряду с территорией самой республики включаются Агинский и Усть-Ордынский бурятские автономные округа, на данный момент являющиеся частью Забайкальского края и Иркутской области¹⁵⁶. С другой стороны – как символический центр бурятского национального пространства, как главный продуцент идеологии бурятского возрождения¹⁵⁷.

Представление города в таком качестве было одобрено местной администрацией: «Улан-Удэ при всем своем сложившемся облике типично российского сибирского города в то же время несет печать национальной культуры [...]. Градостроительная политика последних лет не отличалась особым национальным колоритом [...], сегодня потребности изменились. На смену потребительским запросам [...] приходит культурно-эстетическая потребность иметь жилье качественное и красивое – с национальной символикой, с учетом культурным потребностей [...]. Наш город, – говорит мэр Улан-Удэ Геннадий Айдаев, – должен отличаться именно тем, что это город бурятской культуры, несущий все лучшее, что есть в самобытной культуре бурятского народа, его традициях, эстетическом мировоззрении»¹⁵⁸.

С конца 1990-х гг. во многом при поддержке крупного бизнеса¹⁵⁹ в Улан-Удэ стали появляться объекты, маркирующие городское пространство как национальное. Речь идет в первую очередь о скульптурах и памятниках, которые могут быть рассмотрены как знаковые места исследуемого нами культурного контекста «город с азиатской душой». Рассмотрим наиболее значимые из них¹⁶⁰.

---

¹⁵⁶ Усть-Ордынский бурятский автономный округ был объединен с Иркутской областью 16 апреля 2006 г. Забайкальский край был образован 1 марта 2008 г. в результате объединения Читинской области и Агинского бурятского автономного округа.

¹⁵⁷ Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. – С. 243. См. также: Буряты: социокультурные практики переходного периода. – С. 120-132.

¹⁵⁸ Улан-Удэ: история и современность. – С. 424.

¹⁵⁹ Бюджет города в рассматриваемый нами период оставался крайне слабым (особенно в 1990-ые гг.). Поэтому все значительные скульптурные сооружения появлялись в городе за счет средств крупного бизнеса, но с официального разрешения мэрии.

¹⁶⁰ Стоит сказать, что в городе существует достаточно много памятников и скульптур, в которых можно найти «национальные мотивы». Таковы,

Первым памятником, отчетливо сигнализирующим об утверждении бурятских этнических маркеров в городском ландшафте, стал «Мэргэн» (Рис. № 10) – лучник, бурятский мифологический герой. Его установили в локальном центре Октябрьского района – у бульвара К. Маркса, «на Саянах», рядом с районной администрацией города. Вслед за ним в 2002 г. в центральной части города появилась скульптура «Мать-Бурятия»¹⁶¹ (Рис. № 11), или, как ее часто называют, «Гостеприимная Бурятия». Первоначально она была установлена за Бурятским государственным театром оперы и балета на крутом краю возвышенности, господствующей над улицей Ленина (ее пешеходным участком – «Бурятским Арбатом»). Скульптура представляет собой бурятскую женщину, держащую в руках традиционный бурятский хадак – символ национального гостеприимства, который вручают почетным гостям. Местоположение скульптуры сразу посчитали неудачным и долго подвергали критике, поскольку ее не было видно из-за высокого здания театра оперы и балета. Пожалуй, единственным аргументом в пользу такого расположения являлось то обстоятельство, что вблизи было расположено выстроенное в «восточном» стиле в 1999 г. здание консульства Монголии (Рис. № 12). В связи с активной критикой в 2008 г. скульптуру перенесли к Селенгинскому мосту. Теперь самый высокий памятник города встречает гостей,двигающихся в центр Улан-Удэ со стороны аэропорта. Эта новая роль сделала «Мать-Бурятию», как отмечают местные туроператоры, бурятским вариантом нью-йоркской статуи Свободы. Памятник называют и главным символом постсоветского Улан-Удэ¹⁶².

Еще один значимый объект, Памятник Гэсэру (Рис. № 13), был представлен горожанам 29 июня 2006 г. и расположился на

например, памятник звездам бурятского балета Ларисе Сахьяновой и Петру Абашееву, скульптуры «Стихии», «Юность Бурятии». Мы же рассмотрим только те объекты, которые, на наш взгляд, наиболее отчетливо воплощают идею «города-национальной столицы».

¹⁶¹ См.: Скульптура Мать-Бурятия в Улан-Удэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruschudo.ru/miracles/2725/> (12.02.2011).

¹⁶² См., например: Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. – С. 247. Изображение скульптуры помещено на главной странице официального сайта Администрации города. См.: Администрация города Улан-Удэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/> (15.12.2010).

возвышенности недалеко от Удинского моста на Батарейной горе рядом с местом основания города¹⁶³. Как отмечает Д.Д. Амоголонова, «местоположение памятника глубоко символично: во-первых, он расположен на естественной террасе, считающейся с советских времен центром города, а во-вторых, он находится в близости от креста и памятного камня в честь казаков-основателей города. Таким образом, семантика общей композиции состоит как в символическом утверждении единого лица столицы, имеющего одновременно русские и бурятские культурно-исторические черты, так и в маркировании центра этнического пространства»¹⁶⁴. Открытие памятника было приурочено к началу международного фестиваля бурятского народа «Алтаргана-2006»¹⁶⁵.

Наконец, стоит отметить «Богатырский мост» (Новый мост), построенный в 2005 г. в 20а квартале и объединивший два городских района – Октябрьский и Железнодорожный. Благодаря скульптурам богатырей, расставленным по обе стороны моста, он получил название «Богатырский». Сами же фигуры богатырей-баторов (Рис. № 13), на наш взгляд, отчетливо маркируют связь бурятской истории с великой центрально-азиатской историей эпохи Чингисхана.

Идею «города с азиатской душой» наряду с культурными реалиями бурятского национального возрождения поддерживает феномен республиканского буддийского ренессанса. Вообще в последние годы все более укореняется представление о том, что

---

¹⁶³ Гэсэр, герой бурятского эпоса, «восседает на коне, который стоит на постаменте твердо – всеми четырьмя копытами. [...] До сих пор в республике Бурятия не было скульптурного образа героя национального эпоса Гэсэра. Эпос “Гэсэр” – это гимн любви к своей земле, который отражает мечты народа об идеальном царстве и справедливом правителе. [...] Гэсэр – главный герой эпоса бурятского народа, самый популярный персонаж фольклора бурят, которые называли именами героев детей, устраивали спортивные игры в честь славных баторов, поклонялись заповедным местам. По легенде Гэсэр является сыном добрых божеств, спустившимся на землю для искоренения сил зла и утверждения светлого, доброго начала. Вот почему Гэсэр стал национальным героем Бурятии». См.: Чудеса России: памятник «Гэсэру» в Улан-Удэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruschudo.ru/miracles/2723/> (12.12.2010).

¹⁶⁴ Буряты: социокультурные практики переходного периода. – С. 129.

¹⁶⁵ Более подробно о фестивале и его миссии см.: Там же. – С. 131.

буддизм и шаманизм – религии, в равной степени маркирующие бурятское этническое пространство. Их можно определить в качестве национальных символов¹⁶⁶. При этом в постсоветском Улан-Удэ именно буддизм нашел большее распространение. В городе и его окрестностях открылись многочисленные буддийские духовные учреждения и организации¹⁶⁷, изменилось отношение к этой религии, усилилась ее роль в городском сообществе. Все это, а также то обстоятельство, что в сорока километрах от города расположен Иволгинский дацан (официальная резиденция главы Традиционной буддийской сангхи России) дает основание административным структурам и туристическому бизнесу представлять город в качестве «буддийской столицы России»¹⁶⁸. В этой смысле особые надежды городского сообщества связаны с международным признанием феномена нетленного тела Хамбо-ламы Итигэлова, который уже рассматривается как удачный бренд не только для Улан-Удэ, но и для всей республики в целом¹⁶⁹.

Третьим из наиболее мощных пространственных представлений о постсоветском Улан-Удэ, формирующих культурный контекст «город с азиатской душой», является представление о нем как о «восточных воротах России» (как вариант, «ворота в Азию»). Оно опирается на сдвоенное видение города в качестве, во-первых, транспортного узла, транспортных «ворот» в центрально-азиатские страны, а во-вторых, что не менее важно, «ворот» в культурный мир Азии (прежде всего – Монголии и Китая). В этом смысле республика и город представляются если не частью Азиатского мира, то его периферией (в нейтральном смысле), границей, преодолев которую можно попасть в азиатское эт-

---

¹⁶⁶ См.: Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. – С. 122-123.

¹⁶⁷ Более подробно мы поговорим об этом, когда речь пойдет о седьмом из рассматриваемых нами контекстов – «город культур».

¹⁶⁸ В качестве буддийской столицы России постсоветский Улан-Удэ, возможно, конкурирует лишь с г. Элиста (Калмыкия). См., в частности: Буддийская столица России – Элиста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pegasus.su/blog/a-2849.html>. (18.02.2011).

¹⁶⁹ См.: Амоголонова Д.Д. Возвращение Хамбо-ламы Итигэлова в контексте бурятского этнокультурного возрождения / Д.Д. Амоголонова // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сборник статей. – Вып. IV. – Барнаул, 2010.– С. 140-153.

нокультурное пространство. В изданной к 335-летию города книге «Улан-Удэ: история и современность», в разделе «Восточные ворота России» авторы отмечают: «Испокон веков территория Восточной Сибири и Забайкалья была единственным связующим звеном Запада и Востока, надежным южным форпостом Российской державы прошлых веков и нынешнего времени. [...] Улан-Удэ и сегодня по праву называется “восточными воротами” России в страны Азиатского региона, связующим звеном, городом, где как нигде ярко наблюдается синтез двух великих культур Востока и Запада, религий, традиций и обычаев»¹⁷⁰.

Наконец, идея «города с азиатской душой» тесно увязывается с представлением об Улан-Удэ в качестве «столицы Байкальской Азии». Это проявляется не только в административных, но и в поэтических нарративах. Хорошей иллюстрацией к этому тезису является недавно вышедший сборник песен и стихов «Любовь моя – Улан-Удэ», предисловие к которому так и озаглавлено: «Столица Азии Байкальской». Его автор, Б. Дугаров, пишет: «[...] Селенга – великая центральноазиатская река, несущая свои светлые и темные воды из глубин монгольских степей к священному Байкалу, напоминает о вечности и городе, отразившем частицы этой вечности в своей истории – от Удинского острога до Верхнеудинска, ныне именуемого Улан-Удэ. Улан-Удэ – город многоликий [...]. Его в полной мере можно назвать “восточными воротами” России, памятуя о знаменитом чайном пути и о многом другом, что предопределяет евразийскую предназначенность столицы Бурятии, или страны Баргуджин-Тукум, ставшей в силу особого геополитического местоположения и исторических судеб своего рода перекрестком на путях различных этносов и культур, шедших с Запада и Востока»¹⁷¹.

Завершая обсуждение данного контекста, отметим, что он в качестве основной городской идеи постсоветского Улан-Удэ постепенно приобретает все более завершенные формы как на уровне дискурсов, так и в городском ландшафте. Перечислим основные образы города, составляющие рассматриваемый контекст: «город с азиатской душой», «столица бурятского мира», «очаг национальной культуры», «буддийская столица России»,

---

¹⁷⁰ Улан-Удэ: история и современность. – С. 281-282.

¹⁷¹ Дугаров Б.С. Столица Азии Байкальской // Б.С. Дугаров // Любовь моя – Улан-Удэ: стихи и песни. – С. 11-12.

«восточные ворота России», «столица Байкальской Азии», «ворота в культурный мир Азии».

Вместе с тем в городе утверждаются и другие культурные реалии, связанные с отдельными сюжетами городской истории и спецификой его этнокультурного пространства. Рассмотрим их далее.

2.3. Улан-Удэ и память о «старом городе»

В ходе построения (обновления) общегородской идентичности и шире – городского образа – в 1990-2000-ые гг. особое символическое значение приобрели некоторые сюжеты дореволюционной истории Улан-Удэ (1666-1917 гг.). Эти два с половиной столетия, хоть и не позволяют считать Улан-Удэ феноменом на карте Сибири, но, очевидно, выделяют его среди «молодых» городов региона, появившихся в советский период (Ангарск, Братск, Усть-Илимск, Междуреченск, Нижневартовск, Северск, Северобайкальск и пр.)¹⁷². Культурная специфика Улан-Удэ и прочих городов с досоветской историей выстраивается в данном случае как символическое противопоставление многослойной истории «старых» и однослойной истории «новых» городов, которые могут быть рассмотрены как «лишенные прошлого», а значит, оказываются невыразительными в отношении исторической динамики культуры.

Вместе с тем в советском Улан-Удэ дореволюционная история города по идеологическим соображениям не обрела памятных мест¹⁷³. Начнем с того, что вплоть до начала 1990-х гг. в городе не существовало маркеров, указывающих на изначальный

---

¹⁷² Это хорошо иллюстрируют работы, связанные с изучением современной истории «новых» сибирских городов. См, например: Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. Альманах-исследование / под ред. М.Я. Рожанского. – Иркутск, 2002. – 246 с.; Байкальская Сибирь. Предисловие 21-го века. Альманах-исследование / под ред. М.Я. Рожанского. – Иркутск, 2007. – 304 с.

¹⁷³ Показательна в этом смысле «смерть» «старого Верхнеудинска» и «рождение» «нового советского Улан-Удэ». «Навсегда ушел в прошлое маленький купеческий Верхнеудинск» (Серебрякова Р.А. Улан-Удэ. Путеводитель. – С. 5). «С момента образования в 1923 г. Бурят-Монгольской АССР город стал ее столицей, что явилось актом его второго рождения [...] Процесс обновления теснит отжившее и устаревшее». (Л.К. Минерг. Архитектура Улан-Удэ. – С. 5).

исторический центр – вершину «Батарейной горы», где и был за-
ложен острог. Это место было символически отмечено лишь в
1991 г., когда в связи с 325-летием города (06.07.1991) здесь были
установлены два православных креста и каменная плита, по-
священная казакам-основателям (Рис. № 15). На плите написа-
но: «На этом месте будет сооружен мемориал в честь основания
города». В исследуемый нами период 1991-2011 гг. мемориал так
и не был сооружен¹⁷⁴. Сожаление по этому поводу системати-
чески выражает Русский культурный центр в г. Улан-Удэ и Рус-
ская Православная церковь: «[...] Почему не находит своего во-
площения памятник русским землепроходцам...? [...] Их труда-
ми было основано Удинское зимовье на развилке рек Уды и Се-
ленги. Сегодня мы видим на этом месте одинокий сиротливый
крест и камень, стесненные частными застройками. Этот крест и
камень – немой укор всем забывшим о своем первородстве. Ведь
вопрос о создании сооружения в честь русских землепроходцев не
может разрешиться уже ряд десятилетий»¹⁷⁵.

Во многом в связи с постоянными обращениями указанных
организаций и части местного сообщества администрация города
приняла решение установить скульптуру казакам-основателям в
2011 году¹⁷⁶. Открытие монумента, правда, так и не состоялось,
хотя это было бы весьма символично, поскольку оно было при-
урочено к празднованию 350-летия добровольного вхождения
Бурятии в состав Российского государства. Так или иначе, в изу-
чаемый нами период место изначального исторического центра
было маркировано. Православный крест и мемориальный ка-
мень на месте основания города могут быть обозначены в каче-
стве одного из знаковых мест рассматриваемого контекста. Часто

---

¹⁷⁴ Это связывается в первую очередь с вопросами о колониальном на-
следии Улан-Удэ, которые до сих вызывают острые дискуссии, в особен-
ности в сети Интернет. См., например, статью в газете «Информ полис»
и комментарии к ней: В Улан-Удэ решают, как будет выглядеть памят-
ник казакам-первопроходцам // Информ полис. – 2011. – 08 нояб.

¹⁷⁵ Предпочтения должны быть равнозначны // Верхнеудинский вест-
ник. – 2007. – № 2. – С. 5. См. также: Письмо по вопросу сооружения па-
мятника в честь основателей города Верхнеудинска-Улан-Удэ // Верхне-
удинский вестник. – 2008. – № 3. – С. 1.

¹⁷⁶ В Улан-Удэ будет установлен памятник основателям города [Элек-
тронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ulan-ude-eg.ru/index.php?ELEMENT_ID=47650 (30.05.2011).

именно с этого места начинают свои экскурсии городские туроператоры.

Не меньшее символическое значение с точки зрения историко-культурной реконструкции дореволюционного ландшафта города имеет территория «исторической застройки», сохранившаяся в зоне нижней террасы (посад, «большой город») ¹⁷⁷. Благодаря общественным (в том числе научным) дискуссиям и городской политике реконструкции этой территории к настоящему времени в Улан-Удэ сформировался достаточно органичный и целостный локус пространства – «Старый город» ¹⁷⁸.

Здания дореволюционной постройки, как мы отмечали в предыдущей главе, достаточно компактно расположены в центральной, или, как ее часто называют, «исторической» части города. Внутри этой области также есть свой очевидный центр – территория вокруг Гостиных рядов, включая пешеходный участок ¹⁷⁹ ул. Ленина – «Бурятский Арбат» (Рис. № 16). Именно здесь, на главной улице дореволюционного Верхнеудинска (Большая, Большая Николаевская), до сих пор находится большинство каменных зданий, в том числе и Гостиные ряды (Рис. № 17), вокруг которых организовывалось пространство «Старого города» – «города торговли». Символическое значение «Арбата» в качестве не только торгового, но и административно-общественного центра города («главной столичной улицы»), как мы можем заметить, сохранилось и в изучаемый период.

---

¹⁷⁷ См.: Скопинцева Е. Верхнеудинск в Улан-Удэ / Е. Скопинцева // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. – С. 53-57.

¹⁷⁸ Довольно часто в повседневных разговорах, туристических и официальных презентациях города дореволюционный Верхнеудинск называют «Старым Улан-Удэ», представляющим своего рода символическую оппозицию «новому» – «Советскому Улан-Удэ». Эта оппозиция особенно чувствуется у Б. Жимбиева в его исследовании по истории урбанизации города. См.: Zhimbiyev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude / B. Zhimbiyev. – London: The White Horse Press, 2000. – 121 p. См. также: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 103. Символы Старого Улан-Удэ (дореволюционного Верхнеудинска) в постсоветском Улан-Удэ – это, прежде всего, маркеры торгового поселения, местного купечества и ежегодно проводившейся ярмарки.

¹⁷⁹ Движение по этому участку было прекращено в 2004 г., вдоль улицы был положена плитка, размещен фонтан. С этого момента улица стала «прогулочной», местом встреч и отдыха.

Физическая и символическая реконструкция «Старого города» была усилена за счет восстановления в нагорной части в 2006 г. Триумфальной арки (Рис. № 18) и, в 2010 г., Александровского сада (Рис. № 17), который разбили рядом со зданием Гостиного двора.

«Триумфальная арка», или, как можно чаще услышать, «Царские ворота», была восстановлена в честь 340-летия Верхнеудинска-Улан-Удэ. Прежняя, деревянная арка, окруженная деревянными одноэтажными домами, была установлена здесь в 1891 г. в связи с проездом через город императора Николая II и полностью разрушена в 1936 г.¹⁸⁰ Реконструкция триумфальной арки стала значимым событием в жизни Улан-Удэ, актуализировавшим общественные дискуссии относительно истории города. «Строительство арки, которое продолжалось полтора месяца, вызвало немало споров. В дискуссии по поводу целесообразности и внешнего облика строения принимали участие священнослужители, историки, политики и вся общественность. Надпись “Его императорскому высочеству цесаревичу-наследнику Николаю Александровичу” раньше находилась на фронтоне Триумфальной арки со стороны Нагорной площади (ныне площади Советов). Перед началом строительства в этом году увеличенной копии Царских ворот в городе обсуждали две противоположные позиции по поводу надписи. Небольшая табличка с исторически достоверной надписью, все-таки появившаяся сбоку на одной из колонн новой арки, успокоила ревнителей исторической справедливости и Русскую Православную Церковь. По их мнению, пусть и не точная копия все равно лучше, чем ничего»¹⁸¹.

Александровский сад изначально появился на Гостинодворской площади в 1880-ые гг. «по случаю восшествия на престол Императора Александра II» и был восстановлен, как было сказано выше, в 2010 г. Огражденному участку еще предстоит стать «настоящим» садом: молодые саженцы, как и фрагменты исторической памяти, пока лишь приживаются.

---

¹⁸⁰ Именно Царская арка как символ самодержавия и Одитриевский собор как символ православия формировали главную ось дореволюционного Верхнеудинска. Об этом см.: Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период). – С. 112.

¹⁸¹ Чудеса России: «Царские ворота в Улан-Удэ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruschudo.ru/miracles/2720/>. (12.12.2010).

Известно, что за два с половиной столетия досоветской истории (1666-1917 гг.) основное функциональное назначение Верхнеудинска менялось. Возникнув как острожное поселение с военно-оборонительными функциями, он впоследствии стал одним из значимых торгово-перевалочных пунктов в системе Кяхтинской торговли. Именно торговое прошлое города, в судьбе которого значимую роль сыграло купечество, сегодня все больше привлекает внимание мэрии и общественности: «Города Троицкосавск (с 1934 г. Кяхта – прим. авт.) и Верхнеудинск два столетия назад с многочисленными, устремленными в небо куполами красивых православных храмов, уникальными старинными зданиями, со своей культурой и эстетикой были символом прогрессивности и предприимчивости русского купечества, могущества Российской империи»¹⁸².

Во многом через восприятие купечества и его роли в развитии города сегодня формируется положительное отношение к его имперскому прошлому. В предисловии к вышедшей в 2007 г. книге «Купечество – Верхнеудинск – Улан-Удэ» мэр города Г.А. Айдаев так определяет роль купечества в исторической судьбе столицы республики: «К сожалению, события прошлых лет (советских лет – прим. авт.) заставляли нас надолго забыть яркие страницы истории нашего государства, зачастую намеренно искажая вклад наших предков в развитие и укрепление России. Купечество стало одной из жертв исторического беспамятства. Но если вычеркнуть его роль и значение, как же тогда из деревянной острожной крепости на горе, а после “миленького провинциального городка” вырос тот Верхнеудинск, которому уже в 1790 г. вручили герб с изображением символа изобилия и жезла бога торговли Меркурия? А чуть позже путешественники отмечали, что по богатству и промышленной деятельности Верхнеудинск – один из ведущих городов Сибири. Всему этому наш город обязан прежде всего купечеству, ведь именно это городское сословие самым серьезным образом определяло жизнь, быт и культуру нашей теперешней столицы»¹⁸³.

Сюжетом, связывающим купечество дореволюционного Верхнеудинска и деловое сообщество постсоветского Улан-Удэ,

---

¹⁸² Улан-Удэ: история и современность. – С. 281-282.

¹⁸³ Купечество – Верхнеудинск – Улан-Удэ. – С. 3. Книга издана по заказу МУ «Комитет производственных технологий и предпринимательства администрации города Улан-Удэ».

стала активно артикулируемая в общественно-политическом дискурсе с начала 2000-х гг. идея преемственности купеческих (в том числе меценатских) традиций в бизнес-среде города. Одним из первых и наиболее значимых в этом смысле событий стало открытие в центральной части города в 2006 г. Триумфальной арки, о которой упоминалось выше. Реконструкция стала возможной благодаря финансовой поддержке одного из крупных городских предприятий и была представлена как акт меценатства. «История Верхнеудинска богата своими традициями меценатства, – сказал на открытии арки мэр Улан-Удэ Геннадий Айдаев. – Казалось бы, все ушло в прошлое. Но нет, в городе возрождаются лучшие традиции купечества, и я благодарен генеральному директору ОАО «Байкалфарм» Иринчею Матханову за начало возрождения этих традиций»¹⁸⁴. Новые благотворители города – предприниматели-меценаты, активно занимающиеся поддержкой социально значимых проектов в городе, в упомянутой выше книге «Купечество – Верхнеудинск – Улан-Удэ» названы «наследниками по прямой»¹⁸⁵.

Невостребованными (по вполне понятным причинам) сюжетами дореволюционной истории города стали его отношения с Иркутском – центром Иркутской губернии, уездным городом которой являлся Верхнеудинск, а также сибирская каторга и политическая ссылка. Таким образом, дореволюционный Верхнеудинск в постсоветском Улан-Удэ оказывается значимым, на наш взгляд, в первую очередь как город-музей, город старины («Старый город») – объект туризма, предмет общественной гордости, маркер славного прошлого. Среди образов города, формирующих данный контекст, стоит выделить следующие: «город-форпост», «город исторический», «старый город», «город с дореволюционной историей», «город торговли», «город славных купеческих традиций».

2.4. Улан-Удэ и память о «советском»

Улан-Удэ в современном виде, как мы выяснили в первой главе, является в значительной степени продуктом советского планового строительства и связанных с ним особенностей и издержек. Зона исторической застройки дореволюционного перио-

---

¹⁸⁴ Купечество – Верхнеудинск – Улан-Удэ. – С. 150.

¹⁸⁵ Там же. – С. 145.

да – «Старый город» – занимает на городской физической карте незначительное место. Все остальное: индустриальные поселки, спальные районы, обширные зоны частного сектора – появилось именно в советское время. Как сообщество город также сформировался в советские годы – от 20 тыс. жителей в первое десятилетие XX в. до 370 тыс. к началу 1990-х гг. Каким же образом сегодня, по прошествии двадцати лет постсоветского развития, видоизменился облик города и как отношение местного сообщества к советскому прошлому встраивается в содержание общегородской идентичности?

Можно отметить сразу, что внешне Улан-Удэ практически не менялся вплоть до начала 2000-х гг., являя собой пример типичного социалистического города с дореволюционным прошлым в виде сохранившихся в его центральной части объектов досоветской застройки. Причины этого понятны всем, кто жил в 1990-ые гг.: все заботы городских властей сводились к поддержанию городского хозяйства, ни о каких «дополнительных» мерах речи и не могло, наверное, быть.

Однако муниципальная политика по символическому обновлению городского ландшафта, связанная с формированием представления о постсоветском Улан-Удэ как о «столице бурятского мира», а также политика реконструкции «Старого города», относящиеся к 2000-м гг., безусловно, внесли некоторые коррективы в городской социалистический ландшафт. Вместе с тем произошедшие изменения коснулись в основном центральной части города, крайне насыщенной символически, окраинные же территории во многом сохранили прежнюю планировку, декор и пр. В постсоветский период, наряду с деиндустриализацией города, его низовой демодернизацией, в нем все более проявились и процессы постиндустриального развития. В частности, сегодня активно решаются задачи трансформации наличного индустриального ландшафта в ландшафт более благоприятный для жизни и новых производств (сферы информационных технологий, торговли и сервиса). Во всем городе, а в особенности вдоль основных транспортных путей, типовые жилые дома, общественные постройки приобрели новый облик, были частично перестроены для нужд торговли, новых производств и сервисных служб (Рис. № 19).

Стоит сказать, что в постсоветском Улан-Удэ, как и во многих других городах на пространстве бывшего СССР, промышленная и жилищная застройка которых произошла в годы советской мо-

дернизации, проявились множественные издержки и «промахи» плановой индустриализации и жилищной политики¹⁸⁶. Речь идет, прежде всего, о значительных по площади массивах нерегулируемой жилой застройки, нефункционирующих индустриальных ландшафтах, утративших автономность индустриальных поселках. Наличие таких зон усиливает нежелательную фрагментарность городского пространства.

1. Массивы нерегулируемой жилой застройки (см, например, Рис. № 20), лишенные социально-бытовой инфраструктуры, являются типичным явлением для постсоветского Улан-Удэ. Советские «нахаловки» – самострой – возводились вблизи заводо-новостроек, а также часто в неудобных для жизни местах: на склонах холмов, на сильно пересеченных, каменистых участках предгорий, у обрывистых и затопляемых берегов рек (Батарейка, Шишковка и пр.)¹⁸⁷. Сегодня эти территории, уже в основном легализованные, остаются крайне слабо урбанизированными, требуют значительного переформатирования. Это сделало бы их более органичной частью городского благоустроенного ландшафта.

2. Нефункционирующие индустриальные ландшафты (см., например, Рис. № 21) – промышленные предприятия, промышленные зоны и т.п. – также остаются «серым пятном» на карте города. Большинство крупных промышленных предприятий, занимающих значительные по площади территории города (Стеклозавод, Мелькомбинат, Тонкосуконная мануфактура и др.), сегодня либо не работают, либо загружены лишь частично, сохраняют полуразрушенный вид. Перед городскими властями и местным сообществом (прежде всего крупным бизнесом) стоят задачи креативного обновления этого индустриального наследия. Достаточно успешно этим занимаются, например, владельцы городских супермаркетов, переоборудующие советские промыш-

---

¹⁸⁶ Интересна в этой связи история советского городского планирования и, в частности, дискуссии 1920-х гг. об идеальном городе. См., например: Khan-Magomedov S.O. *Pioneers of Soviet Architecture: the Search for New Solution in the 1920s and 1930s.* / S.O. Khan-Magomedov. London: Thames and Hudson, 1987. – 618 p.; Koop A. *Town and Revolution: Soviet Architecture and City Planning 1917-1935* / A. Koop. – London: Thames and Hudson, 1970. – 312 p.

¹⁸⁷ О «нахаловках» в советском Улан-Удэ см., в частности: Zhimbiev B. *History of the Urbanization of a Siberian City.* Ulan-Ude. – P. 59; Минерт Л.К. *Архитектура Улан-Удэ.* – С. 155.

ленные постройки на окраинах в привлекательные торговые зоны (Рис. № 22).

3. Утратившие автономность индустриальные поселки – заводские спутники, в советские годы поддерживаемые своими заводами, в начале 1990-х гг. были вынуждены активно включаться в общегородское пространство. Характерные для советского периода поселковые идентичности постепенно уступают место единой, общегородской (но, видимо, не во всех случаях). Этому способствует активное перемещение жителей из одних районов в другие, а также развитие внутригородских пассажирских перевозок¹⁸⁸, благодаря которым территории промышленных окраин и местные сообщества становятся «ближе» к Центру.

Говоря о «советском» в постсоветском Улан-Удэ, нельзя не упомянуть о таких сегментах городского пространства, как «спальные районы» и «городские дачи»¹⁸⁹. Спальные районы (Рис. № 23) начали появляться в Улан-Удэ с конца 1950-х гг.¹⁹⁰. В качестве автономных жилых территорий они включали в себя основные элементы социально-бытовой инфраструктуры: детские сады, школы, столовые, магазины и пр. Строительство подобных жилых зон, рассчитанных на массовое заселение горожан в многоэтажные дома типичной панельной застройки, отличает советские города от западноевропейских, которые часто имеют коттеджные предместья и окружены небольшими городками в качестве пригорода.

Городские дачи (Рис. № 24) – летние домики с земельным участком, объединенные в садово-дачные кооперативы – начали активно строить в советском Улан-Удэ с начала 1960-ых гг. В постсоветский период дачи постепенно приватизируются и перестраиваются. Одни из владельцев сохраняют их в качестве летнего жилья (но уже более благоустроенного), места для отдыха и

---

¹⁸⁸ Как отмечалось во Введении, постсоветский Улан-Удэ можно смело назвать «городом маршруток». Доля корейских маршрутных такси (Beta, Istana) в структуре общественного транспорта современного Улан-Удэ наиболее велика.

¹⁸⁹ Более подробно об истории и специфике улан-удэнских дач см.: Zhimbiev V. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude. – P. 79-81; Варнавский П.К. Современная дача как социокультурный феномен городской повседневности (на примере Улан-Удэ). – С. 44-48.

¹⁹⁰ Речь идет о микрорайонах 18, 20, 20-а, 40, 41, 43 Октябрьского района, 4, 6, 10, 12 Железнодорожного, 1, 2, 4, 14 и 16 Советского. См.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 240.

огородничества, другие перестраивают домики в усадебные дома с отоплением и приусадебными постройками (баня, гараж и т.п.). В условиях высоких цен на городское благоустроенное жилье и участки в черте города дачи, часть из которых расположена в 10-15 минутах езды от общегородского центра, становятся ценным земельным и жилым активом. Будучи более доступным вариантом для аренды и покупки, они становятся домом как для «коренных» горожан, так и новых жителей столицы (в основном сельских мигрантов)¹⁹¹.

Таким образом, в городском ландшафте постсоветского Улан-Удэ мы обнаруживаем существенные сегменты «советского». Индустриальные объекты, промышленные зоны, прежде автономные соцгородки, спальные районы, дачи – все это продолжает маркировать город в качестве продукта советского времени. Появившиеся в советские годы памятники, которые, как мы отметили в предыдущей главе, отсылали преимущественно к советскому же настоящему-прошлому, также продолжают оставаться в городе в неизменном виде. Даже во время всплеска этнополитической активности в годы «раздачи суверенитетов» памятник Ленину на площади Советов, памятники героям Великой отечественной войны и пр. не были демонтированы или разрушены. Советские наименования улиц города были сохранены. Важно отметить здесь, что в зоне историко-культурной реконструкции «Старого города» переименованным в советские годы улицам не были «возвращены» прежние названия. В этом смысле характерным для Улан-Удэ является сохранение в «памяти улиц» имен и событий именно советского прошлого. Хорошей иллюстрацией к этому тезису является вышедший в 2010 г. словарь-справочник «Улицы Улан-Удэ – памятники истории», в котором из 77 наименований улиц (среди которых 74 отсылают к конкретным лицам) подавляющее большинство занимают профессиональные революционеры, участники Великой Отечественной войны – Герои Советского Союза, видные государственные и общественные деятели, а также представители бурятской творческой и национальной интеллигенции советского периода

---

¹⁹¹ См., например: Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства / М.М. Содномпилова // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. – С. 163-184.

192. В данном списке и в реальной топонимике города отсутствуют улицы, посвященные жителям дореволюционного Верхнеудинска.

Отношение городского сообщества к советскому прошлому города можно определить как значимое, но в целом нейтральное. По крайней мере, в структуре общегородской идентичности постсоветского Улан-Удэ оно обычно не артикулируется. Обратная сторона этого – невнимание к советскому архитектурному наследию, что, по всей видимости, является чертой времени. К примеру, площадь Славы – локальный центр Железнодорожного района, соцгородка ПВЗ (ЛВРЗ). Ее архитектурный ансамбль был одним из самых удачных в советском Улан-Удэ. К настоящему моменту вся эта зона требует серьезной реконструкции и обновления, как это произошло, к примеру, с территорией исторической застройки «Старого города».

Отметим основные образы Улан-Удэ, связанные с рассматриваемым контекстом: «советский, социалистический город», «(пост)индустриальный город», «советская столица национальной республики», «типичный российский город».

2.5. Улан-Удэ – «город-деревня»

Представить данный контекст, связанный с наложением сельской традиционной культуры на городскую образ жизни и городской культурный ландшафт, изначально представлялось весьма значимым. В случае с постсоветским Улан-Удэ это объяснимо, поскольку город в последние двадцать лет стал главным центром притяжения внутриреспубликанских сельских мигрантов¹⁹³. Не стоит забывать также, что и в советские годы город был

---

192 См.: Улицы Улан-Удэ – памятники истории: словарь справочник / отв. ред. Л.В. Шулунова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 255 с. См. также: Голубев Е. В названьях улиц – история города // Час пик Улан-Удэ. – 2009. – 23 апр. – С. 8.

193 На это указывают имеющиеся исследования. См.: Бреславский А.С. Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ / А.С. Бреславский // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX XX-XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Отгиск, 2010. – С. 132-155; Будаева Ц.Б. Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен / Ц.Б. Будаева // Бурятия. – 2002. – 1 нояб. – С. 4; Гунтыпова Э., Шулунова Р. Миграция и высшее образование (по ре-

ареной противостояния «сельских» и «городских», которое принимало к тому же ожесточенные формы¹⁹⁴.

Эффекты первых двух постсоветских десятилетий, отмеченных значительным влиянием сельской миграции на городской ландшафт и образ жизни, видны повсюду. То обстоятельство, что городское сообщество состоит сегодня преимущественно из горожан в первом и втором поколении («город без горожан»¹⁹⁵), а городской ландшафт усыпан фрагментами частной индивидуальной застройки советского и постсоветского происхождения, способствует формированию ироничного представления об Улан-Удэ как о «большой деревне», где все друг друга знают, где отсутствуют публичные пространства и пр.

Собственно, подобная ситуация, связанная с массовыми миграциями сельчан в города, характерна не только для Улан-Удэ, она свойственна многим российским и шире – постсоветским городам. Надо сказать, что если на западные города, начиная с послевоенного времени, значительное влияние стали оказывать миграции из «стран третьего мира» по линии «юг-север», то в случае с постсоветскими городами более значимой оказалась именно внутренняя (в частности, сельско-городская) миграция. В связи с этим в западных социально-гуманитарных науках, как

зультатам опроса в Бурятской сельхозакадемии) / Э. Гунтышова, Р. Шулунова // Вестник Евразии. – 2006. – № 2 (32). – С. 47-61; Мангатаева Д.Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития / Д.Д. Мангатаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 131 с.; Рандалов Ю.Б. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия) / Ю.Б. Рандалов [и др.]. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 114 с; Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства. – С. 163-184.

¹⁹⁴ Стоит отметить, в частности, многочисленные упоминания о противостоянии городской и сельской молодежи в советском Улан-Удэ, доходящем до физических столкновений и драк. См., например: Буряты: социокультурные практики переходного периода. – С. 138-140; Митупов К.Б.-М. Молодежные группы Улан-Удэ во второй половине XX века: истоки и причины активизации взаимодействия, смена функций, криминализация отношений. – С. 94-105; Балханов И.Г. Двуязычие и социализация / И.Г. Балханов. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ. – 2002. – С. 191-196.

¹⁹⁵ Таким образом обозначает Улан-Удэ С. Галданов. См.: Галданов С. Город без горожан / С. Галданов // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты: альманах-исследование. – С. 58-59.

мы можем сейчас увидеть, внимание оказалось сфокусировано на «чужаках» – людях иной расовой, этнической и конфессиональной принадлежности. А в случае с постсоветскими городами (не только российскими, но и городами стран СНГ) значимой стала «проблема встречи» горожан и внутренних мигрантов – сельчан, близких общекультурно, но далеких по образу жизни. Данная тенденция проявилась и в случае постсоветского Улан-Удэ. При этом в современных академических высказываниях влияние сельской миграции на городское пространство часто оценивается как негативное. В частности, авторы зарубежной коллективной монографии «Городская жизнь в постсоветской Азии», посвященной соответствующим трансформациям в Алма-Ате, Астане, Ташкенте и Улан-Удэ, определяют сельских мигрантов, их привычки, потребительские практики и пр. как важнейший и отчетливо негативный фактор форматирования городского пространства и местных сообществ¹⁹⁶. Происходящие изменения исследователи определяют как «рураризацию», «деурбанизацию», «деревензацию» и т.п.

Подобные оценки влияния сельчан на городскую культуру предложили и некоторые представители местного академического сообщества¹⁹⁷. Содержательно эти высказывания связаны с конфликтной ролью и разрушающим воздействием массовой сельской миграции на городскую культуру и образ жизни. Привлекает внимание в этом смысле позиция С.Д. Батомункуева, который считает, что к позднесоветскому периоду в Улан-Удэ сформировалось относительно гомогенное городское сообщество и городская культура, опирающаяся на возникшие чувства солидарности и взаимоуважения. Однако массовые миграции из сельских районов, характерные для первого постсоветского десятилетия, сломили проявляющиеся тенденции, связанные с построением городской идентичности в среде улан-удэнцев. «Поведение и ментальность жителей города со временем приобретают устойчивое качество, питаемое чувством и сознанием своей общ-

---

¹⁹⁶ См.: Alexander C., Buchli V. Introduction / C. Alexander, V. Buchli // *Urban Life in Post-Soviet Asia*. – P. 2, 8, 29-30.

¹⁹⁷ См., например: Батомункуев С.Д. Урбанизация по-деревенски. Улан-Удэ грозит рурализация. – С. 6; Карбаинов Н.И. «Городские» и «головарь» в Улан-удэ (молодежные субкультуры в борьбе за социальное пространство города) / Н.И. Карбаинов // *Вестник Евразии*. – 2004. – № 2. – С. 170-183; Буряты: социокультурные практики переходного периода. – С. 120-148.

ности, т.е. того, что все они составляют сообщество. [...] Это чувство общности, принадлежности одному определенному сообществу – сообществу горожан – в идеале побуждает людей к солидарным действиям и уважительному поведению в отношении друг друга и по отношению к самому городу, ко всему, что его составляет. На этом чувстве и сознании общности и возрастает феномен городской культуры [...]. Новая же волна сельской миграции в условиях рыночной экономики была самым сильным социокультурным ударом по едва сформировавшейся городской культуре [...]. Сельская молодежь – это радикальный вариант деревенской культуры и ментальности. Иначе говоря, именно от этой социокультурной категории исходит радикальное отрицание городской культуры. [...] Это игнорирование городской культуры означает утверждение своей деревенской идентичности. Они не идентифицируют себя с городским сообществом и не испытывают при этом ни йоты, ни малейшего намека на чувство ответственности за благоустроенность и порядок в городе, за уважительность в отношениях между людьми [...]. Подобно тому, как ржа разъедает железо, эта модель негативного поведения распространяется на остальную часть населения. Жертвой этого процесса оказывается городская культура, утрачивается чувство и сознание сообщества, а вместо этого начинают преобладать ощущения отчужденности и дискомфорта»¹⁹⁸.

О социальных и культурных дистанциях, разделяющих «городских» и «сельских» в социальном пространстве постсоветского Улан-Удэ, пишет Н.И. Карбаинов¹⁹⁹. В одной из своих статей он отмечает, что «в восприятии молодежи взаимодействие двух субкультур («городских» и «сельских» – прим. авт.) осмысливается как их столкновение, причины же взаимного неприятия заключаются в различиях норм поведения, которые социально марки-

---

¹⁹⁸ Батомункуев С.Д. Урбанизация по-деревенски. Улан-Удэ грозит рураризация. – С. 6.

¹⁹⁹ См.: Карбаинов Н.И. «Городские» и «головадь» в Улан-удэ (молодежные субкультуры в борьбе за социальное пространство города). – С. 170; Карбаинов Н.И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город / Н.И. Карбаинов // Давыдов. В.Н., Карбаинов Н.И., Симонова В.В., Целищева В.Г. Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. – Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, 2006. – С. 129-154; Карбаинов Н.И. «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли / Н.И. Карбаинов // Социс. – 2007. – № 11. – С. 136-139.

руют членов каждой группы и одновременно служат средствами нормативно-символического противопоставления одной группы другой»²⁰⁰.

Размышления С.Д. Батомункуева и Н.И. Карбаинова о «борьбе» за городскую культуру, за город как о столкновении полярных идентичностей нуждаются в двух важных уточнениях. Во-первых, по отношению к постсоветскому Улан-Удэ более точным представляется использование категории демодернизации²⁰¹, а не рурализации. Это позволяет преодолеть антимигрантский дискурс, который представляет деревенских мигрантов как однородное и чуждое сообщество. С точки зрения стихийной низовой демодернизации общества, «изъяны» в облике города, поведении части «новых» горожан, обеднение досугового репертуара, трудности в следовании прежним общекультурным паттернам, до сих пор вызывающим ностальгию по советскому прошлому, оказываются связаны не столько с «более низким» уровнем деревенской культуры, сколько с общегосударственными процессами культурной стагнации, что представляется более реалистичным. Во-вторых, разгерметизация Улан-Удэ в 1990-ые гг., как показывают недавние исследования²⁰², сделала социальные обмены между столицей республики и ее сельскими территориями более интенсивными, что выражается, в частности, в развитии транслокального сельско-городского пространства, эффекты которого нам еще предстоит изучить.

Между тем в Улан-Удэ негативные аспекты сельской миграции до сих пор вызывают разного рода общественные дискуссии. В начале 2000-х гг., в особенности на волне активной борьбы мэрии против самовольных построек в отдельных частях города²⁰³, проблема «превращения города Улан-Удэ в Понаеха-

---

²⁰⁰ Карбаинов Н.И. «Городские» и «головарь» в Улан-Удэ (молодежные субкультуры в борьбе за социальное пространство города). – С. 170.

²⁰¹ Демодернизация понимается здесь как разрушение модернизационного проекта, который осуществлялся в советских городах. См., в частности: Н.П. Космарская. Исследования города. – С. 79-80.

²⁰² См., например: Бреславский А.С. Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ. – С. 132-155; Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства. – С. 163-184.

²⁰³ См. карту самовольных поселений на территории города: Карта самоволок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude>

ловск»²⁰⁴ на некоторое время вышла за рамки достаточно герметичных академических и повседневных дискуссий, став одной из публично обсуждаемых тем. Наиболее остро негативное влияние сельских мигрантов на формирование городской застройки и городского имиджа одного из планируемых туристических центров Байкальской зоны было публично обозначено именно в начале 2000-х гг., когда городская мэрия начала решительную кампанию по борьбе с самостроем, расположенным в п. Солдатский, вблизи городского аэропорта, в п. Комушка и других частях города. Постепенно в «проблему самоволок» включились местные отделения общероссийских партий, СМИ²⁰⁵, представители религиозных движений, появились первые социальные исследования улан-удэнских «нахаловок»²⁰⁶. В итоге к 2007-2008 гг. часть домов была снесена, в отношении остальных было решено применить политику правового урегулирования, преимущественно в форме узаконивания жилья.

Одним из итогов шумной кампании стало то, что «нахаловки» в короткий период стали заметными, завеса над их повседневной жизнью, мало знакомой большинству горожан, была приподнята. При этом «самоволки», которые показывали в новостных передачах, о которых писали в местных газетах, были в основном заселены именно сельскими мигрантами. В связи с этим публично «нахаловки» приобрели «сельское лицо». Вместе с тем вполне очевидно, что далеко не все зоны незаконного и нере-

---

eg.ru/admin-goroda/sostav/imushestvo/inform/samovol_stroy/main.jpg
(03.04.2010).

²⁰⁴ Речь здесь идет именно о сельских мигрантах. См.: Краюхин К. Улан-Удэ превращается в Понаехаловск / К. Краюхин // Номер один. – 2006. – 23 авг.

²⁰⁵ См.: например: Капустина Е. «Нахаловку» будут разбирать «химики» / Е. Капустина // Информ полис. – 2001. – 07 нояб.; Шишкина В. За «самоволки» возьмутся всерьез / В. Шишкина // Номер один. – 2007. – 26 дек.; Галлас А. Город будет бороться с «самоволками» / А. Галлас // Номер один. – 2008. – 18 июня; Садыкова И. В конце июня приставы снесут 47 «самоволок» / И. Садыкова // Номер один. – 2008. – 16 июля; Санжиев П. Амнистия для самовольщиков / П. Санжиев // Номер один. – 2009. – 29 апр.

²⁰⁶ См., например: Карбаинов Н.И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город. – С. 129-154; Карбаинов Н.И. «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли. – С. 136-139.

гулируемого самостроя в городе заселены сельскими мигрантами. Нередко по соседству с сельскими жителями строят дома и «коренные» горожане²⁰⁷. Этот факт не был озвучен, как и то, что на городской имидж не в меньшей степени, чем сельский самострой у дороги в Аэропорт (п. Солдатский), влияют расположенные в самом центре города невзрачные деревянные микрорайоны (Зауда, Нижняя Батарейка и пр.), в подавляющем большинстве не обладающие существенной исторической ценностью.

Следует отметить, что как двадцать лет назад, так и сейчас часть сельчан, переезжая в Улан-Удэ, имеет возможность приобрести благоустроенное жилье в центральной и относительно благополучной части Улан-Удэ и приобретает его. При этом одни из них, очевидно, привносят в пространство города «сельский образ жизни», другие – нет. Дискуссионным сегодня остается и вопрос о том, сложился ли в Улан-Удэ «городской образ жизни», и если «да», то каковы границы его локализации. Как отмечает Д.Д. Амоголонова, «[...] и горожане, и носители городского образа жизни, урбанистической культуры в городе были и раньше, и остаются сейчас, ограничиваясь довольно тонким слоем творческой и технической интеллигенцией (всех тех, “кто ходит в театры”). Воздействует ли на них рураризация? Видимо, нет. Истончение этого слоя, если и имеет место, является следствием, скорее, стремления талантливой и энергичной молодежи (среди них буряты и русские) искать счастья в больших городах»²⁰⁸.

Так или иначе, устойчивое культурное воздействие сельской миграции на городское сообщество стало неотъемлемой реальностью постсоветского Улан-Удэ. Это обстоятельство вместе с тем, что в городском ландшафте за последние двадцать лет зоны слабоурбанизированной и часто нерегулируемой, благоустроенной одноэтажной деревянной застройки лишь разрослись, поддерживает такие образы Улан-Удэ, как: «большая деревня», «маленький город», «неполноценный город», «не-город».

2.6. Улан-Удэ – «город окраин»

Всем, кто регулярно ездит на улан-удэнских трамваях, прекрасно знакома вымученная фраза кондуктора, ежедневно объ-

---

²⁰⁷ К примеру, в п. Кошунка, мкр. Загорск, мкр. Левый Берег и пр.

²⁰⁸ Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы социокультурные практики. – С. 241-242.

ясняющего пассажирам, куда именно идет, допустим, «двойка» на «Элеваторе». Мы слышим: «Трамвай едет через *город* на Новый мост!». И вполне резонный вопрос не-горожанина: «А Элеватор, расположенный в трехстах метрах от общегородского центра Улан-Удэ, – это разве еще не город?» – скорее всего, вызовет у кондуктора недоумение. Те, кто хорошо знает историю Улан-Удэ, понимают, о чем здесь идет речь: дело в особенности восприятия исторического центра Улан-Удэ именно как города, а всей остальной его территории – как «негородской». Основания этого восприятия коренятся в особенностях советской застройки города и организации жизни в *отдельных* (они воспринимаются как не интегрированные в город) окраинных районах и во многом воспроизводятся горожанами до сих пор. Приведенный пример, связанный с отождествлением территории города с зоной его исторического центра, хорошо показывает, как наше восприятие Улан-Удэ укоренено в городской истории и как, осознанно или неосознанно, оно воспроизводится в нашей повседневной жизни сегодня.

Метафора «город окраин» по отношению к постсоветскому Улан-Удэ была применена С. Галдановым, который в своей статье «Город без горожан?» обозначил противоречие между официальным статусом «города» и его слабоурбанизированным ландшафтом. Он отмечает: «Словосочетание “город Улан-Удэ” представляется внутренне противоречивым. Крупный административный, политический, экономический, культурный, научный центр, – и одновременно – это “город, состоящий из одних окраин” [...], это город, состоящий из поселков, а теперь уже из деревень и улусов. [...] Люди, живущие в этих поселках, занимают пограничное положение: они уже не деревенские, но еще не горожане. И таких в Улан-Удэ большинство»²⁰⁹.

Риторике относительно воздействия сельской культуры и образа жизни на городской ландшафт и шире – городскую культуру мы рассмотрели ранее при анализе культурного контекста «город-деревня». Мы выяснили также (§ 1.1-1.2), как исторически складывалась территория Улан-Удэ, как видоизменялись его границы в дореволюционный и советский период. Сейчас сфокусируем наше внимание на том, как уже в постсоветском Улан-Удэ были зафиксированы реалии его пространственной сегрегации – определены «центр» города и его «периферия». Мы проде-

---

²⁰⁹ Галданов С. Город без горожан? – С. 58-59.

монстрируем, в частности, как «исторически обусловленные» границы (вос)производятся и утверждаются в административном дискурсе²¹⁰.

Каким же образом городские окраины, а вместе с ними и центр Улан-Удэ, представлены в современном административном дискурсе? Каким образом пространственная сегрегация утверждается в официальных текстах города? Ответить на эти вопросы позволяет анализ административных источников, связанных с текущим и перспективным развитием Улан-Удэ (в исследовании использованы, в частности, устав, генплан, стратегия развития Улан-Удэ до 2027 г., материалы официального сайта города).

Итак, по Уставу город Улан-Удэ как муниципальное образование состоит из трех административных районов: Железнодорожного, Октябрьского и Советского (подобное разделение, как отмечалось в предыдущей главе, существует с 1957 г.). Первый включает в себя северный берег р. Уда (136 тыс. жителей), второй – южный берег р. Уда (171,5 тыс. жителей), третий – левый берег р. Селенга, историческую часть и «периферийные» районы на северо-западе (48 тыс. жителей)²¹¹.

Советский район с момента своего образования получил статус «центрального» (до 1957 г. – Городской). И сегодня его положение в качестве многофункционального центра города определяется преимущественно историческими предпосылками. Указание на это можно найти, к примеру, в недавно опубликованном проекте стратегии развития города до 2027 г.²¹². «Фрагментарность (территориального – прим. авт.) плана сочетается с домини-

---

²¹⁰ Исследование, включающее данные вопросы, было проведено нами в 2009 г. См.: Бреславский А.С. Городские окраины Улан-Удэ: политики номинаций в административном дискурсе. – С. 187-191; Бреславский А.С. Конструирование «городских окраин» в постсоветском Улан-Удэ. – С. 74-88; Бреславский А.С. Городские окраины Улан-Удэ: образы пространства и политики номинаций. – С. 33-44.

²¹¹ Данные о количестве зарегистрированных жителей и территориальном размещении районов взяты из текста «Стратегии развития Улан-Удэ до 2027 г.». См.: Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (12.12.2009).

²¹² См.: Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (12.12.2009).

нированием одного общегородского центра – исторической части города с концентрацией в ней исторических и архитектурных памятников, музеев, административных и деловых функций. Помимо этих характеристик, этот район города обладает наибольшей связанностью и удобной транспортной доступностью. Эти качества являются как следствием геометрически центрального размещения в городе (с учетом отдаленных районов), так и пересечения здесь общегородских магистралей»²¹³.

Утверждение «Советский район – праматерь столицы» сегодня натурализовано²¹⁴ и не вызывает каких-либо возражений как в повседневном, так и в официальном дискурсе. Городская администрация характеризует его как «город внутри города»: «Это уникальный район – административный, деловой, исторический, культурный центр города, своеобразная модельная территория»²¹⁵. Особый статус района выводится при этом из истории его формирования и развития: «Не надо забывать, что именно с этого района и пошло развитие столицы республики»²¹⁶. Советский район СМИ называют «лицом столицы», «культурной и торговой Меккой города»: «Тысячи улан-удэнских семей выбирают своим местом проживания Советский район. Для многих поколений улан-удэнцев жить в центре значит быть в центре всей жизни. С детства родные взору пейзажи Советского района сегодня заиграли современными красками. И это неудивительно,

---

²¹³ Там же.

²¹⁴ «... многие наши представления о мире натурализованы (полностью адаптированы), и мы принимаем их как само собой разумеющиеся. Мы рассматриваем их *не* как *понимание мира*, а как *мир*. Поэтому важная цель дискурс-анализа – разоблачение и выявление само собой разумеющихся, «здравых» взглядов, их преобразование в потенциальные объекты для обсуждения и критики и, таким образом, их открытие для изменений». См.: Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. Йоргенсен, Л. Филипс. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. – С. 290-291.

²¹⁵ Козлов А. Качество жизни как практическая задача / А. Козлов // Советский район: годы и люди. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2003. – С. 5. На момент издания цитируемой книги А. Козлов – глава администрации Советского района города Улан-Удэ.

²¹⁶ Айдаев Г. Советский район – праматерь столицы / Г. Айдаев // Советский район: годы и люди. – С. 13. Г. Айдаев на момент издания цитируемой книги и до сих пор (2012 г.) – мэр города Улан-Удэ.

ведь быть “визитной карточкой” столицы обязывает ко многому»²¹⁷.

Сохранившиеся преимущественно в Советском районе «исторические кварталы обладают достаточно высоким качеством архитектурных решений, являются основной ценностью существующей сегодня застройки города»²¹⁸. Здесь важно отметить, что именно Советский район является в настоящее время главным «местом» в презентации всего города²¹⁹. Большая часть памятников архитектуры дореволюционного Верхнеудинска, сохранившихся в Улан-Удэ²²⁰, а также наиболее (символически) значимые памятники советской эпохи расположены именно в Советском районе, точнее, в его центре (историческом центре города). Туристам, общественным делегациям, прибывшим в Улан-Удэ, обычно показывают «Голову Ленина» на площади Советов, находящуюся неподалеку «Царскую арку», улицу Ленина («Арбат»), купеческие дома, Гостиные Ряды и Одигитриевский Собор. Все эти объекты расположены достаточно близко друг к другу (1 км.) и обычно включаются в пешие туристические маршруты²²¹.

Между тем, становление «рынка» в 1990-х гг. теоретически могло привести к обесцениванию символического капитала «советского» центра города. В Улан-Удэ потенциально могли возникнуть новые центры притяжения экономического, культурного, социального и прочих капиталов. Однако этого не произошло: развитие города пошло по инерции – от прежнего центра к пе-

---

217 Административный, деловой и культурный – Советский район [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.moy-ulan-ude.ru/> (11.05. 2009).

218 Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (12.12.2009).

219 См.: Улан-Удэ: путеводитель по городу / гл. ред. В.Г. Журман. – 2-е изд., доп. – Улан-Удэ: [б. и.], 2006. – 34 с.; Улан-Удэ: путеводитель. – Улан-Удэ: Домино, 2008. – 96 с.; Улан-Удэ: путеводитель / гл. ред. Л. Шишмарева. – Улан-Удэ: Изд. дом. «ЭКОС». – 98 с. Таковым он являлся и в советские годы. См.: Серебрякова Р.А. Улан-Удэ. Путеводитель. – С. 27-83.

220 О материальных объектах дореволюционной застройки см. также: Скопинцева Е. Верхнеудинск в Улан-Удэ. – С. 53-57.

221 В Железнодорожном и Октябрьском районах столь значимые символические объекты отсутствуют, поэтому турфирмы обычно «обходят» их стороной. Исключение составляют, пожалуй, лишь религиозные учреждения.

риферии. Очевидная причина этого – городские окраины в большей степени, нежели сложившийся в советские годы центр, утратили роль социального интегратора и стали «дичать». В этих условиях концентрация капиталов различного рода в центре Советского района (центре Улан-Удэ) не могла не усилиться. Возник так называемый эффект «сжимания города»²²². На фоне всеобщей социальной деградации символический капитал административного и исторического центра позволил Советскому району сохранить позицию лидера, что отразилось и на приоритетах развития внутригородских территорий: два других административных района города в 1990-ые – начале 2000-ых гг. отошли на вторые позиции²²³. Действительно, с символических позиций «центр – периферия» Железнодорожный и Октябрьский районы сегодня существенно проигрывают Советскому (что в целом было характерно и для доперестроечных лет), причем в городском сообществе это обстоятельство принимается в основном как само собой разумеющееся.

Железнодорожный район в административном дискурсе более всего соотносится с образом «промышленной территории»²²⁴. При этом он более, чем другие, воплощает в себе результаты «рыночно неэффективной» советской застройки, в частности, «характеризуется низкой плотностью самой застройки, как жилой, так и производственной, гипертрофированной долей промышленных предприятий, фрагментарной и пространственно дис-

---

²²² См., в частности: Шманкевич Т. «Сжимающийся» город – новая сегрегация / Т. Шманкевич // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность / под ред. В.И. Дятлова, С.А. Панарина, М.Я. Рожанского. – М.-Иркутск: Наталис, 2005. – С. 295-307.

²²³ Эти процессы, связанные с особой ролью разного рода капиталов в производстве и трансформации социального пространства, осмыслены такими современными классиками «социоструктурного» подхода к изучению городского пространства, как П. Бурдьё и А. Лефевр. См, например: Бурдьё П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение / П. Бурдьё // Социология политики / пер. с фр. Н.А. Шматко, сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 33-52; Lefebvre H. The Production of Space / H. Lefebvre / H. Lefebvre. – Oxford: Basil Blackwell, 1991. – 454 p.

²²⁴ Это представление основано на исторических причинах: район был сформирован во многом благодаря строительству паровозоремонтного (локомотивовагоноремонтного) завода (1932 г.).

персной освоенной территорией и пр.»²²⁵. Очевидный центр Железнодорожного района образуют, на «современный» взгляд, остановки «Элеватор/Саган Морин»²²⁶ и «Кинотеатр "Октябрь"» с их развитой торгово-деловой инфраструктурой²²⁷. Здесь же расположена администрация района. Особенность такого размещения районного центра проявляется в том, что он оказывается в смежном положении с общегородским административно-культурным центром (совсем рядом находится площадь Советов). При этом в «столкновении» центров «Железнодорожный» значительно проигрывает «Советскому», так как последний считается еще и «общегородским».

Октябрьский район города – «спальный» – преимущественно жилая территория с преобладанием многоэтажной застройки²²⁸. При реализации муниципальных планов по массовой застройке новых жилых микрорайонов доля населения города, сосредоточенная здесь, увеличится с 45 до 55-60%²²⁹. Однако здесь функционирует и несколько крупных промышленных предприятий. При этом территория и масштабы местных производств все-таки не соотносятся с соответствующими предприятиями Железнодорожного района. Октябрьский район также имеет явный центр – благоустроенная остановка «Саянь» с двумя значимыми объектами – новым зданием Государственного русского драматического театра им. Н. Бестужева (Рис. № 25) и районной администрацией. Здесь же, неподалеку от остановки, «недавно появилось

---

²²⁵ Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (12.12.2009).

²²⁶ «Центральность» этого места определяется двумя высотными гостиницами, развитой сетью торговых точек, включая один из первых крупных и «цивилизованных» торговых комплексов – «Саган Морин». Кроме того, Элеватор практически примыкает к площади Советов («смежные» остановки) – части административного и культурного центра города.

²²⁷ Исходя из логики «сжимающегося города», более отдаленная от центра города площадь Славы, к тому же требующая серьезной реконструкции, уступила свои позиции более близким к центру Элеватору и кинотеатру «Октябрь».

²²⁸ См. Генеральный план [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/today/gradostr-politika/gen-plan/> (12.12.2009).

²²⁹ Данные пояснительной записки к проекту генплана города. См.: Генплан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/today/gradostr-politika/gen-plan/> (12.12.2009).

самое высокое в городе жилое здание – шестнадцатиэтажная “Солнечная башня” (Рис. № 26), видная даже из отдаленных окраин и вызывающая ассоциации с фаллической символикой центра мира. [...] Можно сказать, что “Саяны” приобрели характер незавершенной космогонии, поскольку требуют симметрического освоения пространства выше “Солнечной башни” на территории сплошь деревянной застройки района ж/д станции Комушка и пос. Горького»²³⁰. Центром культурного притяжения в районе, особенно в летний период, можно назвать и парк Юбилейный²³¹.

Официальная политика номинаций²³² окраин в трех городских районах в 2000-е гг. была выстроена по единой схеме. В административном дискурсе ее результатом стало наименование «отдаленные микрорайоны». Так, Советский район²³³ города сформирован из следующих частей: Центральная часть, мкр. Заречный, п. Стеклозавод, мкр. Вагжанова, мкр. Батарейка, п. Исток, п. Солдатский, п. Аэропорт, мкр. Левый берег, п. Сокол, п. Тулунжа и с. Степное. В состав Железнодорожного района входят микрорайоны Шишковка, Лысая гора, Аршан, Орешково, Загорск, Верхняя Березовка, 502 км., Зеленхоз, Матросово, Площадка, Гавань, Зеленый, Солнечный. На территории Октябрьского района расположено 12 отдаленных микрорайонов: п. Забайкальский, микрорайоны Новая Комушка, Горького, Южный, Тальцы, Таежный, Энергетик, Никольский, Светлый, Медведчиково, Сосновый бор, Звездный. Таким образом, в городе в изу-

---

²³⁰ Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. – С. 249.

²³¹ См.: Борходоева Е. Центр отдыха переедет в кварталы / Е. Борходоева // Информ полис. – 2002. – 10 апр.

²³² «Номинация (или назначение – прим. авт.) принадлежат к классу официальных действий или высказываний, оказывающих символическое воздействие, поскольку они выполнены в санкционированной ситуации уполномоченными, «официальными» лицами, действующими *ex officio*, как обладатели *officium (publicum)*, функции или должности, назначенной государством». См.: Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П. Бурдые // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 125-166.

²³³ Перечень микрорайонов размещен на Официальном сайте Улан-Удэ. См., к примеру: Паспорт Советского района [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/rayon/sovetsk/passport/> (12.05.2011).

чаемый период было образовано 32 отдаленных микрорайона²³⁴. При этом, правда, до сих пор неясен правовой статус этих территорий, не определены их отличительные черты. Категория «отдаленные микрорайоны», очевидно, была выделена в рамках политико-административного дискурса, в речи политиков и чиновников. Сегодня она приобретает устойчивые институциональные формы – в районных администрациях созданы Управления по работе с отдаленными микрорайонами²³⁵. Между тем, многие из этих территорий имеют названия, которые документально не зафиксированы, но узнаваемы в рамках повседневного дискурса: «...Согласно акту 1997 года о застройке города, в котором сказано, что в Октябрьском районе официально числится только поселок Забайкальский, никаких других поселков – Силикатного, Жданова, Южного, Таежного – нет. Все эти названия считаются простонародными»²³⁶.

Среди всех отдаленных микрорайонов города мкр. Загорск и п. Сокол являются «периферийными городскими поселениями, расположенными вне собственно города Улан-Удэ, но входящие в одноименное муниципальное образование»²³⁷. К слову, оба поселения стратегически важны для города, так как первое является спутником аэропорта (ключевого транспортного узла предполагающейся Байкальской туристической зоны), а второе – функционирует в основном за счет улан-удэнского авиазавода, который существенно определяет наполнение городского и республиканского бюджета²³⁸.

---

²³⁴ См., в частности: Постановление Администрации г. Улан-Удэ от 23 октября 2008 г. № 525 об утверждении муниципальной целевой программы «Развитие отдаленных микрорайонов, входящих в городской округ "город Улан-Удэ", на период 2008-2011 гг.» // СПС «Гарант».

²³⁵ См., например, Управление по работе с отдаленными микрорайонами Советского района Улан-Удэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ulan-ude-eg.ru/rayon/sovetsk/upr_otdal_mikro/ (12.05.2009).

²³⁶ Матвеева А. Готовьте деньги / А. Матвеева // Номер один. – 2005. – 6 апр.

²³⁷ К периферийным городским поселениям отнесен также район станции «Дивизионная». См., в частности: Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (12.12.2009).

²³⁸ Авиазавод – одно из градообразующих предприятий Улан-Удэ. См.: Авиазавод бьет финансовые рекорды // Номер один. – 4 июня.

Границы социального пространства города помимо «периферийных городских поселений» формируют «периферийные сельские поселения»²³⁹, застроенные садово-дачными участками, а также «самостроем» («нахаловками»). Здесь важно отметить, что сегодня и в исторической части города, в общегородском центре можно встретить участки улиц из деревянных домов малоэтажной застройки, многие из которых находятся в аварийном состоянии. Надо сказать, что рост города за счет обширных пригородных территорий осуществлялся в течение всего XX в. без существенной и целенаправленной реконструкции старых кварталов²⁴⁰. Наглядные результаты этого – повсюду. В подобных условиях «деревенскими» окраинами вполне можно назвать физические границы не только Улан-Удэ, но и территории в центре.

В целом, в административном дискурсе, в официальных документах городская пространственная структура включает: 1) доминирующую центральную часть; 2) «ядро» города (основная застроенная часть по обеим сторонам р. Уды); 3) «периферийные районы» (более удаленные от центра части – поселки, микрорайоны, входящие в МО «Городской округ Улан-Удэ» – п. Солдатский, п. Сокол и пр.). Надо сказать, в тексте «Стратегии социально-экономического развития города до 2027 г.» указывается, что и в «периферийных» районах – вне исторической части города – созданы некоторые предпосылки для формирования «новых центров городской активности»²⁴¹. К ним отнесены территории вокруг возможных мест концентрации занятости (аэропорт, авиазавод, оптовый рынок по ул. Борсоева), транспортные узлы (железнодорожный вокзал, автовокзал), религиозные центры (в первую очередь буддийские и православные). В список включены

---

²³⁹ См., в частности: Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (12.12.2009).

²⁴⁰ В частности, «...старый центр города (правый берег Уды, организованный вокруг Гостиных рядов – прим. авт.) практически на протяжении всего советского периода особого интереса для властей не представлял». См.: Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики. – С. 235.

²⁴¹ Стратегия социально-экономического развития города Улан-Удэ до 2027 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/tomorrow/razvit/> (12.12.2009).

крупные образовательные учреждения – вузы²⁴² и зоны отдыха, расположенные в районах города, к примеру, парки «Юбилейный» в Октябрьском районе и им. Орешкова в Железнодорожном, которые обладают существенными территориальными и рекреационными ресурсами.

Появление в районах города новых центров, альтернативных историческому, вполне возможно и в известной мере необходимо. Это, во-первых, снизило бы «нагрузку» на исторический центр (особенно площадь Советов и «Арбат»), а во-вторых, предоставило бы жителям территорий, физически отдаленных от Центра, возможность организации культурно-досуговой деятельности в своем микрорайоне. В советское время такими «культурными центрами притяжения» были танцплощадка Русского театра драмы (1940-1950-ые гг.), танцплощадка Городского Сада («Горсада»), ДК «Строитель» (1960-1970-ые гг.) и пр.²⁴³.

Пока же в целом отмечается, что городские окраины («периферийные районы») неоднородны по отношению друг к другу, а особенно – в сравнении с центральной частью. Опросы общественного мнения, проведенные в начале 2000-х гг. и использованные мэрией при разработке Стратегии развития города, зафиксировали следующие представления жителей Улан-Удэ о характеристиках социальной и культурной среды городских окраин²⁴⁴: наиболее безопасная, комфортная и гармоничная среда проживания сложилась в «центре города» и некоторых микрорайонах Октябрьского района²⁴⁵ («Квартала», Саяны, Тонко-суконный комбинат, Энергетик), наименее благоприятная – в Железнодорожном (в особенности в микрорайоне ЛВРЗ (ПВЗ) и Шишков-

---

²⁴² Речь идет о Бурятском государственном университете, Восточно-Сибирском государственном технологическом университете, Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств и Бурятской государственной сельскохозяйственной академии.

²⁴³ См.: Митупов К.Б.-М. Молодежные группы Улан-Удэ во второй половине XX века: истоки и причины активизации взаимодействия, смена функций, криминализация отношений. – С. 98.

²⁴⁴ См.: Стратегия развития города Улан-Удэ: Материалы научно-практической конференции. – Часть 1. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – С. 172-173.

²⁴⁵ «...При этом каждое пятое преступление (в республике – прим. авт.) совершается на территории Октябрьского района Улан-Удэ...». См.: Ульянова Л. Мальчишки держат в страхе весь Южлаг / Л. Ульянова // Номер один. – 2005. – 15 марта.

ке). При этом дискомфортные «точки» проявились и на территории Советского района, причем в не столь удаленных (географически) территориях – «Батарейке» и «Стеколке». Все это свидетельствует о том, что «окраинность» как социальная и культурная характеристика в городе соотносится не только с физической периферией. Она возникает там, где проявляется недостаточность «общественных благ»²⁴⁶ и концентрация маргиналов. В этом смысле искусственное заключение «отдаленных» микрорайонов в категорию «периферия» (при наличии «реальных окраин» в черте города) представляется излишним. Сегодня представляется важным отказаться от такой сегрегации, начать «стирать границы» между «городскими» и «не-городскими» микрорайонами, по крайней мере, внутри административных районов, делая социальное пространство Улан-Удэ более целостным. Это соответствует современным задачам комплексного развития внутригородских территорий. Это важно во многом и потому, что формирование в местных сообществах общегородской идентичности, чувства причастности к единому Городу позволит сделать жизнь в нем более гармоничной как в символическом, так и в утилитарном смысле.

В заключение, как и прежде, отметим, основные признаки города, составляющие рассматриваемый контекст: «Улан-Удэ – город окраин», «Улан-Удэ – город фрагментов».

2.7. Улан-Удэ – «город культур»

Постсоветский Улан-Удэ все более выстраивает свою идентичность как город полиэтничный и многоконфессиональный, как город, где встречаются и сосуществуют разные культуры и религии. На территории постсоветского Улан-Удэ зарегистрированы и активно действуют организации как «традиционных религий Бурятии» (православие, буддизм и шаманизм), так и относительно «нетрадиционных» – римско-католическая, мусульманская и другие общины. Здесь стоит отметить, что в городе возникло несколько этнических диаспор: армянская, грузинская, еврейская, китайская, польская и ряд других. При этом, несмотря на сложный этнический и конфессиональный состав населения, постсоветский Улан-Удэ остается одним из стабильных го-

---

²⁴⁶ Речь здесь, прежде всего, идет о социальной и инженерно-бытовой инфраструктуре.

родов России с высоким уровнем межкультурной, межрелигиозной толерантности²⁴⁷ (это обстоятельство рождает образ «Улан-Удэ – самый толерантный город России»²⁴⁸).

Поскольку город интересует нас в большей степени как *место*, а не как сообщество, далее мы не будем касаться специфики местных межкультурных взаимоотношений, а обратим внимание на то, как культурное разнообразие представлено в городском ландшафте и в текстах, формирующих представление об общегородской идентичности.

Начнем с архитектурного ландшафта. Как было отмечено выше, в постсоветские годы Улан-Удэ незначительно изменился внешне, во многом сохранив облик типичного социалистического города. Развернувшиеся в постсоветские годы процессы этнокультурного и, в частности, религиозного возрождения достаточно слабо отразились на архитектурном ландшафте, жилой и общественной архитектуре. Появляющиеся в городе жилые новостройки реализуют обычно лишь достаточно общую идею «восточного города», когда дома украшаются крышами с выгнутыми с изгибом вверх краями (Рис. № 27). Скульптурная политика мэрии ориентирована преимущественно на артикуляцию идеи Улан-Удэ в качестве «города с азиатской душой», «столицы бурятского мира» («Мэрген», «Мать-Бурятия», «Гэсэр», «Богатырский мост» и пр.).

В изучаемый период в городе не возникли и отчетливо видимые зоны компактной этнической застройки, равно как и относительно гомогенные этнические анклав и гетто по образцу «чайна-таун»²⁴⁹ или «маленьких Стамбулов»²⁵⁰. Это оказалось характерно как для «коренных» этнических групп, так и для «но-

---

²⁴⁷ См. также аналитическое исследование С.А. Панарина: Панарин С.А. Этнополитическая ситуация в Республике Бурятия / С.А. Панарин // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. – С. 23-94.

²⁴⁸ Такой образ города был предложен на обсуждении возможных брендов Улан-Удэ в 2008 г. См.: Шагдарова А. Улан-Удэ задумался над имиджем / А. Шагдарова // Новая неделя. – 2008. – 10 дек.

²⁴⁹ См., например: Anderson K. Vancouver's Chinatown: Racial Discourse in Canada, 1875-1980 / K. Anderson. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 1991. – 336 p.; Дятлов В., Кузнецов Р. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка / В. Дятлов, Р. Кузнецов // Экономическая социология. – 2004. – Т 5., № 4. – С. 56-71.

²⁵⁰ Например, один из таких «Маленьких Стамбулов», где уже не одно десятилетие компактно проживают турки, является частью Берлина.

вых» горожан – постсоветских мигрантов из Средней Азии (в первую очередь китайцев), Закавказья и др., сообщества которых в городе достаточно многочисленны.

Среди материальных объектов, маркирующих поликонфессиональную среду города, стоит отметить, пожалуй, лишь культовые здания местных религиозных объединений, часть из которых была возведена еще в дореволюционные годы, часть – появилась уже в постсоветский период. Как мы отметили в предыдущей главе, в дореволюционном Верхнеудинске, население которого было преимущественно русским, были возведены один православный собор, две православные церкви, одна синагога и одна мечеть. В советские годы они разделили общую судьбу, с той лишь разницей, что часть из них была разрушена полностью (синагога, мечеть), а часть была сохранена (православные собор и церкви). В 1990-ые гг. на волне религиозного возрождения уцелевшие здания и смежные территории были возвращены Русской православной церкви (РПЦ) и ее прихожанам. Реконструированные, они вновь образовали вокруг себя локальные пространства духовной и шире – публичной жизни, став значимыми маркерами многоконфессионального Улан-Удэ. Рассмотрим эти ключевые объекты.

Свято-Одигитриевский собор (Рис. № 28), первое каменное здание Верхнеудинска, был построен еще в 1783 г. Собор был закрыт в 1929 г. В 1934 г. в нем был организован Антирелигиозный музей, а впоследствии отдел природы и отдел фондов Республиканского краеведческого музея им. Хангалова²⁵¹, благодаря чему здание сохранилось в рабочем состоянии. В 1990 г. храм был передан РПЦ. В дореволюционные годы здание Собора в физическом и символическом смысле являлось доминантой городского пространства. Сегодня Собор сохранил, пожалуй, лишь свои символические позиции в качестве главного православного учреждения города. Институционально эту роль закрепило учреждение в 2009 г. Улан-Удэнской и Бурятской Епархии с центром в Улан-Удэ, кафедральным храмом которой и стал Одигитриевский собор²⁵².

Среди прочих объектов, символически маркирующих православие в городе, стоит отметить Свято-Троицкий храм (Рис. №

---

²⁵¹ См.: Серебрякова Р.А. Улан-Удэ. Путеводитель. – С. 19.

²⁵² Улан-Удэнская и Бурятская епархия [сайт]: Режим доступа: <http://www.uud-eparh.ru> (12.01.2011).

29), построенный в 1809 г. на месте деревянной кладбищенской церкви. В 1940-ые гг. храм был закрыт и в годы войны разрушен. Впоследствии в здании хотели организовать музей архитектуры, но в связи с отсутствием финансирования реконструкции от этой идеи отказались. На месте кладбища построили городской сад с аттракционами, бывший общегородским центром культурного притяжения в 1960-1970-ые гг. Храм был передан РПЦ в 1989 г.

Третий храм с дореволюционной историей – Свято-Вознесенский (Рис. № 30). Изначально построенный на правом берегу Уды, в 1809 г. он был перенесен на левый берег – в район Зауды. Был закрыт в 1930-ые гг. В здании была размещена школа НКВД, впоследствии – столовая для рабочих.

К отреставрированным в 1990-2000-ые гг. дореволюционным сооружениям православной церкви в 2006 г. добавилось еще одно – Свято-Никольский храм (Рис. № 31), построенный вблизи железнодорожного вокзала по инициативе ветеранов железнодорожников при активной поддержке ВСЖД.

Хотя история развития буддизма в Забайкалье насчитывает не одно столетие, буддийские культовые места и объекты, в отличие от православных, появились в Улан-Удэ только в постсоветский период. И это само по себе символично, поскольку буддизм в качестве религии и образа жизни оказался востребованным среди не только бурятского, но и не-бурятского населения столицы.

Первым в 1994 г. в живописном природном ландшафте Верхней Березовки, микрорайона на северо-востоке Улан-Удэ, был основан дуган «Хамбын Хурэ» (Рис. № 32). На его территории расположено несколько храмов (храм Калачакры и Цогчен-дуган) и субурганов. Здесь проводятся традиционные службы согласно буддийским канонам. В отдаленном от центральной части города районе частной застройки на Лысой горе²⁵³ в 2000 г. появился буддийский храм «Ринпоче-Багша» (Рис. № 33). В этом же году произошло официальное открытие основного здания Буддийского женского дугана (Рис. № 34) по ул. Ключевской в Октябрьском районе города. Сегодня в Улан-Удэ в непосредственной близости к транспортным путям и жилыми постройкам можно найти еще три буддийских дугана – в районе Зауды, напротив остановки «Восточные ворота», в районе «Стрелки» и в 47 квартале среди девятиэтажек (Рис. № 35).

---

²⁵³ Лысая гора в Улан-Удэ – сопка вблизи микрорайона Шишковка.

Из традиционных для Бурятии религий наименее заметен в городе шаманизм. В ходе исследования в фокус нашего внимания попало лишь объединение шаманов «Тэнгэри» (Рис. № 36), участок и культовые постройки которого находятся в Октябрьском районе города, в микрорайоне Новая Комушка. Отсутствие значительных культовых сооружений в данном случае определяется спецификой осуществления ритуалов, предусмотренных основами данного религиозного верования. Вместе с тем, отдельные шаманы достаточно успешно практикуют в городе²⁵⁴. Можно заметить, что шаманизм в городе не замыкается в родовых или даже этнических границах.

О старообрядчестве в постсоветском Улан-Удэ²⁵⁵ активно заговорили в связи со Всемирным съездом старообрядцев, прошедшим в городе летом 2007 г., и после него. Уже после съезда было принято решение построить в городе вблизи Мелькомбината Старообрядческую церковь в честь святого благоверного князя Александра Невского (Рис. № 37), которая к настоящему моменту не достроена. Иных значимых культовых сооружений, связанных со старообрядчеством, помимо еще одной церкви в Октябрьском районе на пересечении ул. Терешковой и Сахьяновой (Рис. № 38), в городе нет.

Возрождение католической церкви и общины в Улан-Удэ, которая хоть и была невелика, но существовала, как и старообрядчество, еще в дореволюционном Верхнеудинске, началось в конце 1990-ых гг. В 1999 г. в Улан-Удэ был официально зарегистрирован католический приход Святейшего Сердца Иисуса Христа. В 2005 г. в Октябрьском районе, в 47 квартале, появился и был освящен костел (Рис. № 39).

Мусульманская община города, опирающаяся на несколько этнических диаспор, в 2009 г. начала строительство мечети в юго-восточной части Улан-Удэ (Рис. № 40). Среди немногочисленных протестантских общин в городе активностью в изучае-

---

²⁵⁴ См., в частности, исследование К. Хамфри: Humphrey C. Shamans in the City / C. Humphrey // *Anthropology Today*. – 1999. – V.15, № 3. – P. 3-10.

²⁵⁵ Старообрядцы жили и в дореволюционном Верхнеудинске. См., например: Замула И.Ю. Из истории семейских Верхнеудинска в XIX – начале XX вв. / И.Ю. Замула // *Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы III международной научно-практической конференции (26-28 июня 2001 г., г. Улан-Удэ)*. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – С. 176-179.

мый период отличалась община, собиравшаяся в Зале Царствия Свидетелей Иеговы, находящемся в районе Зауды (Рис. № 41).

В неландшафтном (документальном) измерении культурное и, в частности, конфессиональное разнообразие местного сообщества раскрывается более широко, чем через ландшафтный срез, поскольку напрямую не зависит от последнего. Ведь представления о культурном разнообразии, фиксируемые в тех или иных текстах о городе (административных, туристических, рекламных, художественных и пр.) могут конструироваться относительно произвольно, исходя из логики акторов, воспроизводящих тот или иной дискурс.

В этом смысле обращают на себя внимание два наиболее устойчивых представления о городе: «Улан-Удэ как зеркало этнокультурного разнообразия республики» и «Улан-Удэ – ворота в этнокультурный мир Бурятии». Так, авторы уже упомянутого издания «Улан-Удэ: история и современность», рассуждая о феномене «забайкальского ренессанса», отмечают: «Улан-Удэ как зеркало отражает разнообразие многонациональных культур и вероисповеданий граждан республики, является не только административным, но и культурным, религиозным центром для различных конфессий и религий»²⁵⁶.

Уже в качестве «ворот в этнокультурный мир Бурятии» постсоветский Улан-Удэ активно присваивает знаковые места, расположенные в пригородных территориях. Среди них стоит отметить Гуннское городище в Иволгинском районе республики и связанный с ним образ «Древнего города»²⁵⁷, Иволгинский дацан, являющийся официальной резиденцией традиционной буддийской сангхи России, семейские (старообрядческие) села Тарбагатайского района, находящиеся неподалеку от Улан-Удэ исконно бурятские села (например, Ацагат в Заиграевском районе Бурятии).

Завершая анализ образов-признаков города, формирующих контекст «город культур», отметим, как обычно, основные из них: «Улан-Удэ – город многонациональный», «Улан-Удэ – самый толерантный город России», «Улан-Удэ – ворота в этнокультурный мир Республики Бурятия», «Улан-Удэ – зеркало этнокультурного разнообразия республики», «Улан-Удэ – центр забайкальского этнокультурного и религиозного ренессанса».

---

²⁵⁶ Улан-Удэ: история и современность. – С. 429.

²⁵⁷ См. ссылку № 57 данной книги.

Итак, в данной главе за счет нарративов административно-академического, публицистического и туристического дискурсов о постсоветском Улан-Удэ, а также дискурса СМИ мы продолжили анализ неландшафтного текста города, дополнив его не менее значимым для нас ландшафтным текстом – материалами визуальных наблюдений, собранными в ходе полевого исследования. Учитывая исторический контекст и те признаки города, которые он задает (см. выводы к первой главе), мы определили семь наиболее мощных культурных контекстов (групп признаков, объединенных одним – доминантным), характерных для постсоветского Улан-Удэ. Каждый из этих контекстов опирается на одно или несколько пространственных представлений о городе и на соответствующие им знаковые места городского ландшафта (в систематизированном виде признаки города и соответствующие им знаковые места представлены уже в следующем параграфе).

Анализ выделенных контекстов был осуществлен в следующем порядке: «город-столица», «город с азиатской душой», «Улан-Удэ и память о “Старом городе”», «Улан-Удэ и память о “советском”», «город-деревня», «город окраин», «город культур». Нас интересовал генезис связанных с тем или иным контекстом культурных реалий и представлений о городе, а также особенности их (вос)производства, интерпретации и репрезентации в общественно-политическом и повседневном дискурсах. Для этого мы соотнесли каждый из контекстов со структурой современной общегородской идентичности.

Мы выяснили, в частности, что восприятие Улан-Удэ в качестве «города-столицы» опирается на представление о нем как о «единственном городе республики», «общереспубликанском центре», «центре общественной жизни республики», «городе, устремленном в будущее», «транспортном узле Забайкалья», «порождающем центре республики», «центре своего мира», «звезде республики», «колыбели республики».

Культурный контекст «город с азиатской душой» выстраивается на основе таких образов города, как «столица бурятского мира», «очаг национальной культуры», «столица Байкальской Азии», «буддийская столица России», «ворота в культурный мир Азии».

Воспроизводство культурного контекста «Верхнеудинск в Улан-Удэ» связано с артикуляцией его дореволюционного прошлого и образов «города-форпоста», «старого города», «города исторического», «торгового города», «города славных купеческих традиций».

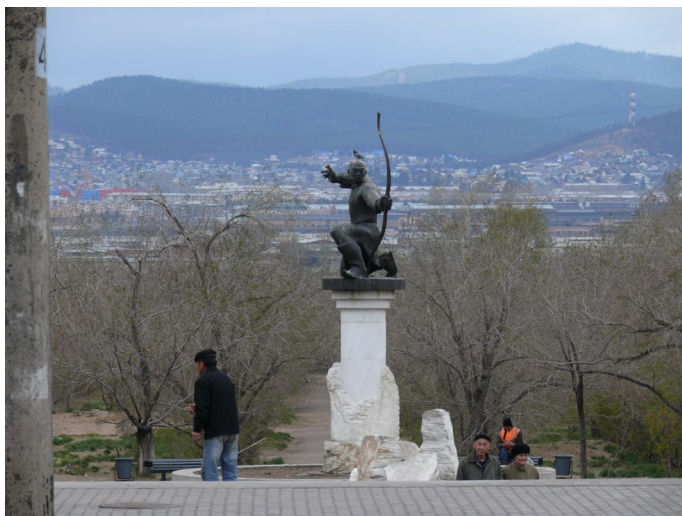
«Советское в постсоветском Улан-Удэ» обнаруживается в ходе его интерпретации в роли «советского», «социалистического», «(пост)индустриального города», «типично российского города», «советской столицы национальной республики».

Контекст «город-деревня» включает такие пространственные представления, как: «маленький город», «большая деревня», «негород».

В качестве признаков «города окраин» нами обозначены такие образы постсоветского Улан-Удэ, как «город фрагментов», «город-мозаика».

Наконец, заключительный контекст, представляющий постсоветский Улан-Удэ как «город культур» был организован нами исходя из представлений о нем как о «многонациональном», «многоконфессиональном» городе, «самом толерантном городе России», «воротах в этнокультурный мир республики», «зеркале этнокультурного разнообразия республики», «центре забайкальского этнокультурного и религиозного ренессанса».

Важно отметить, что в данной главе каждый из культурных контекстов рассматривался как фрагмент, самодостаточная, автономная структура, способная в определенных условиях «закрыть» собой остальные. В следующей главе мы не только систематизируем выделенные нами представления-признаки, но и соотнесем выделенные на их основе контексты друг с другом. Это позволит, исходя из логики ландшафтно-образного подхода, решить последнюю из сформулированных нами исследовательских задач – сформировать модель культурного пространства постсоветского Улан-Удэ.

Рис. 10. «Мэргэн»

Рис. 11. «Мать-Бурятия»

Рис. 12. Консульство Монголии в Улан-Удэ

Рис. 13. «Гэсэр»

Рис. 14. «Богатырский мост»

Рис. 15. Крест у места основания города

**Рис. 16. Пешеходный участок ул. Ленина
(«Бурятский Арбат»)**

Рис. 17. Гостиные ряды и Александровский сад

Рис. 18. Триумфальная арка

Рис. 19. Трансформация жилых ландшафтов

Рис. 20. Массивы нерегулируемой жилой застройки

Рис. 21. Нефункциональные индустриальные ландшафты

Рис. 22. Трансформация индустриальных ландшафтов

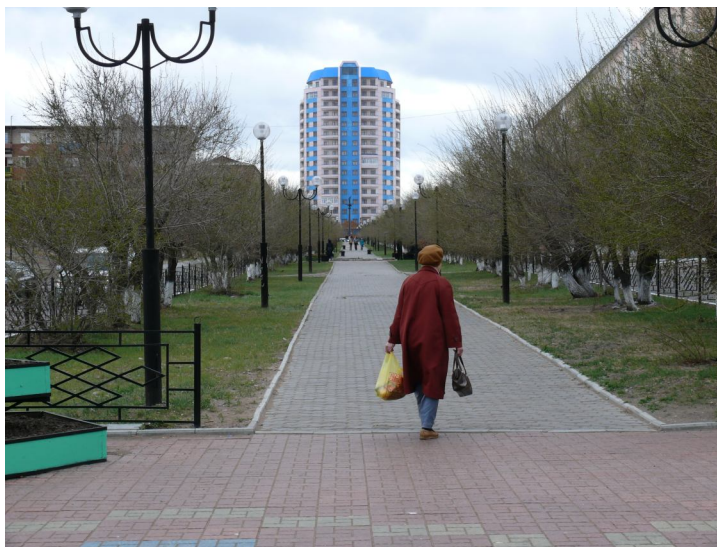
Рис. 23. Спальные районы

Рис. 24. Городские дачи

Рис. 25. Государственный русский драматический театр драмы им. Н. Бестужева

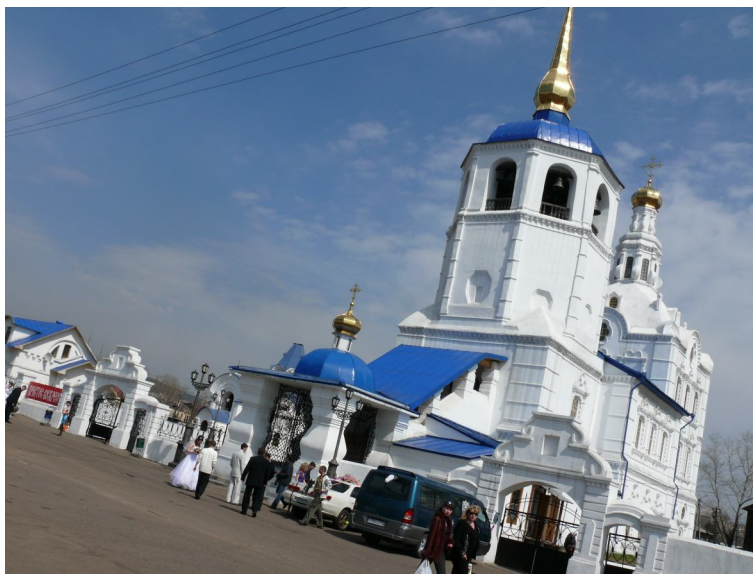

Рис. 26. «Солнечная башня»

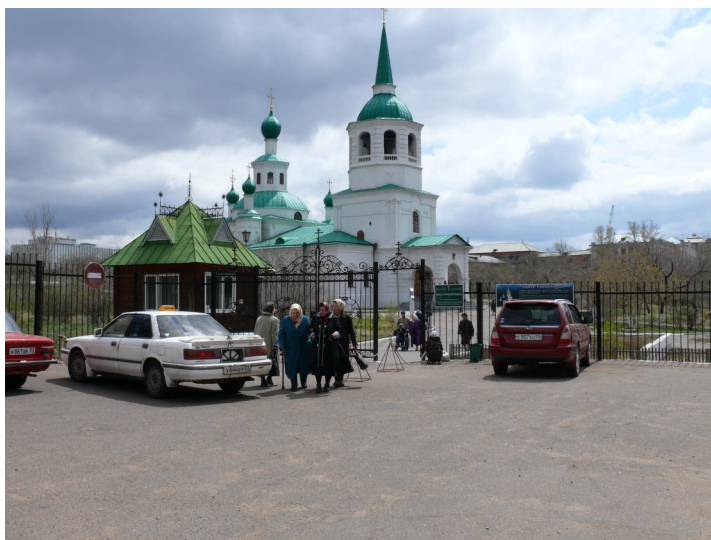

Рис. 27. Жилой дом с крышей в «восточном стиле»

Рис. 28. Свято-Одигитриевский собор

Рис. 29. Свято-Троицкий храм

Рис. 30. Свято-Вознесенский храм

Рис. 31. Свято-Никольский храм

Рис. 32. Дуган «Хамбын Хүрэ»

Рис. 33. Дуган «Ринпоче-Багша»

Рис. 34. Буддийский женский дуган

Рис. 35. Дуган в жилом квартале

Рис. 36. Объединение шаманов «Тэнгэри»

Рис. 37. Старообрядческая церковь в честь святого благоверного князя Александра Невского (строительство)

Рис. 38. Строительство старообрядческой церкви на пересечении ул. Сахьяновой и Терешковой

Рис. 39. Костел

Рис. 40. Мечеть

Рис. 41. Зал Царствия Свидетелей Иеговы

Глава 3

Образное поле города: формирование культурного пространства постсоветского Улан-Удэ

3.1. Культурное пространство Улан-Удэ

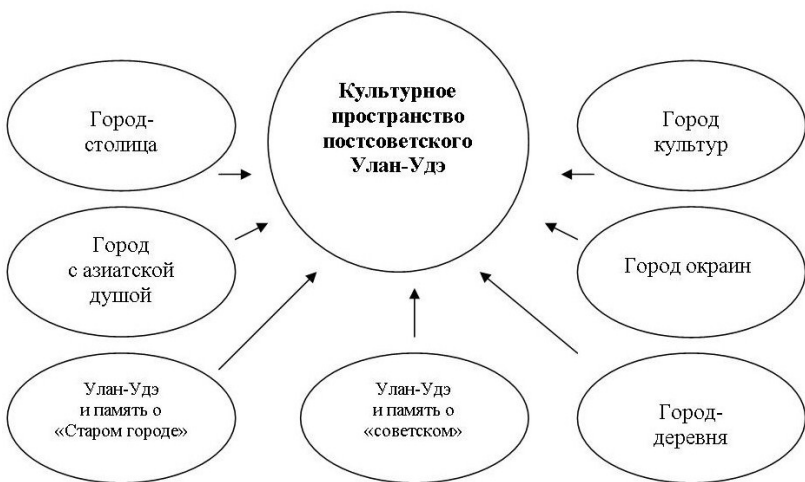
Замысел настоящего параграфа состоит в представлении выделенных в предыдущей главе культурных контекстов во взаимосвязи. В совокупности они образуют предмет нашего интереса – культурное пространство постсоветского Улан-Удэ. Итак, далее мы последовательно рассмотрим, во-первых, выделенные нами семь культурных контекстов (уже не по отдельности, а в структурно-системном ракурсе), во-вторых, содержащиеся в контекстах признаки города, и, наконец, знаковые места города в их соотношении с контекстами и признаками.

Контексты города: горизонтальные и иерархические связи

Напомним, что в логике ландшафтно-образного подхода культурное пространство города может быть проинтерпретировано через модель места как палимпсеста. Данная модель представляет пространство как совокупность сосуществующих контекстов, каждый из которых ориентируется на свою доминанту (главный признак) и организуется вокруг существующих в ландшафте знаковых мест (об этом см. во Введении). Проведенное исследование постсоветского Улан-Удэ позволяет предложить модель культурного пространства города²⁵⁸, изображённую на Рис. № 42.

---

²⁵⁸ Понятно, что предложенный нами перечень культурных контекстов не отражает культурной реальности постсоветского Улан-Удэ в полной мере, он является лишь теоретической моделью, включающей, на наш

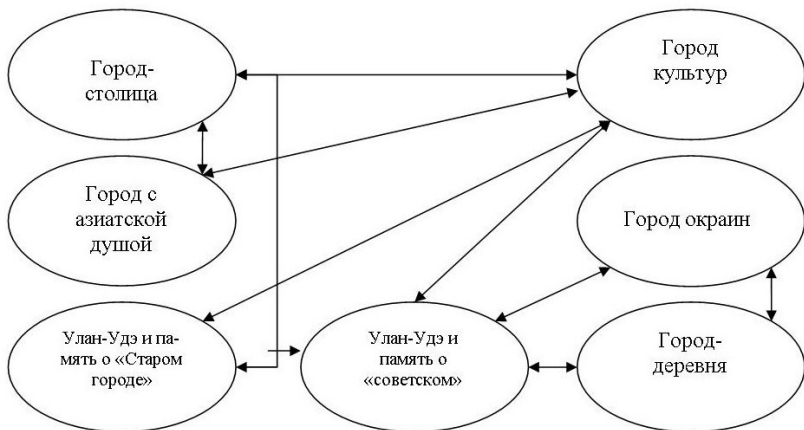
Рис. 42. Контексты (группы признаков) постсоветского Улан-Удэ

Предложенная схема, иллюстрирующая структурное наполнение культурного пространства города, не указывает при этом на содержательную связь между контекстами. Между тем такие корреляционные связи, конечно, существуют. Представим их в следующей схеме (Рис № 43).

Культурное пространство постсоветского Улан-Удэ может быть представлено, как мы видим, в качестве системы, воспроизводящейся на основе сосуществования трех исторических реальностей (дореволюционной, советской и формирующейся постсоветской). Органичное переплетение этих реальностей в современной ситуации обеспечивается во многом за счет представления о городе как о (неизменном) историческом центре, столице региона (республики, бурятского мира и пр. – см. корреляционные связи контекста «город-столица»). В архитектурно-средовом смысле эту интегрирующую роль играют знаковые сегменты городского ландшафта (см. контексты «Верхнеудинск в Улан-Удэ», «советское в постсоветском Улан-Удэ», «город-деревня», «город окраин»), отчетливо сигнализирующие о том, продуктом каких исторических эпох является город.

взгляд, наиболее устойчивые пространственные реалии и представления о городе.

Рис. 43. Корреляционные связи между контекстами

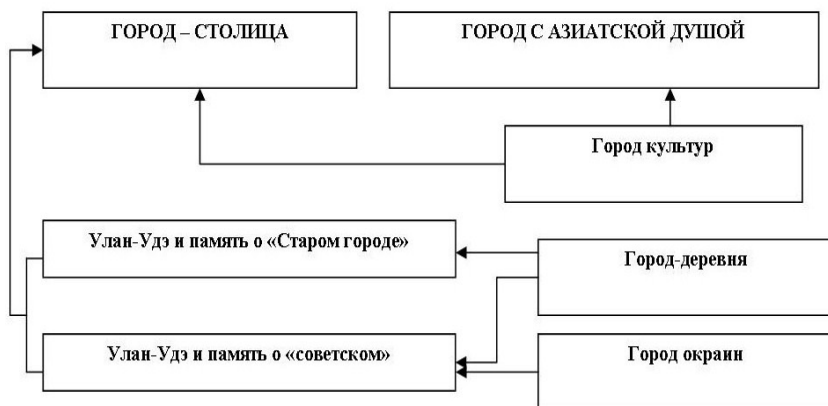
Второй значимой составляющей культурного пространства города в изучаемый период (1991-2011 гг.) являются колоритные реалии сосуществования и взаимодействия различных культур и религий (главными из которых сегодня являются буддизм, православие и шаманизм)²⁵⁹. При этом в системе пространственных представлений о культурном разнообразии города, как мы выяснили, доминирующее положение приобретает идея «города – столицы бурятского мира» – национальной столицы с ее национальными религиями: буддизмом и шаманизмом (см. контекст «город с азиатской душой»).

Из приведенной схемы также следует, что часть контекстов содержательно «поглощает» остальные, интегрируя вложенные в них смыслы. Это означает, что одни контексты доминируют над другими. Следуя этой логике, все они могут быть представлены не только горизонтально, но и иерархически, что позволяет раскрыть связи между ними в новом ракурсе и в итоге приблизиться к более глубокому их пониманию. Иерархические связи в данном случае позволяют также добиться свертывания всех выделенных контекстов до нескольких доминантных, что упрощает их ком-

²⁵⁹ Реалии дружественного сосуществования различных этнических и религиозных групп постоянно манифестируются в ходе главных общегородских праздников (День города, Масленица, Сагаалган, Сурхарбан).

плексное восприятие. Материалы ландшафтного и неландшафтного анализа текста города позволяют представить иерархические связи между контекстами (Рис. № 44).

Рис. 44. Иерархические связи между контекстами

В этой связи мы можем говорить о двух доминантных контекстах культурного пространства постсоветского Улан-Удэ – контекстах, представляющих его в качестве «исторической столицы» и «города с азиатской душой». Как мы покажем далее, данные контексты обладают и более значительными, чем остальные, дискурсными ресурсами. Пока же отметим, что и другие контексты, выделенные нами в ходе исследования, не стоит определять как вторичные, несодержательные и малозначимые. «Улан-Удэ и память о “Старом городе”», «Улан-Удэ и память о “советском”», «город-деревня», «город окраин», «город культур» – все эти контексты являются значимыми с точки зрения культурного восприятия постсоветского Улан-Удэ. Они позволяют рассматривать культурное пространство города в качестве многомерной совокупности культурных миров, что в конечном итоге дает возможность представить, интерпретировать, прочесть город по-разному. Важно осознать к тому же, что доминирование тех или иных контекстов всегда остается условным, и каждый из второстепенных контекстов может в определенной ситуации занять главенствующие позиции. Эту возможность предполагает, в частности, и используемая нами модель культурного пространства места как палимпсеста (Рис. № 45).

Рис. 45. Контексты в модели палимпсеста

Каждый из контекстов-слоев палимпсеста, как мы выяснили в предыдущих параграфах, образован системой пространственных представлений о городе и опирается на те или иные устойчивые исторические, культурные и социальные реалии, связанные с постсоветским Улан-Удэ. В связи с этим каждый из них представляет собой относительно автономную сферу городского опыта, значимость которой проявилась в последние двадцать лет по-разному и в разных условиях – под воздействием процессов этнокультурного возрождения, в ходе постсоветских миграций, исходя из потребностей туристического брендинга и т.п. Объединяющим для них является то обстоятельство, что все они (конечно, в разной степени) оказали существенное влияние на структурное наполнение общегородской идентичности в постсоветский период. Стоит вспомнить хотя бы нынешний герб города, представляющий семантически сложное переплетение символов бурятской, римской и монгольской культуры, дореволюционной, советской и постсоветской истории города (Рис. № 1). Характерным для Улан-Удэ является то, что именно в последние годы «пространственно-временной континуум, включивший все аспекты трехвековых идентификационных практик, актуализировался в полном объеме»²⁶⁰. Подобная фрагментарность, в действительности отражающая глубинную политекстуальность постсо-

²⁶⁰ Амоголонова Д.Д, Скрынникова Т.Д. Текст и контекст Улан-Удэ: сложный образ городского пространства. – С. 291.

ветского Улан-Удэ, как мы уже отмечали, отражает и множественность задач самоидентификации, которые городу как символическому центру и столице республики еще предстоит решить.

При том, что материалом для общественной рефлексии относительно общегородской идентичности стали «все» аспекты городской истории и культуры в «полном объеме», в основу многослойной модели презентации города вошли, конечно, лишь отдельные фрагменты его прошлого и настоящего. Это особенно хорошо иллюстрирует контекст «Верхнеудинск в Улан-Удэ». Дореволюционное прошлое города в постсоветской ситуации в целом приобрело исключительно привлекательное визуальное (в виде реконструированных объектов «Старого города») и текстовое (в первую очередь, купеческая история²⁶¹) наполнение. Мрачные и непривлекательные с точки зрения презентации города сюжеты (ссылка, каторга, провинциальное положение уездного города) не были артикулированы. В этом проявляется достаточно целенаправленное использование «исторического материала», что в целом пока не приводит к очевидно негативным социальным последствиям.

Еще одной особенностью культурной репрезентации постсоветского Улан-Удэ является активное манифестирование его исключительности, что связано, по всей видимости, с задачами туристического брендинга²⁶² и в целом характерно для конструирования отечественной городской истории в последние десятилетия.

---

²⁶¹ Представление дореволюционного Верхнеудинска в первую очередь как купеческого, торгового города было характерно для местных авторов и в советские годы. См., например, первый путеводитель по Улан-Удэ, подготовленный Р.А. Серебряковой: Серебрякова Р.А. Улан-Удэ. Путеводитель. – С. 5, 15-17. («старый торговый Верхнеудинск», «старый купеческий Верхнеудинск»).

²⁶² Улан-Удэ, как уже отмечалось, становится одним из центров Байкальской туристско-рекреационной зоны. Это подталкивает городскую власть и местное бизнес-сообщество более активно реконструировать, воспроизводить и манифестировать отдельные сюжеты, связанные с исторической и культурной «исключительностью» города. См. также: Муниципальная целевая программа «Развитие туризма в г. Улан-Удэ на 2009-2011 гг.» (в ред. Постановления Администрации г. Улан-Удэ от 27.02.2009 N 88) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uutavel.ru/files/program.htm> (24.03.2010); Инвестиционные проекты в сфере туризма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uutavel.ru/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=45> (24.03.2010).

тилетия. В современном Улан-Удэ таким манифестом, отражающим специфику его пространственных и символических позиций, стала идея «города с азиатской душой», «столицы Азии Байкальской». Продвижение этой идеи усложнилось в 1990-ые гг.: в частности, в городском ландшафте весьма небольшое сигнализировало об «азиатском» прошлом и настоящем Улан-Удэ. Переформатирование социалистического ландшафта в ландшафт «национальной столицы» в конце 1990-2000-х гг., в первую очередь посредством установки этнически маркированных памятников и скульптур, позволило в некоторой степени соотнести воображаемый подобным образом город с его наличной реальностью²⁶³.

Этот пример показывает, что те или иные пространственные представления о городе, содержащиеся во всех выделенных нами контекстах, – суть пространственные мифы (мифологии). Они конструируются в результате множественной интерпретации города и наделения его в результате семиозиса²⁶⁴ множественными значениями. При этом смыслом изучения этих мифологий для нас была не столько демистификация, сколько «познание культурных механизмов, идеологических соблазнов»²⁶⁵, наполняющих городское пространство. Вместе с тем мы осознаем, что каждое из представлений, заложенных в том или ином контексте, стремится натурализоваться, утвердиться, выдать себя за систему объективных фактов – «истинную» реальность²⁶⁶. В рамках первого из выделенных нами контекстов натурализуется видение постсоветского Улан-Удэ в качестве города-исторической столицы, в рамках второго – представление об Улан-Удэ как о символическом

---

²⁶³ Об «отставании» городской архитектоники постсоветского Улан-Удэ от связанного с ним мифологического метанарратива см. также: Буряты: социокультурные практики переходного периода. – С. 119-132.

²⁶⁴ Мы опираемся в данном случае на «пространственную» интерпретацию семиозиса, предложенную И.И. Митиным. См., например: Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы. – С. 193-239, 626-675.

²⁶⁵ Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни / С. Бойм. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – С. 12.

²⁶⁶ Показательно здесь известное замечание А.Ф. Лосева: «Миф – это не выдумка, но – наиболее яркая и самая подлинная действительность». См.: Лосев А.Ф. Из ранних произведений / А.Ф. Лосев. – М.: Правда, 1990. – С. 396.

центре Байкальской Азии и т.д. Специфика этих образов заключается в их содержании, то есть связана с теми или иными признаками самого места. Единой же является лишь их форма, в нашем случае – пространственный миф.

Итак, мы выяснили, что каждый из выделенных нами контекстов предлагает отличительное видение города, альтернативное остальным и в определенных условиях «закрывающее» собой другие. При этом теоретическая модель палимпсеста, которую мы использовали, не подразумевает иерархию контекстов, главенствование одних и второстепенную роль других. Между тем, в конкретных случаях одни из контекстов становятся доминантными, а другие – второстепенными. Это зависит от двух факторов. Во-первых, от того, насколько тот или иной контекст как система пространственных представлений о городе соотносится с реалиями города, во-вторых, от потребности города в артикуляции конкретного контекста, формируемой местным сообществом или отдельными его группами. Продвижение любого контекста происходит на уровне дискурсов – в их столкновении за право наделять город определенным значением. В нашем случае то или иное видение постсоветского Улан-Удэ (вос)производится и утверждается разными дискурсами в разной же степени. Ведь каждый из контекстов может являться продуктом как одного, так и нескольких дискурсов. В частности, административный дискурс (дискурс муниципальной власти) отдает предпочтение представлению о городе как о «столице», «городе с азиатской душой», «столице бурятского мира». Он же, по понятным причинам, не заостряет внимание на представлении об Улан-Удэ как о «городе окраин», «городе-деревне» – контекстах, столь значимых с точки зрения, например, повседневного дискурса о городе. Эти пространственные мифы осмысливаются, прежде всего, в рамках академического дискурса, что само по себе, конечно, очень важно. Если попытаться соотнести выделенные нами контексты с дискурсами, которые их формируют и поддерживают наиболее активно, описываемая ситуация может быть представлена следующим образом – см. Рис. № 46.

Как мы видим, в «столкновении» дискурсов, связанном с утверждением образов города, наибольшую «поддержку» имеют четыре контекста: «город-столица», «город с азиатской душой», «Улан-Удэ и память о "Старом городе"», «город культур». Именно они сегодня и задают рамку культурного восприятия постсоветского Улан-Удэ. Оставшиеся три контекста («Улан-Удэ и память

о "советском", «город-деревня», «город окраин»), крайне значимые с точки зрения наличной реальности города, в целом выпадают из его официальной (публичной) презентации, но остаются значимыми на уровне повседневного дискурса.

№	Наименование контекста	Наименование дискурса
1	Город-столица	Административный дискурс, повседневный дискурс, туристический дискурс, дискурс художественной элиты, дискурс СМИ.
2	Город с азиатской душой	Административный дискурс, академический дискурс, туристический дискурс, дискурс этнически мыслящей бурятской элиты (административной, художественной, экономической и др.), дискурс СМИ.
3	Улан-Удэ и память о «Старом городе»	Административный дискурс, академический дискурс, русско-православный дискурс (Русской православной церкви, Русского культурного центра в Улан-Удэ, Забайкальского казачьего войска); дискурс СМИ.
4	Улан-Удэ и память о «советском»	Административный дискурс, академический дискурс, повседневный дискурс.
5	Город-деревня	Академический дискурс, повседневный дискурс, дискурс СМИ.
6	Город окраин	Академический дискурс, повседневный дискурс, дискурс СМИ.
7	Город культур	Административный дискурс, академический дискурс, повседневный дискурс, туристический дискурс, дискурс СМИ.

Рис. 46. Контексты и утверждающие их дискурсы

Контексты и признаки города

Каждый из выделенных нами культурных контекстов (слоев палимпсеста) включает не одно, а несколько сложных, многокомпонентных пространственных представлений о постсоветском Улан-Удэ (признаков). Сначала выявив эти множественные признаки в ходе неландшафтного анализа, а затем уточнив их в ходе визуального исследования города, мы выделили в их структуре главные (доминантные) – способные собрать вокруг себя иные схожие по смыслу признаки. Наименования контекстов были сформулированы исходя из доминантного признака, вокруг ко-

торого они и организовывались (столица, город с азиатской душой, город окраин и т.д.).

Рис. 47. Контексты и составляющие их признаки постсоветского Улан-Удэ

При этом, помимо того или иного доминантного признака города, каждый из контекстов содержит и другие – второстепенные признаки, которые также заслуживают внимания и системного обобщения. Существенная роль данных признаков заключается в том, что они в совокупности обеспечивают содержательную насыщенность соответствующих контекстов, делая их более легитимными. Кроме того, данные признаки могут быть рассмотрены как протообразы постсоветского Улан-Удэ – совокупность тематически близких ассоциаций, касающихся города. Именно из протообразов складываются образы города, являющиеся одним из вариантов пространственной интерпретации городской реальности и представлений о ней. Сводный перечень

признаков постсоветского Улан-Удэ мы представили в виде схемы (Рис. № 47).

Контексты и знаковые места

В полевом исследовании помимо выявления образов-признаков города решалась также задача поиска и «прочтения» в городском ландшафте знаковых мест – объектов, вызывающих те или иные ассоциации – с последующим «сложением» их в прото-образы. В качестве таких мест, напомним, могут выступать различные объекты: участки территории, отдельные сооружения на местности (памятники, скульптуры, заборы, строения и т.п.), символические изображения и конструкции (плакаты, стелы, барельефы и т.п.), встречающиеся в ландшафте надписи (граффити, вывески, объявления и т.п.)²⁶⁷. В ходе ландшафтного анализа текста постсоветского Улан-Удэ – сбора визуальных данных о его знаковых местах, мы посчитали целесообразным посетить все районы города – не только исторический центр, но также спальные, промышленные микрорайоны, зоны многоэтажной застройки и слабо урбанизированные территории, в которых преобладает сельский образ жизни. Это позволило, как представляется, раскрыть разнообразие городской обыденной жизни, выйти за рамки исключительно «туристической» презентации места, добиться искомого визуального насыщения городской повседневности. В ходе визуального обследования Улан-Удэ, проведенного в соответствии с выделенными культурными контекстами в основном в течение 2010 г., нами был составлен перечень знаковых мест городского ландшафта²⁶⁸ (Рис. № 48).

---

²⁶⁷ См.: Замятина Н.Ю. Формирование образа города: особенности и закономерности. – С. 50-51.

²⁶⁸ Знаковые места культурного ландшафта постсоветского Улан-Удэ, которые являются еще и историко-культурной достопримечательностью города, позволяет определить и неландшафтный анализ городского текста. В частности, их описание и визуальное представление можно обнаружить на официальном сайте города, на сайтах и продукции туристических компаний (открытках, значках, магнитах и пр.), продукции местных товаропроизводителей и пр. Хорошей иллюстрацией в этом смысле стал местный художественный фильм – первая бурятская комедия «Чайник», вышедшая в улан-удэнский прокат в 2010 г. В фильме, в частности, представлены следующие знаковые места города: Царская арка, Гэсэр, Проспект Победы, монумент боевой и трудовой славы, Этнографический музей, памятник Ленину на площади Советов, «Арбат», «Богатырский мост», фонтан «Звезда» у мемориала Победы, Государст-

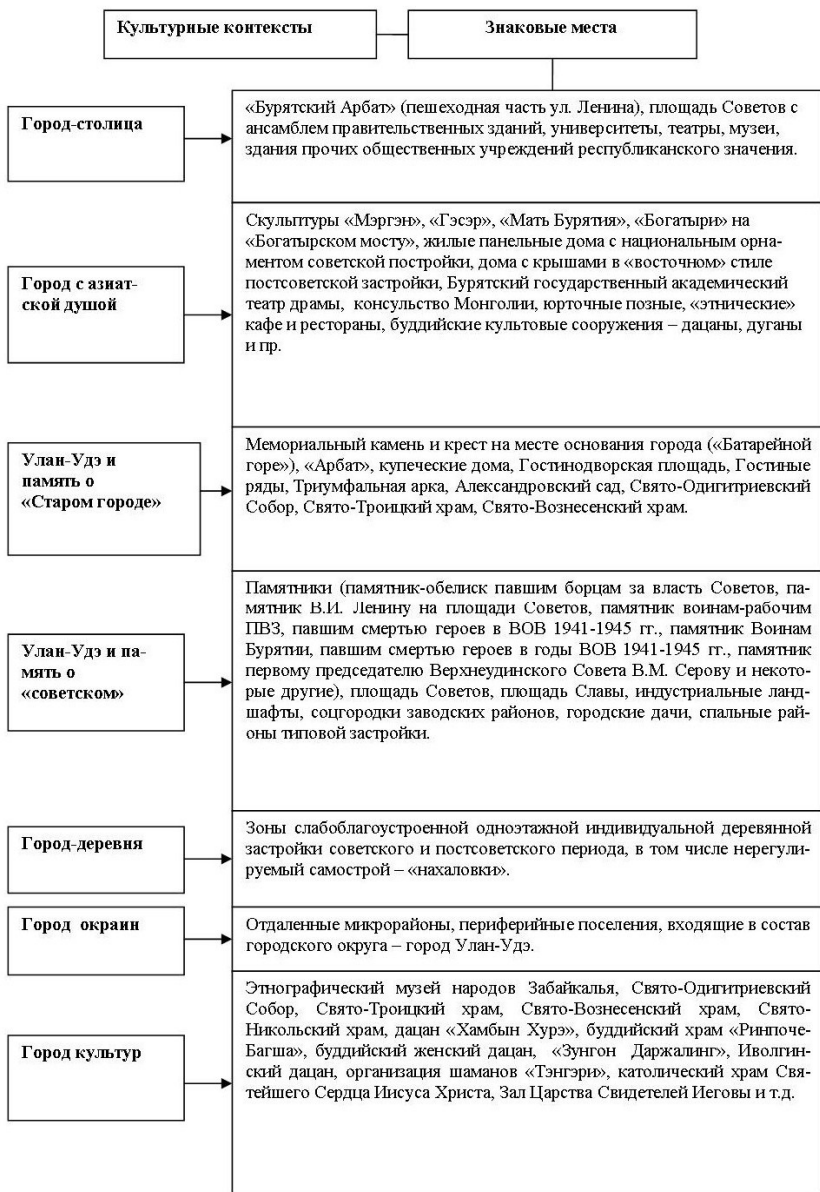

Как мы видим, каждому культурному контексту (системе родственных признаков города) соответствует целый ряд знаковых мест городского ландшафта. Несмотря на то, что выделенные культурные контексты обладают известной автономностью и самостоятельностью, вполне очевидно, что их и многое объединяет. В частности, одни и те же признаки города могут опираться на одни и те же знаковые места, а, значит, и составлять основу разных контекстов. К примеру, являясь «столицей многонациональной республики», Улан-Удэ может быть определен и как «столица бурятского мира». То же характерно и для знаковых мест. Пешеходный участок ул. Ленина – «Арбат» – за счет историко-культурной реконструкции в постсоветский период способствует созданию образа «старого купеческого города». При этом его «московское» название, а также установленная здесь скульптура «Герб города» (Рис. № 49) одновременно утверждают его и в качестве знакового места «города-столицы»²⁶⁹. Буддийские культовые учреждения, расположенные в тех или иных частях города, сигнализируют не только о том, что Улан-Удэ – «буддийская столица России», но и о том, что город является «воротами в этнокультурный мир республики». Иначе говоря, каждый из семи культурных контекстов, образуя самостоятельный пласт палимпсеста, имеет те или иные связи с другими контекстами, поскольку опирается на подчас схожие культурные реалии и знаковые места городского ландшафта. Такого рода корреляционные связи между контекстами обеспечивают их соотнесенность, что придает модели палимпсеста характеристику единства. Иными словами, совокупность контекстов, образующая культурное пространство постсоветского Улан-Удэ, воспринимается как нечто целостное, внутренне непротиворечивое, органичное. Надо сказать вместе с этим, что рассматриваемое пространство все еще формируется, создаются и утверждаются различные характеризующие его образы, происходит их внутреннее содержательное развитие. В связи с этим говорить о складывании некой характеризующейся высокой устойчивостью модели пока преждевременно.

венный русский драматический театр им. Н. Бестужева, Горсад, скульптура «Стихия» и некоторые другие.

²⁶⁹ «Земляки дорогие! / Введ из Вас каждый рад, / Что у нас появился / Настоящий Арбат». См.: Дугарова В. Арбат / В. Дугарова // Любовь моя – Улан-Удэ: стихи и песни. – С. 55-57.

Рис. 48. Контексты и знаковые места постсоветского Улан-Удэ

Рис. 49. Скульптура «Герб Улан-Удэ»

3.2. Моделирование образов современного Улан-Удэ: старые задачи, новые перспективы

В заключительном параграфе хотелось бы вновь вернуться к вопросам, о которых шла речь во Введении, а именно – задуматься над тем, какими возможностями обладает современный Улан-Удэ с точки зрения моделирования его геокультурных образов и как эти возможности можно было бы эффективно реализовать. Обращаясь к прошлым и современным представлениям о городе, анализ которых был дан в предыдущих главах, постараемся также соотнести старые задачи, с разной степенью успешности решавшиеся в советском Улан-Удэ, с теми изменениями, которые произошли в городе за прошедшие двадцать лет.

Стоит отметить, что вопросы, связанные с целенаправленной разработкой образов Улан-Удэ, попали в общегородскую повестку дня относительно недавно – в начале 2000-х гг. Именно в это время формирование городского имиджа, бренда в Улан-Удэ, как и в большинстве региональных столиц России, перестало быть проблемой одних лишь архитекторов и узкой части «общественности», а стало одним из значимых экономических направлений территориального развития. В случае с Улан-Удэ этому способствовало, как уже отмечалось, складывание туристического вектора в развитии всей Республики Бурятия. Надо сказать, что, действительно, если раньше задача создания «неповторимого облика города» была главным образом архитектурной проблемой, то сегодня она стала еще и проблемой дискурсной, то есть проблемой, связанной с формированием определенного текста о городе, который можно было бы использовать в его репрезентации не только на микро-, но и на макроуровне.

Это не значит, однако, что проблемы в архитектурной политике и реальной застройке города были решены. Представляется логичным здесь начать с вопросов, которые были обозначены еще в советское время и, как нам кажется, продолжают сохранять актуальность по сей день. Надо сказать, и это признавали советские архитекторы, что серьезно задумываться о формировании благоприятного облика города в Улан-Удэ стали лишь в позднесоветское время, с конца 1970-ых – начала 1980-х гг. Показательны в этом смысле размышления архитектора города Л.К. Минерта, изложенные им в монографии «Архитектура Улан-

Удэ»²⁷⁰, а также серия статей о проблемах городской застройки, инициированная редакцией газеты «Правда Бурятии» в 1981-1982 гг.²⁷¹. Изложенные в них разнообразные замечания, касающиеся формирования уникального облика города, кажется возможным объединить в четыре группы. Итак, в чем же они заключались?

Во-первых, в городской архитектурной политике слабо отражены особенности уникальной природной среды города, состоящей из рек, лесов, холмов и т.д. Слабо обыгран селенгинская и удинская пространственная панорама: не выделена специфика города, связанная с его расположением на двух достаточно крупных реках. Улан-Удэ мог бы стать стал городом-садом.

Во-вторых, в архитектуре Улан-Удэ не нашли должного отражения национальные особенности местного сообщества, связанные в первую очередь с культурой бурятского народа, в то время как город позиционируется в качестве столицы национальной республики.

В-третьих, в городе системно не реализуется комплексная застройка микрорайонов, направленная на формирование в конкретных его точках таких архитектурных ансамблей, которые обладали бы единством идеи и стиля (например, таким стал ансамбль Площади Славы в соцгородке ЛВРЗ).

Наконец, в-четвертых, в планировочной политике и реальном строительстве недостаточное внимание уделяется сохранению знаковых идейно-смысловых и архитектурно-выразительных ансамблей, составляющих историческую ценность (в частности, речь шла о Гостиных рядах и дореволюционной застройке в целом).

Вот, пожалуй, четыре наиболее значимых в контексте нашего исследования замечания, которые были актуальны для Улан-

---

²⁷⁰ См.: Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ. – С. 211-222.

²⁷¹ Дискуссию открыла статья народного художника РСФСР А.Н. Сахаровской. См.: Сахаровская А.Н. Каков он, город, в котором живем? / А.Н. Сахаровская // Правда Бурятии. – 1981. – 15 авг. – С. 4; Хвостова Л. Хозяева, а не квартиранты / Л. Хвостова // Правда Бурятии. – 1981. – 28 авг. – С. 4; Баранов С. Зачем эти «бородавки»? / С. Баранов // Правда Бурятии. – 1981. – 28 авг. – С. 4; Чернинов М.Ж. Улан-Удэ должен иметь свой облик / М.Ж. Чернинов // Правда Бурятии. – 1981. – 1 сент. – С. 4. См. также реплики жителей города, опубликованные в номерах газеты «Правда Бурятии» от 10 сентября, 1, 15 октября, 12 ноября 1981 г.

Удэ начала 1980-х гг. Сегодня, тридцать лет спустя, эти замечания, на наш взгляд, не просто продолжают сохранять свою актуальность, они по-прежнему могут стать основой для корректировки городской стратегии и политики по формированию уникального образа города.

Начнем с первого замечания, связанного с возможностью использования в ходе моделирования образа города особенностей его реальной географии – окружающей природной среды. Речь здесь стоит вести в первую очередь о двух реках, на которых стоит Улан-Удэ – Уде и Селенге. Образ двуречья, при всей его потенциальной мощности, до сих пор слабо проработан и остается мало востребованным. Уду и Селенгу, конечно, не сравнить с Тигром и Евфратом, Янцзы и Хуанхэ, однако это, в общем, и не важно. В случае с Улан-Удэ могут быть задействованы не сколько географические названия, сколько сам факт и связанный с ним образ «слияния», который можно распространить на историю и современные реалии взаимопроникновения в городе Запада и Востока, русской и бурятской культуры и т.п. С точки зрения архитектурной и планировочной политики важно *открывать* берега двух рек, делать их видимыми и привлекательными, продолжать их обустройство. Сегодня Селенга и особенно Уда (давшая, между прочим, название городу) окружены на значительных участках промышленными территориями и зонами деревянной застройки советских лет, а потому остаются в целом «невидимыми» как для самих горожан, так и для туристов.

Важной составляющей образа Улан-Удэ может стать идея фронта между степью и лесом (тайгой), идея границы Юга и Севера республики (Байкальской Азии). Действительно, если с юго-запада и юго-востока город окружают равнинные степи Иволгинского, Тарбагатайского и Заиграевского районов республики, то на северо-востоке его встречает тайга и хорошо известный жителям северных районов республики горный перевал.

Кроме того, Улан-Удэ расположен на холмистой территории, что также может быть востребовано при моделировании его образа, проектировании и застройке отдельных его пространственных локусов. Например, так был застроен Проспект Победы, с одной стороны усиливающий доминирование нагорной территории центра города над его пойменной частью, находящейся ниже, а с другой стороны, открывающий панорамный обзор на долину Селенги. Улан-Удэ в этом смысле может быть назван «городом холмов», «городом рек и холмов» и т.п. Наконец, завершая

разговор о природной среде и о тех возможностях, которые она дает в моделировании образа Улан-Удэ, следует сказать и о растительном мире, формирующем внутреннюю и внешнюю среду города. В этой связи Улан-Удэ может быть представлен, допустим, как «город сосен и тополей». И, конечно, городу, расположенному на двух реках, положено быть зеленым, быть городом-садом.

Второе из обозначенных выше замечаний касалось того, что в архитектуре советского Улан-Удэ не нашли должного отражения национальные особенности республики и местного сообщества, связанные, в частности, с историей и культурой бурятского народа. Произошедшие в последние десятилетия изменения стоит рассматривать двояко. С одной стороны (об этом мы говорили в параграфе 2.2) образ Улан-Удэ в качестве столицы бурятского мира получил серьезное развитие как в смысле символического конструкта, широко транслируемого в публичном пространстве города, так и с точки зрения насыщения городского ландшафта знаковыми элементами. Речь идет в первую очередь о скульптурах (Мэргэн, Мать-Бурятия, Гэсэр, Батеры на Богатырском мосту) и оформлении жилых (дома с изогнутыми вверх крышами в «восточном» стиле) и общественных зданий (реконструированный вариант Бурятского государственного академического театра драмы). Вместе с тем вряд ли стоит оценивать эти изменения как достаточные. Необходимо продолжать обустраивать город таким образом, чтобы его наличная реальность соотносилась с манифестируемыми образами.

Сам по себе образ «Улан-Удэ – столица бурятского мира» представляется для современного Улан-Удэ крайне удачным. С одной стороны, с 1923 г. по настоящее время город, действительно, *является* столицей территории, объединенной по национально-территориальному принципу, и это позволяет говорить о том, что указанный образ не ложен, не вымышлен, является отражением исторических реалий. С другой стороны, Улан-Удэ с известными поправками еще с советских времен *мыслится* как столица этнической Бурятии, и это позволяет говорить о том, что рассматриваемый пространственный миф учитывает реально существующие в общественном сознании установки и стереотипы о городе. В этой связи нацеленность мэрии на разработку и утверждение маркеров бурятской культуры в столице республики кажется вполне логичной. Представление города в таком качестве к тому же не связано с какими-либо сепаратистскими настрое-

ниями. Вместе с тем роль общегородской идеи, и это уже отмечалось нами ранее, приобретает в современном Улан-Удэ не этот, а другой образ, представляющий город в качестве «столицы Байкальской Азии». Показательно в этом смысле то, с какими проектом Улан-Удэ выиграл конкурс туристических маршрутов республики 2011 г. – «Улан-Удэ – столица Азии Байкальской» – такое поэтическое название носит экскурсионный маршрут-победитель»²⁷². Этот образ, кстати, более политкорректен с точки зрения межэтнических интересов и потенциально может вобрать в себя представления об Улан-Удэ, связанные с рассмотренными нами контекстами «город культур» и «город с азиатской душой». Речь идет, в частности, о следующих образах: «ворота в этнокультурный мир республики», «зеркало этнокультурного разнообразия республики», «центр Забайкальского этнокультурного и религиозного ренессанса», «многонациональный», «многоконфессиональный город», «самый толерантный город России», «столица бурятского мира», «буддийская столица России», «ворота в культурный мир Азии» (§ 2.2, 2.7).

Вообще образ «столицы Байкальской Азии» удачно раскладывается на три субкомпонента: образ столицы, образ Байкала и образ Азии. В предыдущей главе, анализируя контекст «город-столица», мы отметили, что восприятие Улан-Удэ (Верхнеудинска) в качестве неизменного центра (Западного) Забайкалья имеет глубокие исторические корни. Характерным является его восприятие в качестве «единственного города республики». Но поскольку Улан-Удэ физически отдален от Байкала²⁷³ и азиатским *как место* он является, пожалуй, лишь географически и стратегически, нужно думать над тем, какие меры могли бы поспособствовать тому, чтобы внешний облик города, отдельные элементы его ландшафта сигнализировали о связи Улан-Удэ с оз. Байкал, а также с историей и культурой Байкальской Азии. На фоне Иркутска, в последнее десятилетие активно претендующего на статус «столицы Байкальского региона», Улан-Удэ следует более активно утверждать свою позицию единственной столицы Байкальской Азии. Это представляется важным как минимум с точки зрения развития туризма, в частности, повышения туристической привлекательности города и республики.

---

²⁷² Лучший туристский маршрут республики – в Улан-Удэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uutavel.ru/> (12.03.2011).

²⁷³ Физическое расстояние города от Байкала составляет 75 км.

Третье из четырех обозначенных в начале параграфа замечаний касалось того факта, что в советском Улан-Удэ системно не реализовывалась комплексная застройка микрорайонов, направленная на формирование в конкретных его точках таких архитектурных ансамблей, которые бы обладали единством идеи и стиля. Надо сказать, такого рода ансамбли все же были в советском Улан-Удэ. Можно указать, например, на Площадь Советов, Площадь Славы, Проспект Победы. В постсоветский период истории города столь же успешные проекты, как представляется, пока не были реализованы. Речь, повторюсь, идет именно о комплексной застройке, состоящей из нескольких зданий и прилегающих к ним территорий.

Наконец, четвертое замечание «из советского прошлого» заключалось в том, что в планировочной политике и реальном строительстве недостаточное внимание уделяется *сохранению* знаковых идейно-смысловых и архитектурно-выразительных ансамблей, имеющих историческую ценность. В дискуссии на страницах «Правды Бурятии» в 1981-1982 гг. речь шла о сохранении и реставрации зоны дореволюционной застройки. В этом смысле значимым достижением постсоветской политики по охране и сохранению архитектурного наследия города стала реставрация центральной зоны «исторической» территории Улан-Удэ, сложившейся вокруг Гостиных рядов и «Арбата» – пешеходного участка ул. Ленина (ранее – Большой, Большой Николаевской). Реанимация пространственного локуса «Старого города» была усилена за счет реставрации в этой зоне в 2006 г. Царской арки и в 2010 г. Александровского сада (см. параграф 2.3). В то же время нерешенным остается вопрос о том, как следует поступить с другими дореволюционными постройками вне центральной части «исторической зоны», часть из которых представляет достойные примеры деревянной архитектуры конца XIX-начала XX вв. Эти здания, сохранившиеся в советском Улан-Удэ ввиду прежде всего перманентно остро жилого кризиса, по-прежнему ожидают решительных действий со стороны местного сообщества и власти. Ситуацию осложняет то обстоятельство, что вопрос о сохранении / переустройстве / сносе этих сооружений пока не поставлен так остро, как это уже произошло в других отечественных городах (например, в соседнем Иркутске).

Проявляя заботу о дореволюционной исторической застройке, не стоит забывать и о советском архитектурном наследии, о тех решительных и значимых изменениях в городской застройке,

которые произошли в XX в. К социалистическим способам проектирования и строительства можно относиться по-разному, однако знаковым элементам социалистического ландшафта города, как представляется, следует сегодня уделять не меньше внимания, чем элементам дореволюционной застройки. Это касается скульптур и памятников, жилых и общественных зданий и их ансамблей. Показательный пример – Площадь славы, локальный центр Железнодорожного района, соцгородка ПВЗ (ЛВРЗ). Ее архитектурный ансамбль стал одним из самых удачных в советском Улан-Удэ. К настоящему моменту вся эта зона требует серьезной реконструкции и обновления, как это произошло, к примеру, с территорией исторической застройки «Старого города».

В качестве дополнительных задач «на перспективу», связанных с развитием образа города, хочется отметить две. Во-первых, Улан-Удэ не хватает символа, который мог бы, с одной стороны, ярко и информативно, а с другой стороны, просто и понятно отображать современную специфику города / местного сообщества или же, что более реалистично, представлять один-два наиболее значимых его образа (допустим, образ столицы Азии Байкальской и столицы бурятского мира)²⁷⁴. В логике современной политики по моделированию образа Улан-Удэ таким символом для города могли бы стать Байкал, скульптура Мать-Бурятия или фигура Батора, подобного тем, что расположены на Новом мосту («Богатырский мост»). Поскольку название города, если не переводить его на русский («красная Уда»), предопределяет его «мужское» начало (Улан-Удэ – «он», а не «она» как, например, Казань или Бурятия в целом), то и символ Улан-Удэ, как представляется, должен иметь «мужские» черты. «Богатырь» (Батор) мог бы стать таким собирательным элементом («город богатырей»). При этом совсем не обязательно, чтобы у него был воинственный вид, как, например, у «Гэсэра» и «Богатырей» на Новом мосту. Этот символ можно было бы связать с национальным видом спорта бурят – борьбой; к тому же он в еще большей степени укрепил бы символическую связь города с соседним Улан-*Батором* – городом-побратимом в широком смысле. Надо сказать, что варианты эмблемы Улан-Удэ могут быть совершенно разными, поскольку город к настоящему времени представляет

---

²⁷⁴ В качестве примера можно привести Уфу и ее символ – пчелу (башкирский мед).

собой сложное переплетение не одного-двух, а нескольких внутренне содержательных социокультурных контекстов, связанных с его историей, богатой на знаковые перемены, и современностью, отличающейся многообразием выбора оригинального общегородского образа. Даже если отвлечься от «высоких», формируемых в основном элитой города, символов и обратиться к изменениям в городском ландшафте, можно найти несколько интересных вариантов. В частности, обилие появившихся в Улан-Удэ в последние три-пять лет кафе-позных и в целом особое отношение местных жителей к позам (по-бурятски – бүүзам) также можно было бы использовать в качестве яркой и привлекательной эмблемы города, который мог бы называться, например, «городом горячих бурятских поз»²⁷⁵ (по примеру венских колбасок, баварского пива и т.п.).

Вторая задача, которую также важно продолжать решать, заключается в необходимости соотносить значимые образы Улан-Удэ с образными моделями более широких территориальных образований (Республики Бурятия, Байкальской Азии, России). Важно, чтобы образы города логично встраивались в образы Бурятии в целом. Результаты исследования показали, что эта задача в общем-то успешно решается. Вместе с тем моделирование образов республики и их продвижение на локальном и глобальном уровне – также задача на перспективу, и нельзя сказать, что сегодня она в достаточной мере решена. Еще одной задачей в связи с соотношением образов различного уровня является потребность в моделировании образов отдельных внутригородских территорий Улан-Удэ (как вариант, трех городских районов – Железнодорожного, Октябрьского, Советского). Важно, чтобы помимо имеющихся устойчивых представлений о них, как о «промышленном», «спальном», «центральном» районах города, формировались и другие их образы, которые, с одной стороны, соотносились бы с образами более высокого уровня, а, с другой, – с наличным ландшафтом этих территорий, включая такие знаковые места, как идейно значимые и художественно выразитель-

---

²⁷⁵ Данная метафора позаимствована мной у Николая Карбаинова, статья которого с одноименным названием будет опубликована в исследовательском альманахе Центра независимых социальных исследований и образования (Иркутск) «Столицы...», посвященном двум городам – Иркутску и Улан-Удэ.

ные архитектурные ансамбли, отдельные здания, скульптуры, памятники и пр.

Образы города, если мы рассматриваем их в качестве инструмента экономического развития, являются, безусловно, продуктом специального моделирования и не рождаются спонтанно. Их разработка предполагает аналитическое изучение всевозможных текстов о городе, визуальный анализ городского ландшафта, исследование устойчивых пространственных ассоциаций (стереотипов), составление образных карт, схем и т.д. Важно осознавать также, что исключительно технический подход, связанный с разработкой грамотно оформленных образов для сугубо экономических целей «во имя развития территории», и решит только экономические задачи. Вместе с тем формирование общегородской идентичности, в том числе за счет утверждения социально значимых образов и идей, связанных с городом, историей и культурой местного сообщества, установка новых памятников, скульптур и т.п. – все это должно решать и другие задачи, связанные с интеграцией городского сообщества, формированием у рядовых горожан ощущения принадлежности к его истории и причастности к современным переменам.

Заключение

Цель исследования, основные результаты которого были положены в основу данной книги, заключалась в том, чтобы представить постсоветский Улан-Удэ, городскую историю и культуру через связанные с ними образы городского пространства. Визуальный анализ городского ландшафта, анализ городского неландшафтного текста показал, что Улан-Удэ, характеризующийся общими для многих российских городов качествами, одновременно обладает целым рядом историко-культурных особенностей, формирующих отличительный метатекст городской культуры. Не возвращаясь к задачам книги, ее логике и структуре, уже описанным во Введении, представим далее основные выводы и результаты исследования.

Развитие культурного пространства Улан-Удэ в постсоветский период его истории было связано с потребностями самоопределения города, переосмысления городской идентичности в новых политико-экономических и социокультурных условиях конца 1980-х-начала 1990-х гг. Существенную роль в этом процессе сыграли развернувшиеся в Республике Бурятия со времени Перестройки процессы этнокультурного и, в частности, религиозного возрождения у бурят и русских. В связи с развитием Байкальской туристической зоны, начиная с 2000-х гг., на формирование и утверждение пространственных представлений об Улан-Удэ, составляющих его культурное пространство, существенное влияние оказал туристический вектор развития города и республики. Это выразилось во множественных эффектах фольклоризации и экзотизации культурного ландшафта города, манифестации его исключительности.

Постсоветский Улан-Удэ являет собой пример сложного полисемантического пространства, в котором сосуществуют, изменяются и взаимодействуют различные культурные контексты, сформировавшиеся на протяжении сравнительно долгой истории города от Удинского зимовья до столицы Республики Бурятия. Продолжающийся территориальный и демографический рост поселения в целом не нарушает сложившихся стереотипов в отношении Улан-Удэ; напротив, он во многом способствует закреплению существующих символических зон и знаковых характеристик. Одновременно постсоветская модернизация вносит в формирующийся городской культурный метатекст новые коннотации

и нюансы, во многом определяющие, с одной стороны, настроения и оценки горожан, а с другой стороны – цели, направления и способы развития города в различных аспектах.

В исследовании в ходе анализа исторических особенностей города, нарративов административного, академического, туристического, художественного дискурсов о постсоветском Улан-Удэ, а также материалов дискурса СМИ нами были сформированы предпосылки для определения и легитимации современных образов города. Учитывая исторический контекст (§ 1.1-1.2), мы определили семь наиболее мощных контекстов (групп признаков), характерных для постсоветского Улан-Удэ. В книге они получили названия: «город-столица», «город с азиатской душой», «Улан-Удэ и память о “Старом городе”», «Улан-Удэ и память о “советском”», «город-деревня», «город окраин» и, наконец, «город культур» (§ 2.1-2.7).

В работе показано, как каждый из выявленных культурных контекстов связан с дореволюционными и советскими историко-культурными реалиями города. В ходе анализа эмпирических данных мы выяснили, что восприятие Улан-Удэ в качестве «города-столицы» опирается на представление о нем как о «единственном городе республики», «общереспубликанском центре», «центре общественной жизни республики», «городе, устремленном в будущее», «транспортном узле Забайкалья», «порождающем центре республики», «центре своего мира», «звезде республики», «колыбели республики». Культурный контекст «город с азиатской душой» выстраивается на основе таких образов, как: «столица бурятского мира», «очаг национальной культуры», «столица Байкальской Азии», «буддийская столица России», «ворота в культурный мир Азии». Воспроизводство культурного контекста «Улан-Удэ и память о “старом городе”» связано с артикуляцией его дореволюционного прошлого и образов «города-форпоста», «старого города», «города исторического», «торгового города», «города славных купеческих традиций». «Советское» в постсоветском Улан-Удэ обнаруживается в ходе его интерпретации в роли «советского», «социалистического», «(пост)индустриального города», «типично российского города», «советской столицы национальной республики». Контекст «город-деревня» включает такие пространственные представления, как «маленький город», «большая деревня», «не-город». В качестве признаков «города окраин» нами обозначены следующие образы постсоветского Улан-Удэ: «город фрагментов», «город-мозаика». Наконец, заключительный кон-

текст, представляющий постсоветский Улан-Удэ как «город культуры», был описан нами исходя из представлений о нем как о «многонациональном», «многоконфессиональном» городе, «самом толерантном городе России», «воротах в этнокультурный мир республики», «зеркале этнокультурного разнообразия республики», «центре Забайкальского этнокультурного и религиозного ренессанса».

Важно отметить, что вначале мы рассматривали каждый из культурных контекстов как отдельный фрагмент культурной реальности города, самостоятельную, автономную структуру, способную в определенных условиях «закрыть» собой остальные. В заключительной главе книги (§ 3.1) мы проанализировали выявленные контексты в их совокупности, представив модель культурного пространства постсоветского Улан-Удэ. Данное пространство было интерпретировано нами как совокупность сосуществующих контекстов, каждый из которых ориентируется на свою доминанту (главный признак) и организуется вокруг существующих в ландшафте знаковых мест (модель места как палимпсеста). Это позволило не только соотнести содержащиеся в контекстах признаки города и соответствующие им знаковые места (Рис. № 47, 48), но и прояснить характер корреляционных и иерархических связей между контекстами (Рис. № 43, 44).

Рассмотренные в таком ракурсе контексты, как показало исследование, представляют культурное пространство постсоветского Улан-Удэ в качестве системы, воспроизводящейся на основе сосуществования трех исторических реальностей (дореволюционной, советской и формирующейся постсоветской). Органичное переплетение этих реальностей в современной ситуации обеспечивается во многом за счет представления о городе как о (неизменном) историческом центре, столице региона, республики. В архитектурно-средовом смысле эту интегрирующую роль играют знаковые сегменты городского ландшафта, отчетливо сигнализирующие о том, продуктом каких исторических эпох является город.

Второй значимой составляющей культурного пространства постсоветского Улан-Удэ являются реалии сосуществования и взаимодействия различных культур и, в частности, религий и верований (главные из которых в городе сегодня – буддизм, православие и шаманизм). При этом в системе пространственных представлений о современном Улан-Удэ, как показало исследование, доминирующее положение приобретает идея «города с

азиатской душой», «города-столицы Байкальской Азии». В целом мы можем говорить о двух доминантных контекстах культурного пространства современного Улан-Удэ – контекстах, представляющих его в качестве «исторической столицы» и «города с азиатской душой».

В ходе исследования мы пришли к выводу, что в дискурсном «столкновении», связанном с утверждением образов города, наибольшую поддержку имеют четыре контекста – «город-столица», «город с азиатской душой», «Улан-Удэ и память о “Старом городе”», «город культур» (Рис. № 46). Именно они сегодня и задают рамку культурного восприятия города. Оставшиеся три контекста («Улан-Удэ и память о “советском”», «город-деревня», «город окраин»), весьма значимые с точки зрения наличной реальности города, в целом выпадают из его официальной (публичной) презентации, оставаясь значимыми на уровне повседневности (повседневного дискурса).

Среди образов пространства постсоветского Улан-Удэ, формирующих отличительный метатекст городской культуры, можно выделить основные: «город-столица», «столица Азии Байкальской», «столица бурятского мира», «город исторический», «торговый город», «город славных купеческих традиций».

Исследование структуры и содержания культурного пространства постсоветского Улан-Удэ позволило выявить многообразные связи между современными пространственными интерпретациями города и его дореволюционной, а также советской историей. Это позволяет говорить о том, что культурное и историческое восприятие города сегодня особенно тесно связаны. Перечисленные выше пространственные представления о постсоветском Улан-Удэ отражают его глубокую политекстуальность, которая оказалась значимой на современном этапе развития города. Вместе с тем артикуляция того или иного представления об Улан-Удэ зависит от задач его (вос)производства, формулируемых и реализуемых разного рода общественными силами. Показательно доминирование образов «столицы Байкальской Азии» и активное развитие образа «древнего города», связанного с Гуннским городищем (см. сноску № 57), ставших значимыми с точки зрения публичной (внешней) репрезентации города в последние годы. Интрига современной ситуации заключается, пожалуй, лишь в том, что все происходящие события – это лишь начало будущих изменений, участниками которых горожанам еще предстоит стать.

Среди «старых» задач, которые стоят перед городскими властями и местным сообществом, мы решили отметить четыре. Во-первых, в городской архитектурной политике все еще слабо отражены особенности уникальной природной среды города, сложенной из рек, лесов, холмов, оврагов и т.д. Слабо обыгранна селенгинская и удинская пространственная панорама: не выделена специфика города, связанная с его расположением на двух достаточно крупных реках и холмистой территории. Во-вторых, в архитектуре Улан-Удэ все еще не нашли достаточного отражения национальные особенности местного сообщества, связанные в первую очередь с культурой бурятского народа, в то время как город позиционируется в качестве столицы национальной республики. В-третьих, в Улан-Удэ в целом системно не реализуется комплексная застройка микрорайонов, направленная на формирование в конкретных его точках таких архитектурных ансамблей, которые бы обладали единством идеи и стиля (например, таким стал ансамбль Площади Славы в соцгородке ЛВРЗ). Наконец, в-четвертых, в планировочной политике и реальном строительстве остается нерешенным вопрос о сохранении знаковых идейно-смысловых и архитектурно-выразительных ансамблей, имеющих историческую ценность (более подробно см. § 3.2).

В книге также отмечается, что Улан-Удэ не хватает символа, который мог бы, с одной стороны, ярко и информативно, а с другой стороны, просто и понятно отображать современную специфику города / местного сообщества или же, что более реалистично, один-два наиболее значимых его образа. Важно при этом, на наш взгляд, чтобы и символ, и соответствующие образы Улан-Удэ было тесно связаны с образными моделями более широких территориальных образований (Республики Бурятия, Байкальской Азии, России).

Итоги исследования, помимо высказанных выше основных его положений и связанных с ними замечаний, пожеланий, задач «на будущее», иллюстрирует смоделированная автором *образная карта постсоветского Улан-Удэ* (Рис. № 50). В ходе ее разработки были учтены не только те знаковые представления о городе, которые с разной степенью активности формируются и продвигаются сегодня, но и ряд образов, которые могли бы быть приобщены к ним, поскольку опираются на реалии городского ландшафта и учитывают устойчивые особенности восприятия города.

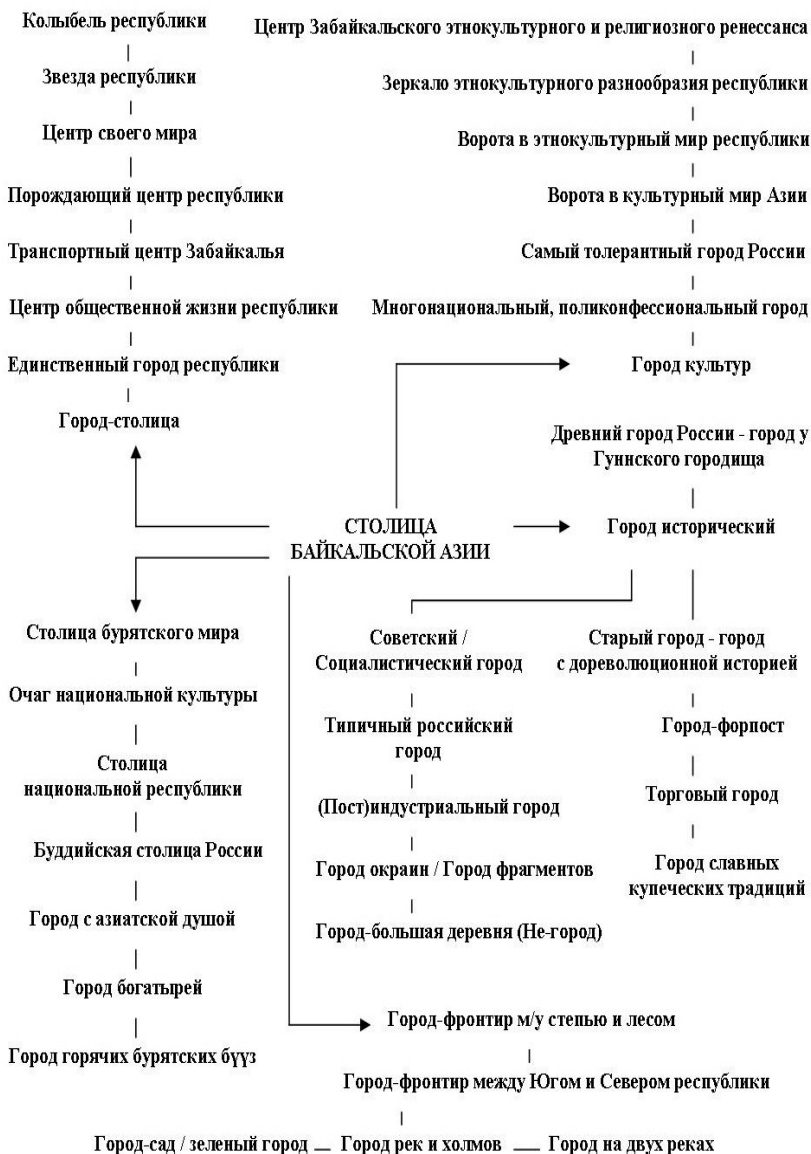

Рис. 50. Образная карта постсоветского Улан-Удэ

Надо отметить, что за последние десять-двадцать лет, несмотря на известные проблемы городского бюджета, а также характерную для всей страны слабость института общественных дискуссий, в Улан-Удэ произошли значимые сдвиги в осмыслении и переформатировании культурного пространства, составляющих его образов и знаковых мест. Постепенно обретает свои очертания единая общегородская идея, становятся более содержательными и выразительными другие образы города. Вполне понятными и известными являются обозначенные выше проблемы, и это открывает широкое поле для содержательной проектной работы. Автору данной книги хочется лишь надеяться, что ее основные положения поспособствуют развитию данной работы, а предложенные модели и схемы окажутся востребованы среди тех, кто участвует в развитии Улан-Удэ.

Литература

Абрамян Л. Ереван. Память и забвение в организации пространства постсоветского города / Л. Абрамян // Антропологический форум. – 2010. – № 12. – С. 248-271.

Айдаев Г. Советский район – праматерь столицы / Г. Айдаев // Советский район: годы и люди. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2003. – С. 13-16.

Амоголонова Д.Д. Современная бурятская этносфера: дискурсы, парадигмы, социокультурные практики / Д.Д. Амоголонова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. – 292 с.

Амоголонова Д.Д., Скрынникова Т.Д. Текст и контекст Улан-Удэ: сложный образ городского пространства / Д.Д. Амоголонова, Т.Д. Скрынникова // Россия: воображение пространства / пространство воображения / отв. ред. И.И. Митин. – М.: Аграф, 2009. – С. 268-294.

Амоголонова Д.Д. Возвращение Хамбо-ламы Итигэлова в контексте бурятского этнокультурного возрождения / Д.Д. Амоголонова // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе: сборник статей. – Вып. IV. – Барнаул, 2010. – С. 140-153.

Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. Альманах-исследование / под ред. М.Я. Рожанского. – Иркутск, 2002. – 246 с.

Байкальская Сибирь. Предисловие 21-го века. Альманах-исследование / под ред. М.Я. Рожанского. – Иркутск, 2007. – 304 с.

Балдано М.Н. Город в Байкальской Азии: процессы индустриализации и урбанизации / М.Н. Балдано // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии: материалы международного семинара-совещания / К.Б-М. Митушов [и др.] – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2006. – С. 38-42.

Балханов И.Г. Двуязычие и социализация / И.Г. Балханов. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2002. – 253 с.

Баранов С. Зачем эти «бородавки»? / С. Баранов // Правда Бурятии. – 1981. – 28 авг. – С. 4.

Барт Р. Мифологии / Р. Барт. – М.: Академический проект, 2008. – 351 с.

Батомункуев С.Д. Урбанизация по-деревенски. Улан-Удэ грозит рураризация / С.Д. Батомункуев // Город. Газета соучастия. – 2005. – № 1. – С. 6.

Батурин С.А. Новый облик Верхнеудинска–Улан-Удэ в фотодокументах 1920-1930-х годов / С.А. Батурин // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всероссийского науч. симпозиума (г. Новосибирск, 21-22 октября 2010 г.) / отв. ред. Д.А. Алисов, Ю.Р. Горелова. – Омск: Наука, 2010. – С. 43-47.

Башкуев Г. Легко ли быть молодым? / Г. Башкуев // Час пик Улан-Удэ. – 2009. – 24 дек. – С. 4.

Бойм С. Общие места. Мифология повседневной жизни / С. Бойм. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 320 с.

Болотов Б.Б., Д.М. Хамаганова. Улан-Удэ – древний город России. К 135-летию Верхнеудинской городской Думы. Самоуправление: время, события, люди / Б.Б. Болотов, Д.М. Хамаганова. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2010. – 160 с.

Борходоева Е. Центр отдыха переедет в кварталы / Е. Борходоева // Информ полис. – 2002. – 10 апр.

Бреславский А.С. Городские окраины Улан-Удэ: образы пространства и политики номинаций / А.С. Бреславский // Город и село в условиях глобализации (на примере Республики Бурятия): мат-лы междунар. семинара / отв. ред. Ю.В. Попков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 33-44.

Бреславский А.С. Конструирование «городских окраин» в постсоветском Улан-Удэ / А.С. Бреславский // Палітычная сфера. – 2009. – № 12. – С. 74-88.

Бреславский А.С. Исторический контекст формирования постсоветского Улан-Удэ / А.С. Бреславский. – Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 4, том 2. – С. 13-17.

Бреславский А.С. Исследования города / А.С. Бреславский // Антропологический форум. – 2010. – № 12. – С. 39-47.

Бреславский А.С. Городские окраины Улан-Удэ: политики номинаций в административном дискурсе / А.С. Бреславский // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всероссийского науч. симпозиума (г. Новосибирск, 21-22 октября 2010 г.) / отв. ред. Д.А. Алисов, Ю.Р. Горелова. – Омск: Наука, 2010. – С. 187-191.

Бреславский А.С. Сельско-городская миграция в постсоветской Бурятии: практики расселения в Улан-Удэ / А.С. Бреславский // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом

и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX-XX XX-XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. – Иркутск: Оттиск, 2010. – С. 132-155.

Бреславский А.С. Городская история как предмет дискурсивного анализа: ресурсы и программа исследования / А.С. Бреславский // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 1. – С. 102-105.

Бреславский А.С. Культурное пространство постсоветского Улан-Удэ (1991-2010 гг.): дисс. на соиск. уч. степ. канд-та ист. наук по спец-ти 24.00.01 – теория и история культуры. – Улан-Удэ. – 2011. – 196 с.

Бреславский А.С. Культурное пространство постсоветского Улан-Удэ (1991-2010 гг.): автореф. дисс. на соиск. уч. степ. канд-та ист. наук по спец-ти 24.00.01 – теория и история культуры. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 23 с.

Будаева Ц.Б. Миграция населения в зеркале общегосударственных перемен / Ц.Б. Будаева // Бурятия. – 2002. – 1 нояб. – С. 4.

Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение / П. Бурдые // Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 33-52.

Бурдые П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П. Бурдые // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – СПб.: Алетей, 1999. – С. 125-166.

Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период) / Т.Д. Скрынникова, С.Д. Батомункуев, П.К. Варнаровский. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 215 с.

Буряты: социокультурные практики переходного периода / Амоголонова Д.Д. [и др.] / отв. ред. Т.Д. Скрынникова. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2008. – 346 с.

Вагин В.В. Российские города: новые подходы к изучению. Вместо предисловия / В.В. Вагин / Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. В.В. Вагин; Сер. «Научные доклады». – Вып. 116. – М.: МОНФ, 2000. – С. 4-12.

Варнаровский П.К. Современная дача как социокультурный феномен городской повседневности (на примере Улан-Удэ) / П.К. Варнаровский // Город и село в условиях глобализации (на примере Республики Бурятия): мат-лы междунар. семинара / отв. ред. Ю.В. Попков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 44-48.

Возвращенные имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России / А. Макарычев [и др.] – Нижний Новгород: IREX и Профессионалы за сотрудничество, 2004. – 116 с.

Галданов С. Город без горожан / С. Галданов // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты: альманах-исследование / отв. ред. М.Я. Рожанский. – Иркутск, 2002. – С. 58-59.

Галлас А. Город будет бороться с «самоволками» / А. Галлас // Номер один. – 2008. – 18 июня.

Голубев Е. В названиях улиц – история города // Час пик Улан-Удэ. – 2009. – 23 апр. – С. 8.

Город и село в условиях глобализации (на примере Республики Бурятия) / Г.В. Манзанова [и др.] / отв. ред. Ю.В. Попков. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 160 с.

Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии: материалы международного семинара-совещания / К.Б.-М. Митупов [и др.] – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2006. – 120 с.

Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки / Д.Д. Амоголонова [и др.]. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 220 с.

Гунтыпова Э., Шулунова Р. Миграция и высшее образование (по результатам опроса в Бурятской сельхозакадемии) / Э. Гунтыпова, Р. Шулунова // Вестник Евразии. – 2006. – № 2. – С. 47-61.

Дондуков Ц.Ц. Улан-Удэ – столица Советской Бурятии: историко-краеведческий очерк / Ц.Ц. Дондуков. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1961. – 132 с.

Дугаров Б.С. Столица Азии Байкальской // Б.С. Дугаров // Любовь моя – Улан-Удэ: стихи и песни / сост. Г.М. Дабаева, Б.С. Дугаров. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. – С. 8-16.

Дугарова В. Арбат / В. Дугарова // Любовь моя – Улан-Удэ: стихи и песни / сост. Г.М. Дабаева, Б.С. Дугаров. – Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. – С. 55-57.

Дятлов В., Кузнецов Р. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка / В. Дятлов, Р. Кузнецов // Экономическая социология. – 2004. – Т. 5., № 4. – С. 56-71.

Евдокимова С.В. Социально-экономическое развитие городов Забайкалья в XVII-XIX вв. / С.В. Евдокимова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2007. – 248 с.

Замула И.Ю. Городская культура и общественный быт Верхнеудинска (1875-1917 гг.) / И.Ю. Замула. – Иркутск: Изд-во Облмашинформ, 2001. – 208 с.

Замула И.Ю. Из истории семейских Верхнеудинска в XIX – начале XX вв. / И.Ю. Замула // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы III международной научно-практической конференции (26-28 июня 2001 г., г. Улан-Удэ). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – С. 176-179.

Замятин Д.Н. Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов / Д.Н. Замятин. – СПб.: Алетейя, 2003. – 331 с.

Замятин Д.Н. Метагеография города: особенности и закономерности / Д.Н. Замятин // Урбанизация в условиях трансформации социально-экономической структуры общества. – Смоленск: Универсум, 2003. – С. 74-80.

Замятин Д.Н. Культура и пространство: Моделирование географических образов / Д.Н. Замятин. – М.: Знак, 2006. – 448 с.

Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю., Митин И.И. Моделирование образов историко-культурной территории: методологические и теоретические подходы / отв. ред. Д.Н. Замятин. – М.: Институт Наследия, 2008. – 760 с.

Замятина Н.Ю. Формирование образа города: особенности и закономерности / Н.Ю. Замятина // Возвращенные имена: идентичность и культурный капитал переименованных городов России. – Нижний Новгород: IREX и Профессионалы за сотрудничество, 2004. – С. 49-70.

Йоргенсен М., Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод / М. Йоргенсен, Л. Филипс. – Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. – С. 290-291.

Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX века – февраль 1917 г.) / Л.В. Кальмина. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2003. – 423 с.

Капустина Е. «Нахаловку» будут разбирать «химики» / Е. Капустина // Информ полис. – 2001. – 07 нояб.

Карбаинов Н.И. «Городские» и «головары» в Улан-Удэ (молодежные субкультуры в борьбе за социальное пространство го-

рода) / Н.И. Карбаинов // Вестник Евразии. – 2004. – № 2. – С. 170-183.

Карбаинов Н.И. «Нахаловки Улан-Удэ»: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город / Н.И. Карбаинов // Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов / В.Н. Давыдов [и др.] – Хабаровск: Хабаровский научный центр ДВО РАН, 2006. – С. 129-154.

Карбаинов Н.И. «Нахаловки» Улан-Удэ: «огораживание» пригородной земли / Н.И. Карбаинов // Социс. – 2007. – № 11. – С. 136-139.

Ким Н.В. Очерки истории Улан-Удэ (XVII – начало XX вв.) / Н.В. Ким. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1966. – 114 с.

Козлов А. Качество жизни как практическая задача / А. Козлов // Советский район: годы и люди. – Улан-Удэ: Республиканская типография. – 2003. – С. 5-12.

Кореняко В. Альбина Цыбикова – художник и друг / В. Кореняко // Вестник Евразии. – 2003. – № 2. – С. 42-106.

Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии 1992-2002 гг.) / Н.П. Космарская. – М.: Наталис, 2006. – 597 с.

Космарская Н.П. Исследования города / Н.П. Космарская // Антропологический форум. – 2010. – № 12. – С. 74-85.

Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири / В.И. Кочедамов. – М.: Стройиздат, 1978. – 190 с.

Краюхин К. Улан-Удэ превращается в Понаехаловск / К. Краюхин // Номер один. – 2006. – 23 авг.

Культуры городов Российской империи на рубеже XIX-XX веков: Материалы межд. Коллоквиума (г. Санкт-Петербург, 14-17 июня 2004 г.) / под ред. Б.И. Колоницкого [и др.] – СПб: Европейский дом, 2009. – 428 с.

Купечество – Верхнеудинск – Улан-Удэ / Т.В. Паликова [и др.]. – Улан-Удэ: Экос, 2007. – 190 с.

Лосев А.Ф. Из ранних произведений / А.Ф. Лосев. – М.: Правда, 1990. – 656 с.

Ляпкина Т.Ф. Культура сибирского провинциального города: Верхнеудинск XIX века / Т.Ф. Ляпкина // Культура и личность: сб. статей. – СПб.: СПбГУКИ, 2006. – С.198-204.

Мангатаева Д.Д. Население Бурятии: тенденции формирования и развития / Д.Д. Мангатаева. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 131 с.

Мантурова С.Ч. Государственное призрение и благотворительность в Забайкалье: историко-культурные практики во второй половина XIX-начале XX вв.: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра ист.наук: специальность 24.00.01 – теория и история культуры [Восточно-Сибирский государственный технологический университет] / С.Ч. Мантурова. – Улан-Удэ, 2005. – 50 с.

Матвеева А. Готовьте деньги / А. Матвеева // Номер один. – 2005. – 6 апр.

Минерт Л.К. Архитектура Улан-Удэ / Л.К. Минерт. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. – 248 с.

Митин И.И. Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей места / И.И. Митин // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. – Вып. 3 / отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. – М.: Институт Наследия, 2006. – С. 64-82.

Митин И.И. Методика полевых гуманитарно-географических исследований в контексте мифогеографии / И.И. Митин // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. – Вып. 2 / отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. – М.: Институт Наследия, 2005. – С. 235-275.

Митин И.И. Место как палимпсест / И.И. Митин // 60-я параллель. – 2008. – № 4. – С. 20-25.

Митин И.И. Палимпсест, место как палимпсест [Материалы к словарю гуманитарной географии] / И.И. Митин // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах. – Вып. 2 / отв. ред. и сост. Д.Н. Замятин. – М.: Институт Наследия, 2005. – С. 351-353.

Митупов К.Б.-М. Молодежные группы Улан-Удэ во второй половине XX века: истоки и причины активизации взаимодействия, смена функций, криминализация отношений / К.Б.-М. Митупов // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии: материалы международного семинара-совещания / Митупов К.Б.-М. [и др.] – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2006. – С. 94-105.

Михалев А.В. Конструирование традиционности в пространстве «само строя» современного Улан-Удэ: этнографический очерк / А.В. Михалев // Известия Алтайского госуниверситета. – 2008. – № 4-5. – С. 142-146.

Михалев А.В. Советские мемориалы в Монголии: коллективная память и борьба за символическое пространство / А.В. Михалев // Диаспоры. – 2009. – № 2. – С. 208-232.

Мишакова О.Э. Верхнеудинск как важный торговый центр Восточной Сибири. Эволюция торгового законодательства, формирование торговой инфраструктуры города / О.Э. Мишакова // Исследования молодых ученых: межвуз. сб. ст. – Вып. 4. – Улан-Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2002. – С. 19-22.

Натаев П.Л. Улан-Удэ: краеведческий очерк / П.Л. Натаев. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1983. – 176 с.

Очерки истории культуры Бурятии / под ред. Е.М. Залкинда. – Улан-Удэ.: Бурят. кн. изд-во, 1972. – Т. 1. – 490 с.

Очерки истории культуры Бурятии / под ред. Г.Л. Санжиева. – Улан-Удэ.: Бурят. кн. изд-во, 1974. – Т. 2. – 647 с.

Паликова Т.В. Развитие культуры городов Забайкалья второй половины XIX – начала XX века / Т.В. Паликова. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2008. – 258 с.

Панарин С.А. Этнополитическая ситуация в Республике Бурятия / С.А. Панарин // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность / под ред. В.И. Дятлова, С.А. Панарина, М.Я. Рожанского. – М.-Иркутск: Наталис, 2005. – С. 23-94.

Письмо по вопросу сооружения памятника в честь основателей города Верхнеудинска – Улан-Удэ // Верхнеудинский вестник. – 2008. – № 3. – С. 1.

Постановление Администрации г. Улан-Удэ от 23 октября 2008 г. № 525 об утверждении муниципальной целевой программы «Развитие отдаленных микрорайонов, входящих в городской округ "город Улан-Удэ", на период 2008-2011 гг.» // СПС «Гарант».

Предпочтения должны быть равнозначны // Верхнеудинский вестник. – 2007. – № 2. – С. 5.

Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография: материалы VIII Всероссийского науч. симпозиума (г. Новосибирск, 21-22 октября 2010 г.) / отв. ред. Д.А. Алисов, Ю.Р. Горелова. – Омск: Наука, 2010. – 422 с.

Рандалов Ю.Б. Миграционные настроения сельских жителей: действующие факторы и тенденции (по материалам социологического исследования в Республике Бурятия) / Ю.Б. Рандалов [и др.]. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 114 с.

Ремнев А. Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане / А. Ремнев // Ab Imperio. – 2011. – № 1. – С. 169-205.

Садыкова И. В конце июня приставы снесут 47 «самоволок» / И. Садыкова // Номер один. – 2008. – 16 июля.

Санжиев П. Амнистия для самовольщиков / П. Санжиев // Номер один. – 2009. – 29 апр.

Сахаровская А.Н. Каков он, город, в котором живем? / А.Н. Сахаровская // Правда Бурятии. – 1981. – 15 авг. – С. 4.

Серебрякова Р.А. Улан-Удэ. Путеводитель / Р.А. Серебрякова. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968. – 146 с.

Скопинцева Е. Верхнеудинск в Улан-Удэ / Е. Скопинцева // Байкальская Сибирь: фрагменты социокультурной карты. – Иркутск, 2002. – С. 53-57.

Скрынникова Т.Д. «Молодеет моя столица – процветает Улан-Удэ» / Т.Д. Скрынникова // Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период) / сост. Т.Д. Скрынникова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – С. 109-124.

Скрынникова Т.Д. Улан-Удэ – советская столица национальной республики / Т.Д. Скрынникова // Город в системе этнокультурных взаимодействий Байкальской Азии: материалы международного семинара-совещания / К.Б.-М. Митупов [и др.]. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. – С. 71-84.

Содномпилова М.М. Сельско-городская миграция в Бурятии: формирование транслокального пространства / М.М. Содномпилова // Город и село в постсоветской Бурятии: социально-антропологические очерки. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 163-184.

Тиваненко А.В. Удинский острог: первое столетие Улан-Удэ / А.В. Тиваненко. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 121 с.

Трубина Е.Г. Город в теории: опыты осмысления пространства / Е.Г. Трубина. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 520 с.

Улан-Удэ: история и современность / сост. А.Б. Иметхенов, Е.М. Егоров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. – 480 с.

Улан-Удэ: путеводитель по городу / гл. ред. В.Г. Журман. – 2-е изд., доп. – Улан-Удэ: [б. и.], 2006. – 34 с.

Улан-Удэ: путеводитель. – Улан-Удэ: Домино, 2008. – 96 с.

Улан-Удэ: путеводитель / гл. ред. Л. Шишмарева. – Улан-Удэ: ЭКОС. – 98 с.

Улицы Улан-Удэ – памятники истории: словарь справочник / отв. ред. Л.В. Шулунова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 255 с.

Ульянова Л. Мальчишки держат в страхе весь Южлаг / Л. Ульянова // Номер один. – 2006. – 15 марта.

Филиппов А.Ф. Социология пространства / А.Ф. Филиппов. – СПб.: Владимир Даль, 2008. – 285 с.

Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России / К. Хамфри. – М.: Наталис, 2010. – 384 с.

Хвостова Л. Хозяева, а не квартиранты / Л. Хвостова // Правда Бурятии. – 1981. – 28 авг. – С. 4.

Чернинов М.Ж. Улан-Удэ должен иметь свой облик / М.Ж. Чернинов // Правда Бурятии. – 1981. – 1 сент. – С. 4.

Чешкова А. Ф. Методологические подходы к изучению городской пространственной сегрегации / А.Ф. Чешкова // Российское городское пространство: попытка осмысления / отв. ред. В.В. Вагин; сер. «Научные доклады». – Вып. 116. – М.: МОНФ, 2000. – С. 13-38.

Шагдарова А. Улан-Удэ задумался над имиджем / А. Шагдарова // Новая неделя. – 2008. – 10 дек. – С. 3.

Шишкина В. За «самоволки» возьмутся всерьез / В. Шишкина // Номер один. – 2007. – 26 дек.

Шманкевич Т. «Сжимающийся» город – новая сегрегация / Т. Шманкевич // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность / под ред. В.И. Дятлова, С.А. Панарина, М.Я. Рожанского. – М. – Иркутск: Наталис, 2005. – С. 295-307.

Шмидт С.Ф. Менеджмент географии / С.Ф. Шмидт // Иркутская губерния. – 2011. – № 1 (54). – С. 14-15.

Литература на иностранных языках

Amin A. Re-thinking the Urban Social / A. Amin // City. – 2007. – №. 11(1). – P. 100-114.

Amin A., Thrift N. Cities: Re-imagining the Urban / A. Amin, N. Thrift. – Cambridge: Polity Press, 2002. – 192 p.

Anderson K. Vancouver's Chinatown: Racial Discourse in Canada, 1875-1980 / K. Anderson. – Montreal: McGill-Queen's University Press, 1991. – 336 p.

Bater J. The Soviet City: Ideal and Reality / J. Bater. – London: Edward Arnold, 1980. – 196 p.

Fairclough N. Critical discourse analysis / N. Fairclough. – L.: Longman, 1995. – 246 p.

Fairclough N., Wodak R. Critical Discourse Analysis / N. Fairclough, R. Wodak // Discourse as Social Interaction: Discourse Stud-

ies. A Multidisciplinary Introduction. – Vol. 2. – London: Sage, 1997. – P. 258–284.

French R.A., Hamilton F.E. The socialist city. Spatial Structure and Urban Policy / R.A. French, F.E. Hamilton. – New-York: John Wiley and Sons, 1979. – 560 p.

French R.A. Plans, Pragmatism and People. The Legacy of Soviet Planning for Today's Cities / R.A. French. – London: University of Pittsburgh Press, 1995. – 233 p.

Humphrey C. Shamans in the City / C. Humphrey // *Anthropology Today*. – 1999. – Vol. 15, № 3. – P. 3-10.

Kaplonski C. Truth, History and Politics in Mongolia. The Memory of Heroes / K. Kaplonski. – L., NY: Routledge Curzon. – 2004. – 234 p.

Khan-Magomedov S.O. Pioneers of Soviet Architecture: the Search for New Solution in the 1920s and 1930s. / S.O. Khan-Magomedov. London: Thames and Hudson, 1987. – 618 p.

Koop A. Town and Revolution: Soviet Architecture and City Planning 1917-1935 / A. Koop. – London: Thames and Hudson, 1970. – 312 p.

Lappo G.M. Urban Geography in the Soviet Union and the United States // G.M. Lappo, N.V. Petrov, J. Adams – Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, 1992. – 258 p.

Lefebvre H. The Production of Space / H. Lefebvre. – Oxford: Basil Blackwell, 1991. – 454 p.

Manzanova G. City of migrants: Contemporary Ulan-Ude in the Context of Russian migration / G. Manzanova // *Urban Life in Post-Soviet Asia* / ed. by Alexander Catherine, Victor Buchli and Caroline Humphrey. – London: University College London Press, 2007. – 125-135.

Mitchell D. The Right to the City: Social Justice and the Fight for Public Space / D. Mitchell. – N.Y.: The Guilford Press, 2003. – 270 p.

Nas P. The Colonial City / P. Nas. – Leiden: Leiden University Press, 1997. – 312 p.

Pile S. Real Cities: Modernity, Spaces and the Phantasmagorias of City Life / S. Pile. – London: Sage Publications, 2005. – 212 p.

Soja E.W. Postmodern geographies: The Reassertion of space in critical social theory / E.W. Soja. – London: Verso, 1989. – 266 p.

Soja E.W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other Real-and-Imagined Places / E.W. Soja. – Oxford: Wiley-Blackwell, 1996. – 334 p.

Soja E.W. Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions / E.W. Soja. – Oxford: Wiley-Blackwell, 2000. – 440 p.

Urban Life in Post-Soviet Asia / ed. by Alexander Catherine, Victor Buchli and Caroline Humphrey. – London: University College London Press, 2007. – 224 p.

van Dijk T. Critical Discourse Analysis / T. van Dijk // Handbook of Discourse Analysis / ed by D. Tannen, D. Schiffrin, H. Hamilton. – Oxford: Blackwell, 2001. – P. 352–371.

Zhimbiev B. History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude / B. Zhimbiev. – London: The White Horse Press, 2000. – 121 p.

Электронные ресурсы

Администрация города Улан-Удэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulan-ude-eg.ru/> (15.12.2010).

Информационное агентство ВостокТелеИнформ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vtinform.ru/> (11.02.2011).

Информ Полис [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infpol.ru/> (20.03.2011).

Номер Один [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pressa.irk.ru/> (20.03.2011).

Официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.egov-buryatia.ru/> (15.12.2010).

Портал о туризме и отдыхе «На крыльях Пегаса» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pegasus.su> (18.02.2011).

Туристический портал города Улан-Удэ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uutravel.ru/> (15.12.2010).

Улан-Удэнская и Бурятская епархия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uud-eparh.ru> (27.01.2011).

Чудеса России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruschudo.ru> (12.12.2010).

Научное издание

Анатолий Сергеевич Бреславский

**ПОСТСОВЕТСКИЙ УЛАН-УДЭ:
КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ОБРАЗЫ ГОРОДА
(1991-2011 гг.)**

Утверждено к печати ученым советом
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
«Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН»
03 мая 2012 г. и осуществлено при финансовой поддержке
Администрации г. Улан-Удэ

Редактор Е.Г. Боярских

Компьютерная верстка А.С. Бреславского

Фото А.С. Бреславского

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
riobsu@gmail.com

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 1289 от 23 декабря 2011 г.

Подписано в печать 18.05.12. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 9,06. Уч.-изд. л. 7,72. Заказ № 156.

Отпечатано в типографии
РГ "Байкальский меридиан"
670031, г. Улан-Удэ, бульвар К. Маркса, 23 "а"
заказ № 743
тираж 300 экз.